

ИЗВЕСТИЯ ВОСТОЧНОГО ИНСТИТУТА

№ 2 (50) • 2021

Научный журнал

Выходит 4 раза в год

Основан в 1900 г.

Возобновлён в 1994 г.

До 2011 года выходил под названием «Известия Восточного института Дальневосточного государственного университета»

ISSN 2542-1611

Индекс 42398

DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-2>

СОДЕРЖАНИЕ

Дударёнок С. М. Институту истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН – 50 лет! 6

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Бреславец Т. И., Пантелеева М. В. Аллюзив художественной речи в дневнике странствий Мацуо Басё 22

ЛИНГВИСТИКА

Нгуен Тхи Там. Основные значения русских глаголов с префиксами ЗА-, ПО-, РАЗ- в сопоставлении с соответствующими глаголами с постфиксами -DI, -LÊN, -RA во вьетнамском языке 34

СОЦИУМ

Дмитриева М. О., Троякова Т. Г. Корейцы Узбекистана в поисках новой идентичности в Республике Корея 45

КУЛЬТУРА

Хованчук О. А., Кузьменко Н. Н. Становление поставок адаптированных кимоно из Японии в Европу на рубеже XIX–XX вв. 64

МЕТОДИКА

Ву Нгок Винь, Фам Куанг Лан. Универсальная модель разработки системы упражнений для обучения устному последовательному переводу вьетнамских студентов-филологов 73

СИПОЗИУМ

Кузнецов А. М., Бондаренко Д. М., Гаврилов В. В., Коньшев В. Н., Лукин А. Л., Малявин В. В., Назаров Р. Р., Федорченко С. Н., Ячин С. Е. «Блеск и нищета идентичности»: какие угрозы несут теоретические небрежности? 90

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Тощенкова В. А. «Жёлтый труд» в восприятии сельскохозяйственных обществ Приамурья (конец XIX – начало XX в.) 108

Хукаленко Ю. С. Обучение иностранным языкам (на примере английского) с помощью технологии виртуальной реальности: обзор основных разработок 118

**ИЗВЕСТИЯ
ВОСТОЧНОГО
ИНСТИТУТА**

АРХИВ

Материалы обследования кафедры китайского
языка ДВГУ, декабрь 1935 – январь 1936 годов.
Часть 2 129

АВТОРАМ И ЧИТАТЕЛЯМ 147

Главный редактор А. А. Хамагова

Зам. главного редактора А. Л. Лукин

Ответственный редактор Я. А. Барбенко

Редакционная коллегия

Р. М. Азизян	В. Л. Ларин	З. Г. Прошина
Х. Араи	Г. Н. Ловцевич	Е. В. Пустовойт
А. Б. Волынчук	З. Ф. Моргун	С. В. Севастьянов
С. М. Дударёнок	О. В. Николаева	А. Г. Сторожук
А. А. Киреев	В. Д. Николаенко	Юйхуа Сунь
В. В. Кожевников	Е. А. Первушина	И. А. Толстоулаков
А. М. Кузнецов	С. К. Песцов	В. Фудзимото
В. И. Курилов	Е. А. Поправко	Е. С. Шереметьева

Подписка на журнал принимается во всех почтовых отделениях. Информацию о стоимости и условиях подписки Вы можете найти в Объединенном каталоге «Пресса России» (Том 1. Газеты и журналы). Подписной индекс журнала: **42398**.

Почтовый адрес редакции: 690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10. Редакция журнала «Известия Восточного института».

Фактический адрес: г. Владивосток, о. Русский, кампус ДВФУ, корпус D (20), каб. D620.

Тел.: 8 (423) 223-00-21

Эл. почта: izvestyavi@yandex.ru

Сайт издания: https://www.dvfu.ru/schools/school_of_regional_and_international_studies/edition/ или <http://bit.ly/1g20Qsu>

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.

Качество печати иллюстраций соответствует качеству присланных авторами графических файлов.

Журнал распространяется на условиях лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

© Авторы, 2021

© Дальневосточный федеральный университет, 2021

ORIENTAL INSTITUTE JOURNAL

№ 2 (50) • 2021

Academic quarterly

Founded in 1900

Resumed in 1994

ISSN 2542-1611

DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-2>

CONTENTS

Dudarenok S. M. Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of FEB RAS celebrates its 50th anniversary	
Full Russian text	6
English abstract etc.	19

LITERARY STUDIES

Breslavets T. I., Panteleeva M. V. Allusive Style of the Art Speech in the Travelling Diary of Matsuo Bashō	
Full Russian text	22
English abstract etc.	32

LINGUISTICS

Thi Tam Nguyen. Basic Meanings of Russian Verbs with Prefixes 3A-, ПO-, PA3- in Comparison with Corresponding Vietnamese Verbs with Postfixes -ĐI, -LÊN, -RA	
Full Russian text	34
English abstract etc.	43

SOCIETY

Dmitrieva M. O., Troyakova T. G. Uzbek Koreans in Search of a New Identity in the Republic of Korea	
Full Russian text	45
English abstract etc.	60

CULTURE STUDIES

Khovanchuk O. A., Kuzmenko N. N. Development of Clothing Supply from Japan to Europe in Late 19th – Beginning of 20th Century and its Cultural Influence	
Full Russian text	64
English abstract etc.	71

TEACHING METHODS

Ngoc Vinh Vu, Quang Lan Phạm. Universal Model to Build a System of Consecutive Interpretation Exercises for Vietnamese Language-Specialized Students	
Full Russian text	73
English abstract etc.	83

Kuznetsov A. M., Bondarenko D. M., Gavrilov V. V., Konyshchev V. N., Lukin A. L., Malyavin V. V., Nazarov R. R., Fedorchenko S. N., Yachin S. E. The Splendors and Miseries of Identity: What Are the Pitfalls of Theoretical Negligence?	
Full Russian text	90

English abstract etc.	105
ACADEMIC MESSAGES	
Toshchenkova V. A. «Yellow labor» in the Perception of Agricultural Societies of the Amur Region (Late 19th – early 20th Centuries)	
Full Russian text	108
English abstract etc.	115
Khukalenko J. S. Foreign Language Acquisition (ESL) in Virtual Reality: Software Review	
Full Russian text	118
English abstract etc.	127
ARCHIVE	
Materials of the Inspection of the Chinese Language Department of Far East State University, December 1935 – January 1936. Part 2	
Full Russian text	129
English abstract etc.	146
INFORMATION FOR CONTRIBUTORS AND READERS	
	147

ORIENTAL
INSTITUTE
JOURNAL

Editor-in-Chief: Anna A. Khamatova
Deputy Editor-in-Chief: Artyom L. Lukin
Secretary-in-Chief: Yaroslav A. Barbenko

Editorial Board:

Ruben M. Azizian	Viktor L. Larin	Zoya G. Proshina
Hirofumi Arai	Galina N. Lovtsevich	Evgeniy V. Pustovoit
Andrey B. Volynchuk	Zoya F. Morgun	Sergey V. Sevastyanov
Svetlana M. Dudarenok	Olga V. Nikolaeva	Aleksandr G. Storozhuk
Anton A. Kireev	Valeriy D. Nikolaenko	Yuhua Sun
Vladimir V. Kozhevnikov	Elena A. Pervushina	Igor A. Tolstokulakov
Anatoliy M. Kuznetsov	Sergey K. Pestsov	Wakio Fujimoto
Vladimir I. Kurilov	Elena A. Popravko	Elena S. Sheremetyeva

English Editing: Viktoriya L. Zavyalova

Published on behalf of Oriental Institute–School of Regional and International Studies of the Far Eastern Federal University.

Editorial office post address: 10, Ajaks village, Russky Isl., Vladivostok, 690922, Russia.

Editorial office location: room D620, building D, FEFU Campus, Russky Isl., Vladivostok, Russia.

Tel.: +7 423 223-00-21

E-mail: izvestyavi@yandex.ru

Web: https://www.dvfu.ru/schools/school_of_regional_and_international_studies/edition/Oriental_Institute_Journal/

Subscription is available only in Russia, but everyone has free access to the web version of OIJ, see information upward.

The viewpoints expressed in OIJ are those of the authors and contributors, and do not necessarily reflect those of the editorial board.

The quarterly is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

© Authors, 2021

© Far Eastern Federal University, 2021

ДУДАРЁНОК Светлана Михайловна,
доктор ист. наук, профессор, ведущий научный сотрудник Отдела социально-политических исследований
Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток).
Электронная почта: dudarenoksv@gmail.com

Институту истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН – 50 лет!

DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-2/6-21>

Первого июля 2021 г. Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН отметил пятидесятилетие! Создание и становление института пришлось на весьма примечательное время для российского Дальнего Востока: шёл процесс интенсивного освоения природных ресурсов региона, создавались новые промышленные предприятия, вузы, обновлялись дальневосточные города, росло население. Росло идеологическое и военное противостояние двух «сверхдержав», резко обострились отношения между СССР и Китаем. В этих условиях возрастала роль гуманитарной и идеологической составляющей общественной жизни региона, которую и должна была формировать историческая наука [16, с. 5].

Решение об организации во Владивостоке Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока было принято Президиумом АН СССР 26 ноября 1970 г. Менее чем через год, 1 июля 1971 г., на базе существовавшего с 1954 г. в Дальневосточном филиале им. В. Л. Комарова СО АН СССР небольшого Отдела истории и археологии был создан ИИАЭ. Его первым и бессменным руководителем на протяжении 20 лет был академик АН СССР Андрей Иванович Крушанов (1921–1991).

Именно его усилиями Институт истории стал признанным в стране центром дальневосточной исторической науки.

А. И. Крушанов вёл огромную редакторскую работу: под его редакцией вышли в свет десятки монографий, коллективных трудов и научно-популярных изданий. Под его руководством началась работа над фундаментальными коллективными трудами Института – «Историей Дальнего Востока», «Историей Северо-Восточного Китая», историко-этнографической серией «История и культура народов Дальнего Востока» и др.

А. И. Крушанов – основатель научной школы «Комплексного анализа регионального исторического процесса». При нём активизировалась подготовка научных кадров для всего Дальнего Востока через аспирантуру, в том числе целевую. Андрей Иванович дал путёвку в «большую науку» многим учёным и преподавателям высшей школы: под его руководством подготовлено 8 докторских и 60 кандидатских диссертаций. Его ученики работают не только в ИИАЭ, но и практически в каждом вузе Дальнего Востока, определяя лицо исторической науки Дальневосточного региона.

В память об А. И. Крушанове, крупном учёном, патриоте Дальнего Востока, названы одна из улиц г. Владивостока, а также средняя общеобразовательная школа в с. Михайловка Михайловского района Приморского края, директором кото-

Для цитирования:
Дударёнок С. М. Институту истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН – 50 лет! // Известия Восточного института. 2021. № 2. С. 6–21. DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-2/6-21>

рой он был после службы в армии – (МБОУ СОШ им. А. И. Крушанова с. Михайловка). В ДВО РАН учреждена премия им. А. И. Крушанова в области гуманитарных наук; есть серебряная монета академик А. И. Крушанов руководитель ИИАЭ ДВО РАН; раз в два года проходит научная конференция – Крушановские чтения. В 1993 г. на здании созданного им ИИАЭ ДВО РАН была установлена мемориальная доска.

У истоков Института стояли ученые, оставившие заметный след в отечественной исторической науке. Среди них археологи д. и. н. Э. В. Шавкунов, положивший начало систематическим исследованиям в области средневековой археологии Дальнего Востока, д. и. н. Ж. В. Андреева – исследователь памятников первобытной археологии и железного века Приморья, к. и. н. В. Д. Леньков – специалист по древней металлургии чжурчжэней; этнографы д. и. н. Ю. А. Сем – основатель дальневосточной этнографической школы, д. и. н. Н. В. Кочешков – крупнейший специалист по истории и культуре коренных народов Дальнего Востока и Центральной Азии; востоковеды д. и. н. В. Ф. Соловьёв – основатель дальневосточной школы по истории и культуре Китая, д. и. н. В. Г. Щебенков – организатор советского японоведения на Дальнем Востоке; историки д. и. н. А. П. Деревянко – исследователь истории Дальнего Востока в советский период, д. и. н. Л. И. Галлямова – специалист по истории рабочего класса Дальнего Востока в имперский период, д. и. н. А. Т. Мандрик, главной темой научного творчества которого стала история рыбной промышленности, д. и. н. И. Г. Стрюченко, занимавшийся изучением истории культуры народов Дальнего Востока; д. и. н. Ю. В. Аргудяева, изучавшая материальную и духовную культуру русских дальневосточников; исследователи языка и культуры коренных малочисленных народов Дальнего Востока кандидаты исторических наук Л. И. Сем, Н. Б. Киле, Г. А. Отаина, Н. К. Старков, Е. А. Гаер. Большой вклад в становление социальной и демографической истории XX в. Дальнего Востока России внесла к. и. н. В. Е. Борчанинова.

К 1985 г. сотрудниками Института было опубликовано 2 900 научных публикаций, из них 189 коллективных трудов (табл. 1) и 61 монография (табл. 2).

С 1991 по 2017 гг. ИИАЭ ДВО РАН возглавлял акад. РАН Виктор Лаврентьевич Ларин. Первые годы его руководства совпали со сложным периодом радикальных реформ в стране, повлекших за собой коренные изменения общественно-политического и социально-экономического развития.

В начале 1991 г. научные сотрудники ИИАЭ АН СССР включились в обсуждение вопроса о «кризисе» современной исторической науки и путях его преодоления. Данной проблематике была посвящена научно-практическая конференция ИИАЭ ДВО РАН и ДВГУ «Социализм: история, современность и будущее» (Владивосток, 18 апреля 1991 г.). Часть историков и философов ИИАЭ и ДВГУ видела причины кризисных явлений исторической науки в отходе некоторых учёных от марксистско-ленинской диалектики, в приверженности их сталинскому догматизму [см.: 1, 2, 12, 26]; другие учёные основными причинами кризисных явлений советской исторической науки называли её замкнутость на единственно «правильной» марксистско-ленинской методологии, основанной на материалистической диалектике. По их мнению, методология исторического знания не должна ограничиваться только марксизмом [8], который фактически превратился в государственную идеологию и даже мировоззрение, присво-

Жанры и тематические направления	1971– 1985	1986– 1995	1996– 2000	2001– 2005	2005– 2010	2011– 2015	Итого
Коллективные работы	189	10					199
Философия. Социология	49	60	8			32	149
История КПСС	34						34
Идеологическая работа	226						226
Отечественная история	739	796	486	504	599	831	3 955
Российская эмиграция в странах АТР			97	31	26		154
Историография и источниковедение			39	53	100	100	292
История международных отношений	202	345	217	150	236	574	1.724
История зарубежных стран	574	394	131	180	171	167	1.617
Археология	316	516	406	593	610	620	3 061
Этнография. Филология	445	339	329	338	452	421	2 324
Учебные и справочные издания		19	52	41	37	42	191
Научно-популярные публикации	126	106					232
ИТОГО:	2 900	2 585	1 765	1 890	2 231	2 787	14 158

Табл. 1. Публикации сотрудников ИИАЭ ДВО РАН (1971–2015 гг.). Источник: подсчитано автором на основе библиографических указателей, издаваемых ИИАЭ [27, 28, 29, 30, 31, 32].

ив монопольное право определять, в каких рамках может и должна развиваться та или иная область гуманитарного знания. В освещении исторических событий необходим научный плюрализм.

Развитие политических процессов в 1990–1991 гг., приведшие к ликвидации КПСС, крушению советской системы, распаду СССР и т. д. оказали непосредственное влияние на историков России, привели к окончательному кризису марксистско-ленинской методологии, выступавшей основой советской исторической науки. Историческая наука перестала выполнять пропагандистско-идеологические функции в обществе.

Степень этого влияния по-разному оценивается различными исследователями. Ряд из них достаточно негативно оценивает то, что происходило в отечественной исторической науке в первой половине 1990-х годов. П. К. Гречко характеризует ситуацию, сложившуюся в исторической науке в это время, как «исторический беспредел», имеющий «ярко выраженный демократический уклон» [10, с. 84].

Ю. А. Поляков отмечал, что историческая наука в первой половине 1990-х годов «выглядела лишенной прежних и не создавшей новых концепций, с углубляющейся поляризацией, с амбициями новых лидеров и номенклатурно-должностными бастионами старых деканов, с недоразвитым догматизмом и вышедшей на авансцену конъюнктурной некомпетентностью» [24, с. 205]. На фоне этого господствовало критическое отношение к исторической науке в массовом сознании.

В наиболее сложной ситуации оказались историки российских регионов и региональные институты Академии наук с их филиалами, возникла определенная напряжённость во взаимоотношениях Москвы и российской «исторической периферии».

Тематические направления	1971–1985	1986–1995	1996–2000	2001–2005	2005–2010	2011–2015	Итого
Философия. Социология	1	4				3	8
Отечественная история	38	31	16	31	35	20	171
Российская эмиграция в странах АТР			3	2			5
Историография и источниковедение	2	5		4	4	1	16
История международных отношений		10	14	3	6	14	47
История зарубежных стран	8	11	9	7	11	1	47
Археология	4	12	11	20	35	28	110
Этнография. Филология	8	22	18	14	20	15	97
ИТОГО:	61	95	71	81	111	82	501

На положение исторической науки на Дальнем Востоке в целом и её организацию в ИИАЭ в первой половине 1990-х годов значительное влияние оказывали последствия «перестроечных» лет, которые были на Дальнем Востоке более негативны, чем в центральных регионах страны: начался отток интеллектуальной элиты в европейскую часть России и в страны АТР; обострилась проблема демаркации границы; не был решен вопрос разграничения полномочий федерального центра и местных администраций; ярко проявил себя кризис военно-промышленного и энергетического комплексов, усугубленных в Приморье многолетним конфликтом краевой и городской администраций.

Значительные изменения в «перестроечные» годы получила региональная политика федеральной власти. Стали появляться и активно обсуждаться различные «научно обоснованные» проекты освоения российского Дальнего Востока вахтовым методом. Федеральные власти периодически обсуждали вопрос о необходимости снизить ставку дальневосточного коэффициента и лишения дальневосточников других льгот, обвиняли жителей региона в наличии сепаратистских настроений.

В такой ситуации перед руководством ИИАЭ ДВО РАН стояли довольно сложные задачи: сохранить кадры профессионалов-историков; выработать новые методологические подходы и принципы анализа исторических событий и «белых пятен» истории Дальнего Востока; определить перспективы на будущее.

В 1991 г. ушёл из жизни основатель и многолетний директор ИИАЭ д. и. н., акад. АН СССР А. И. Крушанов, и решать эти вопросы предстояло новому директору – д. и. н., проф. В. Л. Ларину.

Первая проблема, вставшая перед руководством Института, – *материальная*. В результате «шоковой терапии» произошло массовое обнищание российского населения, сопровождавшееся многомесячными задержками заработной платы, обесцениванием вкладов и пр. Практически прекратилось финансирование научных учреждений, дальневосточные историки потеряли возможность работы в федеральных и региональных архивах, нормальной организации археологических и этнографических экспедиций и пр. Всё это поставило

Табл. 2. Монографии сотрудников и соискателей ИИАЭ ДВО РАН (1971–2015 гг.). Источник: подсчитано автором на основе библиографических указателей, издаваемых ИИАЭ [27, 28, 29, 30, 31, 32].

региональные учреждения ДВО РАН, в том числе и ИИАЭ, на грань выживания.

Выживали как могли. Руководство Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, чтобы иметь хоть какие-то материальные средства, вынуждено было сдавать в аренду помещения в здании ИИАЭ коммерческим и прочим организациям. Значительная часть научных сотрудников искала любую дополнительную работу; эти «подработки» часто не имели никакого отношения к истории: мыли полы, дежурили на вахте в различных учреждениях, занимались торговлей и пр. Понятно, что научный работник, большую часть своего времени тративший на поиск средств к существованию, не мог плодотворно заниматься научными исследованиями, что сказалось на количестве и качестве научных публикаций.

Вторая проблема – *кадровая*. В результате сокращения финансирования часть научных сотрудников ИИАЭ меняла свою профессиональную деятельность. Кто-то ушёл в бизнес, кто-то переехал в центральные регионы страны. Определенная часть высококвалифицированных сотрудников в первой половине 1990-х гг. полностью перешли на преподавательскую работу: в 1992 г. вернулась на кафедру страноведения ДВГУ, с 1993 г. заведовала этой кафедрой, д. и. н., проф. Е. В. Верисоцкая; в 1994 г. возглавил новую кафедру ДВГУ – кафедру археологии, этнографии и истории – д. и. н., проф. Э. В. Шавкунов.

Ушли работать в ДВГУ: к. и. н. В. В. Корсков (1992); к. и. н. З. Ф. Моргун (1993); к. и. н. Е. Ю. Бондаренко; к. и. н. Н. Г. Егоров (1993); к. и. н. Т. А. Жарикова (1991); к. и. н. Г. Ф. Захарова (1995); к. и. н. Л. И. Клим. И. И. Баланева перешла на работу преподавателем японского языка в Дальневосточный политехнический институт (1992); к. и. н. Ю. М. Васильев переехал в Хабаровск и стал научным сотрудником Хабаровского краевого научного музея им. Гродекова; к. и. н. Г. В. Ожерельева вместе с мужем уехала работать в Японию (1990); ушла из Института и к. и. н. М. А. Патрушева (1992) и др.

Стабилизация положения с организацией научных исследований и финансированием научных учреждений ДВО РАН во второй половине 1990-х гг. опять делает работу ИИАЭ ДВО РАН привлекательной для молодых исследователей: во второй половине 1990-х гг. в ИИАЭ ДВО РАН пришли работать будущие кандидаты исторических наук: А. Г. Артамонов (1995); Г. Б. Дудченко (1998); Ю. Н. Ковалевская (Поповичева) (1996); С. Г. Коваленко (1996); В. А. Королёва (1996); Л. А. Крушанова (1997); Е. В. Сидоренко (1995); Л. А. Слабнина (1990) и др.

Третья проблема – выработка *новых методологических подходов и принципов анализа* исторических событий и «белых пятен» истории Дальнего Востока.

Необходимость выработки новых методологических подходов и принципов в освящение региональной истории побудило научных сотрудников Института принять участие в обсуждении ряда основополагающих категорий исторической науки, таких как «формация», «цивилизация», «исторический прогресс», «исторический регресс» и пр., которые активно обсуждались на страницах исторических изданий [см.: 11, 17, 19].

Историками ИИАЭ ДВО РАН была предпринята попытка создания новой концепции понимания и изучения истории Дальнего

Востока. В журнале «Россия и АТР» (1995, № 2) были опубликованы статьи Н. В. Кочешкова [20], А. С. Ващук [5], Н. П. Рябченко [25], Б. И. Мухачёва [22], А. Т. Мандрика [21], посвящённые данной концепции.

В данных статьях к разряду методологически новых подходов следует отнести новые импульсы взгляда на историю российского Дальнего Востока, помогающие понять всю её многомерность и противоречивость. Дальнейшее развитие новая концепция получила в работах А. С. Ващук [см.: 3, 4, 7]. В рамках новой концепции иначе стали рассматриваться проблемы ДВР [см.: 21; 23], различные альтернативы становления и развития дальневосточного социализма.

Не менее значимой для историков ИИАЭ в 1990-е годы стала проблема отношения к активно обсуждаемым в российской исторической науке подходам: цивилизационному и формационному. Развёрнутая критика марксизма привела к тому, что в отечественной исторической науке возобладала точка зрения, что основным в объяснении событий отечественной истории должен стать цивилизационный подход. Рассматривая два основных подхода в освящении отечественной истории, А. С. Ващук обратила внимание на то, что невозможно вписать историю России в рамки одной цивилизации, что историки по-разному понимают, к какому типу цивилизации необходимо относить Россию: европейской или евразийской. Поэтому она настаивает, что изучать историю России можно и нужно используя два подхода: и цивилизационный, и формационный [см.: 4, 5]. Помимо этих подходов необходимо использовать концепцию модернизации и региональный подход, которые позволяют рассматривать события истории российского Дальнего Востока как часть тех модернизационных процессов, которые проходили в стране в целом, но имели свои региональные особенности.

Наиболее сложной задачей, стоявшей перед ИИАЭ в 1990-е годы, была задача определения *основных направлений исторических исследований*, в первую очередь это касалось отечественной истории, ибо исследования по всемирной истории, археологии и этнографии в меньшей степени зависели от методологический установок, выработанных в марксистско-ленинской философии.

После распада СССР по инициативе директора В. Л. Ларина в ИИАЭ ДВО РАН произошли структурные изменения: был ликвидирован Отдел идеологической работы; созданы ряд новых Центров, в том числе Центр по изучению социально-политических исследований (1994); Центр изучения российской эмиграции (1995) и ряд других.

Анализ публикаций этого периода показывает, что интерес к социально-экономической истории Дальнего Востока упал; на первое место вышло исследование социально-политической проблематики. Это можно объяснить рядом причин. Во-первых, слабой её разработкой в советской дальневосточной историографии; во-вторых, сменой методологических парадигм. Руководитель Центра социально-политических исследований д. и. н., проф. А. С. Ващук не только сформулировала основные методологические подходы к изучению социально-политической истории Дальневосточного региона, см.: [7, 9], но и создала творческий коллектив, который заметно проявил себя уже в конце 1990-х гг. (Е. Н. Чернолуцкая, Ю. Н. Ковалевская (Поповичева), Л. А. Крушанова, Г. Б. Дудченко и др.).

В 1990-е гг. сотрудники ИИАЭ обратились к изучению тех социальных слоёв, которые не пользовались ранее вниманием историков: предприниматели, дворянство, чиновничество, купечество и особенно казачество (О. И. Сергеев, С. И. Лазарева, Ю. Н. Поповичева и др.).

Одной из новых тем, активно разрабатываемой с 1990-х гг., становится история восточной ветви российской эмиграции. Если в 1990–1991 гг. не было ни одной публикации по истории российской эмиграции, то с 1993 г. данная тематика становится востребованной (табл. 1). О. И. Сергеев, С. И. Лазарева, С. Б. Белоголова, Н. Л. Горкавенко, Н. П. Гридина, В. Ф. Печерица, Н. А. Василенко и др. сотрудники ИИАЭ рассматривали в своих работах те или иные стороны жизни восточной ветви российской эмиграции; повседневную жизнь русских эмигрантов в Китае, Австралии, США и пр. Создание Центра изучения российской эмиграции говорит о том, что история эмиграции, рассеяния россиян перестаёт быть запретной, что история зарубежной России начинает восприниматься как часть отечественной истории.

Ещё со времён перестройки в ИИАЭ началось изучение истории православия на Дальнем Востоке. Это и роль православия в культуре Дальнего Востока (А. Р. Артемьев), и история православия в Русской Америке (С. Б. Белоголова), и изучение жизни и деятельности православных иерархов (Г. В. Прозорова). Однако эти работы носили фрагментарный характер и не давали полного представления о роли Русской православной церкви в хозяйственном и культурном освоении региона. В настоящее время, помимо истории РПЦ, сотрудники ИИАЭ (Дударёнок С. М., Федирко О. П.) активно занимаются историей религиозных общин Дальнего Востока. За последние пару лет вышло уже три монографии из серии «Религиозная жизнь Дальнего Востока России», см. [13; 14; 15].

Одной из приоритетных тем научных исследований с 1990-х гг. становится проблема миграций, как принудительных, так и добровольных, а также формирование трудовых ресурсов и роль в этом процессе органов власти. Активно занимались данной проблематикой А. С. Ващук, Е. Н. Чернолуцкая, Г. А. Ткачёва, Г. Б. Дудченко и др.

Большая работа в 1990-е гг. была проделана по рассекречиванию архивных документов. Наибольший интерес для сотрудников ИИАЭ представляли архивные документы периода сталинских репрессий. Репрессии против различных категорий населения становятся ещё одним новым направлением исторических исследований. Репрессии среди вузовских преподавателей исследовал В. Г. Макаренко, в среде крестьянства – Л. И. Проскурина; в рыбной промышленности – А. Т. Мандрик; в целом историю Дальневосточного ГУЛАГа – А. П. Деревянко.

Ещё одним новым направлением исторических исследований в ИИАЭ становится так называемая история повседневности, позволяющая пролить дополнительный свет на глубинные, личностно-общественные процессы, протекающие в том или ином обществе. «Героями» исследования становятся не народы, классы, социальные группы, а «живые» «простые люди» с их обыденными взаимоотношениями, надеждами, разочарованиями, планами, причём на разных ступенях общественной лестницы. С позиций истории повседневности стали изучаться история и культура дальневосточных

городов (Т. З. Позняк); жизнь и деятельность российских женщин в Маньчжурии (С. И. Лазарева) и др.

Огромной популярностью среди сотрудников ИИАЭ в 1990-е годы пользовался такой жанр исторических публикаций, как историческая биография, см. [18]. Были написаны исторические биографии Н. П. Матвеева (Л. И. Галлямова, Л. Я. Иващенко); А. И. Крушанова (А. П. Деревянко, Э. В. Ермакова, А. Т. Мандрик, М. А. Патрушева); К. А. Харнского (Е. Ю. Бондренко); В. М. Савича (Е. В. Васильева); В. К. Арсеньева (Л. Я. Иващенко); С. Н. Стебницкого (Л. Я. Иващенко); Л. Н. Иваньева (Н. А. Клюев); В. И. Иохельсона (Н. В. Кочешков); А. А. Кранощекова (Б. И. Мухачёв); С. П. Крашениникова (В. Н. Чернавская); Б. О. Пилсудского (Т. С. Шульгина) и многих других известных дальневосточников.

Труднейшая задача – сохранить традиции и основной костяк Института в сложный период радикальных реформ, привлечь к работе молодых специалистов, развернуть исследования по новым перспективным направлениям – была В. Л. Лариным в основном успешно решена.

Под его руководством учёные Института стали вести исследования по 5 крупным темам, в рамках которых разрабатывалось 14 актуальных научных проблем, в том числе «Человек на восточном побережье Евразии в условиях традиционного общества»; «Россия и народы Дальнего Востока: опыт цивилизационно-культурного взаимодействия»; «Этнокультурные и демографические процессы на Дальнем Востоке России и в странах АТР»; «Исторический опыт освоения русскими тихоокеанских берегов России»; «Трансформация общества и власти на российском Дальнем Востоке во второй половине XX – начале XXI в.»; «Россия в системе международных отношений и обеспечения безопасности в АТР» и др.

С октября 1992 г. Институт стал издавать научный журнал «Россия и АТР», продолжал активно работать редакционно-издательский отдел, аспирантура, докторский совет по четырём специальностям (отечественной и всеобщей истории, археологии и этнографии), был создан Музей археологии и этнографии, в фондах которого более 100 тыс. уникальных экспонатов.

Виктор Лаврентьевич придавал огромное значение развитию научных международных отношений, были установлены связи с 17 университетами и научными организациями Японии, КНР, Республики Корея, США, Франции, Австралии. Среди совместных проектов – международные конференции, археологические и этнографические экспедиции, стажировки специалистов, совместные публикации, обмен изданиями.

За период с 1986 по 2015 гг. сотрудниками Института было опубликовано 14 158 научных работ (табл. 1). Наибольшее количество работ было посвящено проблемам отечественной истории и истории Дальнего Востока России (3 216 публ.). На втором месте находятся археологи, которые продолжали заниматься проблемами первобытной и средневековой истории Дальнего Востока; изучением истории и культуры государства Бохай и золотой империи Цзинь (2 745 публ.). На третьем месте – этнографы и филологи, которые продолжили научную традицию предыдущего периода и активно занимались изучением быта, культуры и обычаев коренных малочисленных народов

Виды диссертаций	1971–1985	1986–1995	1996–2000	2001–2005	2005–2010	2011–2015	2016–2020	Итого
Докторские	8	10	12	7	4	2		43
Кандидатские	122	56	30	52	46	6	2	314
ИТОГО:	130	66	42	59	50	8	2	357

Табл. 3. Докторские и кандидатские диссертации, защищенные сотрудниками и в диссертационных советах ИИАЭ ДВО РАН. Источник: Подсчитано автором на основе библиографических указателей, издаваемых ИИАЭ [27, 28, 29, 30, 31, 32] и авторефератов диссертаций.

Дальнего Востока России (1 879 публ.). Стабильным, был интерес к проблемам внешней политики и международным отношениям (1 522 публ.), и всеобщей истории (1 043 публ.). Интерес к проблемам безопасности и международным отношениям возрос в 2011–2015 гг. более чем в два раза (575 публ.) по сравнению с 2005–2010 гг. (236 публ.).

Наиболее значимыми публикациями для историков всегда были индивидуальные и коллективные монографии, которые позволяют не только обозначить научную проблему, но и решить её.

В 1986–2015 гг. сотрудниками ИИАЭ ДВО РАН было опубликовано 440 монографий: 133 монографии по отечественной истории и истории Дальнего Востока; 116 – археологии; 89 – по этнологии и филологии 47 – внешней политике и международным отношениям; 39 – всеобщей истории; 14 – историографии и источниковедению; 5 – истории российской эмиграции и 8 по философии.

Особое значение в исторических исследованиях всегда занимали и занимают диссертационные исследования. Диссертация как научно-исследовательская работа является определённой вехой в деятельности любого историка. За период своего существования сотрудниками ИИАЭ и в диссертационных советах ИИАЭ ДВО РАН было защищено 43 докторские и 314 кандидатских диссертаций (табл. 3, 4).

Таблица 3. Докторские и кандидатские диссертации, защищенные сотрудниками и в диссертационных советах ИИАЭ ДВО РАН. Источник: Подсчитано автором на основе библиографических указателей, издаваемых ИИАЭ [27, 28, 29, 30, 31, 32] и авторефератов диссертаций.

Одним из показателей научной активности историков были и остаются научные конференции. Участие в конференции даёт не только возможность пообщаться с коллегами и поучаствовать в дискуссии, но и поделиться своими научными достижениями и результатами. Без подобного общения историк становится «историком сам для себя», он не может получить квалифицированную оценку результатов своего труда.

За период с 1971 по 2020 гг. Институт выступил организатором и соорганизатором 417 научных мероприятий, 141 из них международного уровня, табл. 5.

С 2018 г. ИИАЭ ДВО РАН возглавляет чл.-корр. РАН **Николай Николаевич Крадин**, который стремится не только продолжить и развить традиции, заложенные его предшественниками, но и вывести Институт на новые высоты. Научные достижения Института – это результат совместных усилий всех его сотрудников от директора до младшего научного сотрудника и лаборанта.

Сегодня в структурных подразделениях Института работают 92 научных сотрудника, 58,7% (54) из них – доктора и кандидаты наук.

Тематические направления	Количество диссертационных работ	
	Всего	%
Отечественная история. Социальная и политическая история Дальнего Востока России	129	36,13%
История промышленности и сельского хозяйства Дальнего Востока России; история рабочего класса и крестьянства	39	10,92%
Археология	40	11,20%
Этнография	34	9,52%
Культура Дальнего Востока России и сопредельных стран	42	11,76%
История международных отношений	36	10,08%
Всеобщая история	24	6,72%
Философия	5	1,40%
Филология, педагогика	8	2,24%
ИТОГО:	357	100%

В последние пять лет учёные Института вели исследования по 6 укрупнённым темам: «Традиционные культуры российского Дальнего Востока в историко-культурном ландшафте Азиатско-Тихоокеанского региона»; «Историко-культурные ландшафты островной и прибрежной зон Северной Пасифики»; «Археология и история юга Дальнего Востока России и смежных зон Азии в древности и средневековье»; «Трансформация общества и власти на российском Дальнем Востоке во второй половине XX – начале XXI в.»; «Тихоокеанская Россия: исторические модели освоения, место региона в общероссийском и восточноазиатском цивилизационном пространстве»; «Россия в планах и политике стран Северной Пасифики в контексте современных проектов евразийской интеграции и новой геополитической ситуации в зоне Тихоокеанской Азии».

В рамках этих тем разрабатывались ряд актуальных научных проблем и проектов, в том числе такие проекты как «Экономическая, социокультурная, политическая и гуманитарная безопасность Тихоокеанской России в национальном и международном контекстах»; «Приграничные регионы Дальнего Востока в условиях быстрых социальных изменений 1987 – 2017 гг.: опыт развития и обеспечения безопасности»; «Малая Восточная Азия на Дальнем Востоке России: исторический опыт и современные проблемы этнокультурного сосуществования россиян и мигрантов из Восточной Азии»; «Влияние региональной политики на международную интеграцию периферийных территорий (на примере стран Северо-Восточной Азии)»; «Этномиграционные процессы в Приморье в XX – начале XXI в.»; «Социально-политическая безопасность Дальнего Востока России в XX–начале XXI в.»; «Политико-административные проблемы управления ускоренным развитием: история особых экономических зон на Дальнем Востоке России»; «Городища и крепости Дальнего Востока (Приморье, Приамурье)» и др. В результате активизировалась публикационная активность сотрудников ИИАЭ.

Табл. 4. Тематика диссертационных работ, защищенных сотрудниками и в диссертационных советах ИИАЭ ДВО РАН. Источник: подсчитано автором на основе библиографических указателей, издаваемых ИИАЭ [см.: 27, 28, 29, 30, 31, 32] и авторефератов диссертаций

Уровни и типы научных мероприятий	1971–1985	1986–1995	1996–2000	2001–2005	2005–2010	2011–2015	2016–2020	Итого
Международные	1	17	16	27	25	19	36	141
Всероссийские (всесоюзные)	1		1	1	8	1	9	21
Региональные	23	23	12	11	8	3	9	89
Институтские	31	20	7	4	6	5	27	100
Круглый стол			6	1	15	18	26	66
ИТОГО:	56	60	42	44	62	46	107	417

Табл. 5. Конференции, проведенные ИИАЭ ДВО РАН (1971–2020 гг.). Источник: подсчитано автором на основе библиографических указателей, издаваемых ИИАЭ [см.: 27, 28, 29, 30, 31, 32] и годовых научных отчетов ИИАЭ ДВО РАН

В конце 2020 г. Учёным советом ИИАЭ ДВО РАН были определены новые укрупненные темы исследований для различных структурных подразделений Института. Как и в предыдущий период, данные темы позволяют выделить наиболее значимые и актуальные научные проблемы, на решение которых будет направлена деятельность научных сотрудников. За последние пять лет (2016–2020) научными сотрудниками ИИАЭ было опубликовано 2 261 научный публикаций, из них 33 монографии и 206 публикаций, изданных за рубежом.

Институт осуществляет многоплановое сотрудничество (проведение совместных научных исследований и конференций, подготовка кадров высшей квалификации, стажировки научных сотрудников и преподавателей и др.) с вузами Приморского края и Дальневосточного региона. Помимо руководства научно-исследовательской работой студентов и магистрантов сотрудники Института проводили и проводят археологические практики для студентов ДВФУ гуманитарных дисциплин, являлись председателями ГАК и ГЭК. Более трети научных сотрудников Института преподают в вузах: ДВФУ, МГУ им. Невельского, ВГУЭС, ДВГАИ, СахГу, где читают учебные дисциплины и оригинальные курсы по гуманитарным специальностям.

Кроме ВУЗов ИИАЭ ДВО РАН активно сотрудничает со школами (школа-интернат им. Дубинина), гимназиями (гимназия № 1), учреждениями дополнительного образования. Сотрудники Института участвуют в качестве организаторов, членов жюри, модераторов секций на конкурсах, олимпиадах, школьных конференциях.

Активно сотрудничает ИИАЭ с органами государственной власти, это сотрудничество осуществляется путём проведения семинаров, научных экспертиз, консультаций, ситуационных анализов, систематической подготовки справок, докладов, информационно-аналитических бюллетеней об изменениях международной обстановки в АТР, политической, экономической, этнической, культурной ситуации на российском Дальнем Востоке, на смежных территориях Северо-Восточной Азии и др.

ИИАЭ имеет четыре периодических издания. С октября 1992 г. издаётся научный журнал «Россия и АТР» (главный редактор – акад. РАН, д. и. н., проф. В. Л. Ларин). На страницах журнала освещаются проблемы истории, археологии и этнографии, культуры, политики и международных отношений, связанные с Дальним Востоком России и сопредельными странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Миссия

журнала – объединять исследователей вокруг наиболее важных проблем прошлого и настоящего этой динамично развивающейся части мира.

В 2019 г. было возобновлено издание информационно-аналитического бюллетеня «У карты Тихого океана» (главный редактор – академик РАН, д. и. н., проф. В. Л. Ларин). Бюллетень издавался с 1974 по 1991 г. Цель издания – научно-информационное обеспечение мероприятий правительства РФ и региональных властей Дальнего Востока по интеграции России в АТР.

«Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН» (главный редактор – чл.-корр. РАН, д. и. н., директор ИИАЭ ДВО РАН Н. Н. Крадин) основаны в 1959 г. под первоначальным названием «Труды Отдела истории и археологии Дальневосточного филиала Сибирского отделения Академии наук СССР». С 2018 г. издание выходит 4 раза в год как регулярное научное рецензируемое издание.

Научный журнал «Мультидисциплинарные исследования в археологии» (главный редактор – чл.-корр. РАН, д. и. н., директор ИИАЭ ДВО РАН Н. Н. Крадин) создан на основе продолжающегося издания с одноимённым названием, выпускавшегося в 2014–2017 гг. На страницах журнала освещаются проблемы мультидисциплинарных исследований в археологии не только Дальнего Востока и Сибири, но и более широких территорий, включая Северную и Северо-Восточную Азию. Целью создания журнала является консолидация усилий исследователей в изучении истории человечества с использованием методов и достижений разных областей знаний.

Институт развивает международные связи с 17 университетами и научными организациями Японии, Республики Корея, КНР, США, Франции, Австралии, Тайваня, Сингапура и других стран. Среди совместных проектов – международные конференции, археологические и этнографические экспедиции, стажировки специалистов, совместные публикации, обмен изданиями и пр.

В истории становления и развития дальневосточной академической исторической науки воедино слились прошлое, настоящее и будущее.

Становления дальневосточной академической исторической науки началось в Отделе истории и археологии Дальневосточного филиала СО АН СССР, продолжилось в ИИАЭ ДВНЦ АН СССР и ИИАЭ ДВО АН СССР и продолжает развиваться в Институте истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.

Мы благодарны прошлому, в котором закладывались традиции дальневосточной академической исторической науки. Мы благодарны настоящему, которое дало могучий импульс развитию исторического знания и исторической науке. Мы входим в будущее с большим потенциалом в области научной и просветительской деятельности.

Литература

1. Алексенцев В. М. Ленинизм в свете диалектики истории // Ленин. Социализм. Современность: Тез. докл. науч.-прак. конф. «Социализм: История, современность и будущее». Препринт. Владивосток, 1991. С. 6–8.
2. Арлычев А. Н. Ленинская концепция социалистического «базиса» и её практическая реализация // Ленин. Социализм. Современность: Тез. докл. науч.-прак. конф. «Социализм: История, современность и будущее». Препринт. Владивосток, 1991. С. 3–5.
3. Ващук А. С. Актуальные проблемы изучения социальной истории // Россия и АТР. 2006. № 2. С. 22–40.
4. Ващук А. С. Главные задачи историков: Направления и результаты исследований отечественной истории // Россия и АТР. 1996. № 2. С. 16–24.
5. Ващук А. С. Два метода: Изучать прошлое – цивилизационным и формационным: Концепции развития российского общества // Россия и АТР. 1995. № 2. С. 6–12.
6. Ващук А. С. История Дальнего Востока в советский период: концепции 60–90-х годов // Вестник ДВО РАН. 1996. № 2. С. 12–23.
7. Ващук А. С. Научные поиски: Аналитико-библиографический обзор // Россия и АТР. 2011. № 2. С. 74–95.
8. Ващук А. С. Социальная политика в СССР и её реализация на Дальнем Востоке СССР (1945 – сер. 80-х гг.) // Ленин. Социализм. Современность: Тез. докл. науч.-прак. конф. «Социализм: История, современность и будущее». Препринт. Владивосток, 1991. С. 20–21.
9. Ващук А. С. Социальная политика в СССР и её реализация на Дальнем Востоке (середина 40 – 80-х годов XX в.). Владивосток: Дальнаука, 1998. 212 с.
10. Гречко П. К. О сознании, истине и лжи в истории // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Серия «История, философия». 1993. № 1.
11. Дезер М. Крайности истории и крайности историков // Крайности истории и крайности историков: Сб. ст. М.: РНИСИНП, 1997. 279 с.
12. Деревянко А. П. Ленинские идеи комплексного освоения восточных районов и их реализация // Ленин. Социализм. Современность: Тез. докл. науч.-прак. конф. «Социализм: История, современность и будущее». Препринт. Владивосток, 1991. С. 12–15.
13. Дударёнок С. М., Федирко О. П. и др. История евангельских христиан-баптистов Дальнего Востока России в XIX–XX вв. / Отв. ред. Дударёнок С. М., Федирко О. П., Чернявский М. С. [Религиозная жизнь Дальнего Востока России]. ИИАЭ ДВО РАН. СПб.: Реноме, 2021. 544 с.
14. Дударёнок С. М., Федирко О. П. и др. История христиан веры евангельской (пятидесятников) Дальнего Востока России (1920-е – конец 1980-х гг.): монография / Отв. редактор О. П. Федирко. [Религиозная жизнь Дальнего Востока России] М.: ООО «Терция», 2018. 464 с.
15. Дударёнок С. М., Федирко О. П. Церковь христиан адвентистов седьмого дня Дальнего Востока России (1910–1990-е гг.): монография / Отв. редактор С. М. Дударёнок [Религиозная жизнь Дальнего Востока России] ИИАЭ ДВО РАН. М.: ООО «Терция», 2019. 472 с.
16. Институту истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока – 40 лет // Россия и АТР. 2011. № 2. С. 5.
17. Искендеров А. А. Историческая наука на пороге XXI века // Вопросы истории. 1996. № 4.
18. История Дальнего Востока в лицах. Забытые имена. Вып. 1: Ст. и очерки / Редкол.: И. Г. Стрюченко (отв. ред.) и др. Владивосток: Дальнаука, 1994. 182 с.
19. Ковальченко И. Д. Теоретико-методологические проблемы исторических исследований. Заметки и размышления о новых подходах // Новая и новейшая история. 1995. № 1.
20. Кочешков Н. В. Об итогах конкурса: К вопросу о создании новой концепции исторического процесса на Дальнем Востоке России 1917–1991 г. // Россия и АТР. 1995. № 2. С. 5–6.
21. Мандрик А. Т. На марксистских дог-

мах...: Строительство «государственного социализма» на Дальнем Востоке России в 1920–1930-е годы XX столетия // Россия и АТР. 1995. № 2. С. 27–31.

22. Мухачёв Б. И. «Белые пятна» Красного октября // Россия и АТР. 1995. № 2. С. 21–26.

23. Мухачёв Б. И. Правда истории: Дальневосточная республика и борьба с интервенцией на Дальнем Востоке // Россия и АТР. 1992. № 1. С. 11–22.

24. Поляков Ю. А. Наше непредсказуемое прошлое: Полемиические заметки. М.: АИРО-XX, 1995. 214 с.

25. Рябченко Н. П. Россия, Дальний Восток и «социализм» // Россия и АТР. 1995. № 2. С. 12–20.

26. Сухин Ю. И. Логико-методологический аспект ленинской концепции социализма // Ленин. Социализм. Современность: Тез. докл. науч.-практ. конф. «Социализм: История, современность и будущее». Препринт. Владивосток, 1991. С. 9–11.

27. Труды Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВНЦ АН СССР. 1971–1985 гг. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1986. 294 с.

28. Труды Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. 1986–1995 гг.: Библиогр. указ. Владивосток: Дальнаука, 1996. 204 с.

29. Труды Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. 1996–2000 гг.: Библиогр. указ. Владивосток: Дальнаука, 2001. 172 с.

30. Труды Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. 2000–2005 гг.: Библиогр. указ. Владивосток: Дальнаука, 2006. 212 с.

31. Труды Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. 2006–2010 гг.: Библиогр. указ. Владивосток: Дальнаука, 2011. 288 с.

32. Труды Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. 2011–2015 гг.: Библиогр. указ. Владивосток: Дальнаука, 2017. 336 с.

Svetlana M. DUDARENOK,

Ph. D. (in History), Leading Research Fellow, Department of Social and Political Research, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East (Vladivostok, Russia).
E-mail: dudarenoksv@gmail.com

Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of FEB RAS celebrates its 50th anniversary

DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-2/6-21>

On July 1, 2021, the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences celebrated its fiftieth anniversary! Its creation in 1971 and its formation took place at a very remarkable time for the Russian Far East: there was a process of intensive exploitation of the natural resources of the region, new industrial enterprises and universities were created, Far Eastern cities were updated, and the population was growing. The ideological and military confrontation between the two «superpowers» grew, and relations between the USSR and the PRC sharply worsened. Under these conditions, the role of the humanitarian and ideological component of the social life of the region, which was to be formed by historical science, increased. The first and permanent head of the Institute for 20 years was Academician of the USSR Academy of Sciences Andrey Ivanovich Krushanov (1921–1991). From 1991 to 2017, the Institute was

headed by the Academician of RAS Viktor Lavrentievich Larin. The first years of his leadership coincided with a difficult period of radical reforms in the country, which entailed fundamental changes in socio-political and socio-economic development. In such a situation, the administration of the Institute faced quite difficult tasks: to retain the staff of professional historians; to develop new methodological approaches and principles for analyzing historical events and «white spots» in the history of the Far East; to determine prospects for the future. Since 2018, the IIAE of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences has been headed by Corresponding Member of the RAS Nikolai Nikolaevich Kradin, who seeks not only to continue and develop the traditions laid down by his predecessors, but also to bring the Institute to new heights. The scientific achievements of the Institute are the result of the joint efforts of all its employees from the director to a junior researcher and a laboratory assistant.

For citation: Dudarenok S. M. Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of FEB RAS celebrates its 50th anniversary // Oriental Institute Journal. 2021. № 2. P. 6–21. DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-2/6-21>

References

1. Aleksentsev V. M. Leninizm v svete dialektiki istorii // Lenin. Sotsializm. Sovremennost': Tez. dokl. nauch.-prak. konf. «Sotsializm: Istoriya, sovremennost' i budushhee». Preprint. Vladivostok, 1991. S. 6–8.
2. Arlychev A. N. Leninskaya kontsepsiya sotsialisticheskogo «bazisa» i eyo prakticheskaya realizatsiya // Lenin. Sotsializm. Sovremennost': Tez. dokl. nauch.-prak. konf. «Sotsializm: Istoriya, sovremennost' i budushhee». Preprint. Vladivostok, 1991. S. 3–5.
3. Vashhuk A. S. Aktual'nye problemy izucheniya sotsial'noj istorii // Rossiya i ATR. 2006. № 2. S. 22–40.
4. Vashhuk A. S. Glavnye zadachi istorikov: Napravleniya i rezul'taty issledovaniy otechestvennoj istorii // Rossiya i ATR. 1996. № 2. S. 16–24.
5. Vashhuk A. S. Dvumya metodami: Izuchat' proshloe – tsivilizatsionnym i formatsionnym: Kontseptsii razvitiya rossijskogo obshchestva // Rossiya i ATR. 1995. № 2. S. 6–12.
6. Vashhuk A. S. Istoriya Dal'nego Vostoka v sovetskij period: kontseptsii 60–90-kh godov // Vestnik DVO RAN. 1996. № 2. S. 12–23.
7. Vashhuk A. S. Nauchnye poiski: Analitiko-bibliograficheskij obzor // Rossiya i ATR. 2011. № 2. S. 74–95.
8. Vashhuk A. S. Sotsial'naya politika v SSSR i eyo realizatsiya na Dal'nem Vostoke SSSR (1945 – ser. 80-kh gg.) // Lenin. Sotsializm. Sovremennost': Tez. dokl. nauch.-prak. konf. «Sotsializm: Istoriya, sovremennost' i budushhee». Preprint. Vladivostok, 1991. S. 20–21.
9. Vashhuk A. S. Sotsial'naya politika v SSSR i eyo realizatsiya na Dal'nem Vostoke (seredina 40 – 80-kh godov XX v.). Vladivostok: Dal'nauka, 1998. 212 s.
10. Grechko P. K. O soznanii, istine i lzhi v istorii // Vestnik Rossijskogo un-ta druzhby narodov. Seriya «Istoriya, filosofiya». 1993. № 1.
11. Dezer M. Krajnosti istorii i krajnosti istorikov // Krajnosti istorii i krajnosti istorikov: Sb. st. M.: RNISINP, 1997. 279 s.
12. Derevyanko A. P. Leninskie idei kompleksnogo osvoeniya vostochnykh rajonov i ikh realizatsiya // Lenin. Sotsializm. Sovremennost': Tez. dokl. nauch.-prak. konf. «Sotsializm: Istoriya, sovremennost' i budushhee». Preprint. Vladivostok, 1991. S. 12–15.
13. Dudaryonok S. M., Fedirko O. P. i dr.

- Istoriya evangel'skikh khristian-baptistov Dal'nego Vostoka Rossii v XIX–KHKH vv. / Otv. red. Dudaryonok S. M., Fedirko O. P., CHernyavskij M. S. [Religioznaya zhizn' Dal'nego Vostoka Rossii]. IIAEH DVO RAN. SPb.: Renome, 2021. 544 s.
14. Dudaryonok S. M., Fedirko O. P. i dr. Istoriya khristian very evangel'skoj (pyatidesyatnikov) Dal'nego Vostoka Rossii (1920-e – konets 1980-kh gg.): monografiya / Otv. redaktor O. P. Fedirko. [Religioznaya zhizn' Dal'nego Vostoka Rossii] M.: OOO «Tertsiya», 2018. 464 s.
15. Dudaryonok S. M., Fedirko O. P. TSerkov' khristian adventistov sed'mogo dnya Dal'nego Vostoka Rossii (1910–1990-e gg.): monografiya / Otv. redaktor S. M. Dudaryonok [Religioznaya zhizn' Dal'nego Vostoka Rossii] IIAEH DVO RAN. M.: OOO «Tertsiya», 2019. 472 s.
16. Institutu istorii, arkheologii i ehtnografii narodov Dal'nego Vostoka – 40 let // Rossiya i ATR. 2011. № 2. S. 5.
17. Iskenderov A. A. Istoricheskaya nauka na poroge XXI veka // Voprosy istorii. 1996. № 4.
18. Istoriya Dal'nego Vostoka v litsakh. Zabytye imena. Vyp. 1: St. i ocherki / Redkol.: I. G. Stryuchenko (otv. red.) i dr. Vladivostok: Dal'nauka, 1994. 182 s.
19. Koval'chenko I. D. Teoretiko-metodologicheskie problemy istoricheskikh issledovanij. Zametki i razmyshleniya o novykh podkhodakh // Novaya i novejschaya istoriya. 1995. № 1.
20. Kocheshkov N. V. Ob itogakh konkursa: K voprosu o sozdanii novoj kontseptsii istoricheskogo protsesssa na Dal'nem Vostoke Rossii 1917–1991 g. // Rossiya i ATR. 1995. № 2. S. 5–6.
21. Mandrik A. T. Na marksistskikh dogmakh...: Stroitel'stvo «gosudarstvennogo sotsializma» na Dal'nem Vostoke Rossii v 1920–1930-e gody XX stoletiya // Rossiya i ATR. 1995. № 2. S. 27–31.
22. Mukhachyov B. I. «Belye pyatna» Krasnogo oktyabrya // Rossiya i ATR. 1995. № 2. S. 21–26.
23. Mukhachyov B. I. Pravda istorii: Dal'nevostochnaya respublika i bor'ba s interventsiej na Dal'nem Vostoke // Rossiya i ATR. 1992. № 1. S. 11–22.
24. Polyakov YU. A. Nashe nepredskazuemoe proshloe: Polemicheskie zametki. M.: AIRO-XX, 1995. 214 s.
25. Ryabchenko N. P. Rossiya, Dal'nij Vostok i «sotsializm» // Rossiya i ATR. 1995. № 2. S. 12–20.
26. Sukhin YU. I. Logiko-metodologicheskij aspekt leninskoj kontseptsii sotsializma // Lenin. Sotsializm. Sovremennost': Tez. dokl. nauch.-prak. konf. «Sotsializm: Istoriya, sovremennost' i budushhee». Preprint. Vladivostok, 1991. S. 9–11.
27. Trudy Instituta istorii, arkheologii i ehtnografii narodov Dal'nego Vostoka DVNTS AN SSSR. 1971–1985 gg. Vladivostok: DVNTS AN SSSR, 1986. 294 s.
28. Trudy Instituta istorii, arkheologii i ehtnografii narodov Dal'nego Vostoka DVO RAN. 1986–1995 gg.: Bibliogr. ukaz. Vladivostok: Dal'nauka, 1996. 204 s.
29. Trudy Instituta istorii, arkheologii i ehtnografii narodov Dal'nego Vostoka DVO RAN. 1996–2000 gg.: Bibliogr. ukaz. Vladivostok: Dal'nauka, 2001. 172 s.
30. Trudy Instituta istorii, arkheologii i ehtnografii narodov Dal'nego Vostoka DVO RAN. 2000–2005 gg.: Bibliogr. ukaz. Vladivostok: Dal'nauka, 2006. 212 s.
31. Trudy Instituta istorii, arkheologii i ehtnografii narodov Dal'nego Vostoka DVO RAN. 2006–2010 gg.: Bibliogr. ukaz. Vladivostok: Dal'nauka, 2011. 288 s.
32. Trudy Instituta istorii, arkheologii i ehtnografii narodov Dal'nego Vostoka DVO RAN. 2011–2015 gg.: Bibliogr. ukaz. Vladivostok: Dal'nauka, 2017. 336 s.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

БРЕСЛАВЕЦ Татьяна Иосифовна,

канд. филол. наук, профессор кафедры японоведения Восточного института – Школы региональных и международных исследований, ДВФУ (г. Владивосток).
Электронная почта: breslavets.ti@dvfu.ru

ПАНТЕЛЕЕВА Марина Васильевна,

канд. полит. наук, профессор кафедры японоведения Восточного института – Школы региональных и международных исследований, ДВФУ (г. Владивосток).
Электронная почта: panteleeva.mv@dvfu.ru

Аллюзив художественной речи в дневнике странствий Мацуо Басё

УДК 821.521

DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-2/22-33>

*аллюзив,
интер-
текстуальность,
ономастика,
дневник,
Мацуо Басё*

В дневнике странствий «Окунохосомити» («По северным тропам», 1694) японского поэта Мацуо Басё (1644–1694) благодаря широкому обращению к прецедентным феноменам формируется имплицитный информационный фон произведения с многослойной семантикой. В дискурсе дневника обнаруживается особая роль ономастики с её культурно-историческим содержанием, богатство интертекстуальных связей, кросскультурных явлений. Дневник отличается повышенной суггестивностью. Соединение эпизодов дневника, консолидация стихов и прозы в едином корпусе нарратива осуществляется ассоциативными методами. Статья посвящена изучению фоновых составляющих художественной речи.

Статья подготовлена при поддержке гранта Японского фонда.

20-го числа 3-й луны 1689 г. японский поэт Мацуо Басё (1644–1694) отправился в путешествие, изложенное в дневнике «Окунохосомити» («По северным тропам», 1694). Поэта сопровождал его ученик Сора (Каваи Согоро, 1649–1710). «Окунохосомити» («Узкая Дорога Северных Провинций») является топонимом и обозначает узкую дорогу вдоль края горы в северо-восточной части Сэндая, ведущую к Исикаве. Этот опасный участок дороги стал символом всех остальных, по которым Басё прошёл, прокладывая свой путь на север [17, с. 295]. Название сочинения выделяет особую роль топонимики в дневнике странствий.

Текст дневника пронизан историческими и литературными реминисценциями. Памятники японской и китайской культуры насыщают произведение легендами, преданиями, мифами, поэзией, формируя ассоциативный пласт дискурса. Изучение национальной истории, культуры и литературы, выяснение кросскультурных феноменов, запечатленных в языке и стиле выдающегося произведения японской словесности, представляется актуальным в ряду современных исследований фоновых знаний.

Аллюзив «Окунохосомити» как специальная категория совокупности имплицитных свойств сочинения не являлся предметом внимательного изучения, несмотря на то что

Для цитирования:
Бреславец Т. И., Пантелеева М. В. Аллюзив художественной речи в дневнике странствий Мацуо Басё // Известия Восточного института. 2021. № 2. С. 22–33. DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-2/22-33>

дневнику посвящена разнообразная исследовательская литература. Для освещения темы были привлечены работы японских и зарубежных филологов, таких как Имото Ноити, Огата Цутому, Сиранэ Харуо, Ямамото Кэнкити, Д. Кин, Э. Кэменс, И. А. Боронина и др. Дневник переводился на русский язык Н. И. Фельдман [1, с. 415–458] и Т. Л. Соколовой-Делюсиной [8, с. 78–102], на английский язык был переведен Д. Кином [14, с. 18–176].

В статье ставится цель исследовать дневник Мацуо Басё «Окунохосомити» в качестве культурно-исторического свидетельства. Достижению этой цели способствует изучение аллюзива, составляющего информационный фон произведения. В круг задач входит необходимость восстановить филолого-этнографические, культурно-исторические, социокультурные и литературные аллюзии – выявить коннотации смыслов в художественной прозе и поэзии как метажанровой целостности лирического дневника странствий. Выдвигается задача проанализировать средства конструирования аллюзива, выделить ассоциативные свойства объединения стихов и прозы, а также соединения эпизодов дневника.

В исследовании учитывается понятие культурно-исторического компонента значения, разработанного в языкознании Н. Г. Комлевым [6], и принимается позиция Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова, обосновавших существование фоновых знаний [3]. Методологической основой анализа интертекстуальных связей служат работы Ю. Н. Караулова [5] и С. Ю. Преображенского [11].

Исследование осуществляется на основе методик дескриптивно-компаративного анализа с привлечением текстологических и герменевтических разработок ведущих японских филологов – Курияма Риити, Тэруока Ясутака, Накамура Сюдзё, Хори Нобуо, Сугиура Масаитиро, Огино Киёси и др. Предметом обсуждения избраны отдельные эпизоды дневника, в которых аллюзивная составляющая представлена наиболее разнообразно. Источником является текст на старояпонском языке [19, с. 339–386], переводы которого выполнены авторами статьи.

Если говорить о цели путешествия Басё, то исследователи сходятся на том, что на севере он хотел посетить места, где побывал знаменитый поэт Сайгё (Сато Норикиё, 1118–1190) [13, с. 309–310]. По мнению Сиранэ Харуо, Басё был уверен, что близость к известным горам и рекам, воспетым в стихах средневековых антологий, заставит и его прочувствовать то, что испытали другие авторы. Он совершенно не хотел быть первооткрывателем горных вершин или равнин, напротив, он искал места с богатой историей [15, с. 65].

Басё вдохновляли не только странствия Сайгё, автора пятистиший *танка* (короткая песня), но и Соги (Иио Соги, 1421–1502), создателя *рэнга* (связанные песни), которые состояли в поиске поэтических тем, традиционного мира *утамакура* (песенное заглавие) – пейзажей и достопримечательностей. Как отметил Эдвард Кэменс, каждая частица поэзии, найденная в памяти веков, придавала сочинениям особенное чувство близости к древности. Это чувство передавалось из поколения в поколение, и диалог, который поэты вели с прошлым, используя *утамакура*, привносил ощущение старины в настоящее [12, с. 37].

В стилистическом приеме *утамакура* использовались топонимизачины, но они непосредственно не взаимодействовали с основным содержанием произведения [2, с. 187–188]. В поэзии Басё, напротив, топонимы, ранее выступавшие в качестве *утамакура* (топонимическая метафора), органически входят в смысловую канву стихотворе-

ния и сохраняют свой образный потенциал как национально-культурный компонент. Своеобразно используя интертекстуальные и традиционные основы топонимов, Басё отводит им роль минимизированного художественного средства как в поэзии, так и в прозе.

Посещение **Никко** Басё сопровождается замечанием о происхождении оронима [19, с. 345]. Согласно легенде, здесь два раза в год – весной и осенью – случались извержения вулкана, и гору называли Футарасан – Дважды Разрушенная Гора. Священник Кобо Дайси (774–835), основатель буддийской школы Сингон, учредил здесь храм, а гору назвал Никко, что значит «Сияние Солнца». С этого момента землетрясения прекратились. Однако известно, что храм был основан преподобным Сёдо в годы Энряку (782–806) [18, с. 127]. В дневнике отдано предпочтение не историческому факту, а легенде, составляющей культурно-мифологическое пространство аллюзива, позволившего подчеркнуть величие горы и её красоту. Ситуация, отмеченная именем великого святителя, оказывается ложной. Однако она апеллирует к Сайгё, которому посвящен дневник, поскольку этот поэт «избрал для себя школу Сингон и потянулся к её основателю Кобо Дайси как к образцу, которому подражал всю жизнь» [7, с. 184].

Главной достопримечательностью Никко является Тосёгу – синтоистское святилище, построенное в 1617 г., место упокоения сёгуна, Токугавы Иэясу (1542–1616), – объединителя страны. Экклезионим Тосёгу образован от его посмертного имени – Тосё-Дайгонгэн (Великий бодхисаттва, озаряющий Восток).

Ара тоото / Аоба вакаба но / Хи но хикари

あらたうと青葉若葉の日の光

Как торжественно / На зеленой, на молодой листве / Сияние солнца!..

Басё говорит о ярком солнечном свете, хотя Сора в своём дневнике зафиксировал, что день был пасмурным и дождливым [18, с. 118]. Содержание *хайку* (*комические стихи*) может быть раскрыто в сопоставлении с предшествующим прозаическим текстом как завершающий его гимн. Топоним Никко (日光) в трёхстишии отсутствует, однако «хи но хикари» (日の光) – «сияние солнца» отсылает к национальной мифологии в качестве конвенционального знака Страны Восходящего Солнца. Этот факт можно интерпретировать как стилистический приём замещения топонима его вещественным значением. Аллюзия выполняет функцию исторической соотнесенности как явление национально-культурного генезиса.

«Сияние солнца» – аллюзия-мифологема, она ассоциативно связана с образом богини Аматаэрасу – «Освещающей Небеса», выступающей верховным божеством синтоистского пантеона, и с «Озаряющим Восток» Токугавой Иэясу. В литературе XX в. этот знак-символ активно использовал писатель Мисима Юкио (1925–1970). В романе «Несущие кони» («Хомба», 1969) он не однажды обращается к образу солнечного сияния на зеленой листве, провозглашая торжество тэнноизма [9]. Никко целесообразно отнести к сакральным топонимам, отмеченным религиозным смыслом.

Сакральность подразумевает и слово «тоото» – «торжественно», «возвышенно», «величаво». Выражение «аоба вакаба» – «зеленая листва, молодая листва» осмысливается как обозначение новой эпохи, наставшей после прекращения междоусобных распрей.

Культурно-историческая аллюзия строится на подборе лексики, создающей национальный фоновый слой текста, – связанный с религией Синто (Путь богов), а также с историей правления Токугавы Иэясу, которому поэт возносит хвалу.

В заключительной части эпизода Басё создаёт аллегорию, говоря о благодатном сиянии, льющемся с небес, о покое, воцарившемся в стране. Аналогия возникает с текстом из летописно-мифологического свода «Кодзики» («Записки о делах древности», 712), рассказывающим о правлении императора Нинтоку (257–399), озирающего владения, наблюдающего, поднимается ли дым над жилищами, благополучна ли страна: «Следил он за дымом и оказал свою милость народу, и доныне зовётся в предании Святым Государем» [10, с. 20]. В итоге следует признать справедливым замечание о том, что «национально-культурный компонент свойствен именам собственным, пожалуй, даже в большей степени, чем апеллятивам» [3, с. 170].

В дневнике выделяется переход через прославленную заставу **Сиракаву** [19, с. 350–351]. Уникальность этого короткого эпизода состоит в том, что он наполнен реминисценциями, отсылающими к стихам таких поэтов, как Сайгё, Минамото Ёримаса, Ноин, Фудзивара Суэмити, Содзу, Оэ Садасигэ, Фудзивара Киёскэ. Эпизод начинается интертекстуальным фрагментом – цитатой «как-нибудь в столицу» (*икадэ мияко э*) – из стихотворения Тайры Канэмори (ум. в 990 г.):

Таёри араба / *Икадэ мияко э* / Цугэяраму /
Кёо Сиракава но / Сэки ва коэну то
Если найдётся посланец, / То как-нибудь в столицу /
Известие отправлю / Сказать, что перешёл сегодня / Заставу Сиракаву...

Ситуация соответствует восьмому эпизоду «Исэ моногатари» («Повесть об Исэ», нач. X в.), рассказывающему о странствии кавалера в провинции Суруге: «И вот подвижник им навстречу. “Каким образом вы здесь, на дороге этой?” – воскликнул он, и видит – знакомец их... Тогда в столицу ей – той даме – письмо кавалер с подвижником послал» [4, с. 17]. Привлекается традиционный сюжетный элемент из «прецедентного текста» [5, с. 105–123] – отправление письма в столицу. В дневнике обнаруживается заимствование из двух источников одновременно, что нельзя не оценить как известное свойство традиционной японской литературы.

Для рассказа о заставе Сиракаве привлекается лексика стихотворений *танка* (*короткая песня*): осенний ветер, алые клёны, снег, дейция, шиповник, молодая листва на ветвях. Литературный аллюзив оказывается широким, а текст Басё строит как «нанизывание цитат» (*цугихаги*) – стилистический приём, известный из драматургии театра Но. Поэт осуществляет движение сквозь время и пространство, прибегая к смене живописных картин-воспоминаний.

В завершение эпизода Басё, обозначив автора аллюзивного сочинения, пересказывает историю о человеке, который нарядился для перехода через заставу Сиракаву. Поэт акцентировал важность события, утверждал, что именно эта заставка «привлекает сердца утончённых людей», но обычай проигнорировал – не написал необходимого стихотворения.

Свои ощущения, впечатления, настроения Басё доверил образам из стихов других поэтов, в то время как себя представил безликим и

равнодушным: «успокоилось сердце странника». Кроме того, мастер умолчал об известном сочинении поэта Иио Соги «Путешествие к заставе Сиракава» («Сиракава кико», 1468). В этом случае единственным индикатором аллюзии остался топоним.

Выявленные средства аллюзива – цитирование, нанизывание цитат, пересказ, умолчание – направлены на то, чтобы выразить восхищение видами заставы Сиракавы, запечатленными в произведениях предшествующей литературы. Внушается мысль о том, что ретроспективная картина может быть дополнена и стать обширной, поскольку известно не менее сорока стихотворений различных жанров, посвящённых заставе Сиракаве.

Исключив себя из участников поэтической дискуссии, отстранившись от соперничества, Басё демонстрирует настроение уныния – и весь аллюзив направлен на создание атмосферы «бесконечной печали». В переводе Н. И. Фельдман добавочное имплицитное содержание, намеченное автором дневника, раскрывается с помощью маргинальной глоссы со стихотворениями разных поэтов [1, с. 423–424].

Значение происходящего обнаружится в последующем эпизоде, когда Басё напишет, что его измучили трудности дальней дороги, он устал душой и телом, его увлекли пейзажи, а воспоминания о старине спутали мысли. Поэт сцепляет эпизоды дневника не только линией хронотопа – движением во времени и пространстве, но и общностью тематики и мотивов, развивая их от одного эпизода к другому, как в романе «Гэндзи моногатари» («Повесть о Гэндзи», XI в.)

Басё совершает странствие в сопровождении поэта Сайгё. Он стоит под сенью «ивы у чистой воды», собирает «каштаны, падающие на землю», видит «мискант на засохшем поле», старую вишню в Кисаката и луну над сосной Сиогоси, распетые Сайгё. Дневник переполняет текстовые аллюзии. Вместе с тем Басё участвует в северном походе Минамото Ёсицунэ (1159–1189), страницы дневника посвящает героям гражданской войны – кланов Тайры и Минамото.

Достигнув **Маруямы**, поэт обнаруживает руины замка правителя и на кладбище семьи Сато надгробия с именами двух женщин [19, с. 353–354]. Для понимания эпизода нужно обратиться к легенде о сыновьях Сато Мотохару, правителя уезда Синобу, – Сато Цугунобу (1158–1185) и Сато Таданобу (1161–1186). Они сражались на стороне Минамото Ёсицунэ и пали в бою. Чтобы утешить их мать, невестки, облачившись в костюмы воинов и взяв доспехи, продемонстрировали победоносное возвращение погибших мужей. При мысли о мужестве женщин поэт «омочил рукав» (*тамото о нурасину*). Басё использует традиционный образ увлажнённого рукава как символ пролитых слёз, за которым скрыто всё богатство средневековой японской поэзии.

Он говорит, что «надгробный камень, вызывающий слёзы, не далеко» (*даруй но сэкихи мо тооки ни арадзу*), и тем самым вспоминает Ян Ху (221–278), китайского сановника, отличавшегося мудростью и добродетелями. Местные жители поставили ему надгробный камень, глядя на который, каждый проливал слёзы. Д. Кин в расширенный перевод предложения помещает топоним, уточняя смысл аллюзии: «One need not go to China to find a gravestone that induced tears» [14, с. 59]. Прецедентный феномен – «камень», ставший денотатом аллю-

зии, требует восстановления связанной с ним истории, а также имени действующего лица.

В тексте дневника сплетаются японские и китайские предания. Их связь основана на трансформации образа «слёз». К ней можно применить обозначение «смысловая связь» (*имидзукэ*) – вариант ассоциативной связи строф, практиковавшийся в цепочках связанных стихов (*рэнку*). У Басё эта связь выступает вариантом *уцури* – отражения, проекции. Происходит изменение семантики аллюзивного образа и преобразование средств его выражения.

В древнем храме находились исторические артефакты – меч Минамото Ёсицунэ и дорожный короб его оруженосца Бэнкэя:

Ои мо тати мо / Сацуки ни кадзарэ / Каминобори

笈も太刀も五月にかざれ紙幟

Вот и короб, и меч. / Украшай летний день, / Бумажный карп!..

Приближался День мальчиков, в домах выставляли оружие и доспехи, под ветром развевался его атрибут – бумажный карп. Стихотворение транслирует этнокультурный мир традиционного праздника, смысл его предметного содержания выясняется из предисловия к нему (короб, меч) и послесловия (бумажный карп) – пояснений к стихам (*котобагаки*), подобных тем, что приняты в средневековых антологиях.

Две части эпизода объединяются на основе антитезы – стилистического приёма, широко представленного в дневнике. Мотив скорби сменяется жизнеутверждающим мотивом праздника. Вместе с тем продолжает звучать тема доблести, но с контрастивным элементом: подвигу женщин противопоставляется героизм мужчин. Структурирование текста, применяемое Басё, восходит, вероятно, к предисловию «Кодзики», выполненному придворным историографом О-но Ясумаро (ум. в 723 г.), в котором каждый из пяти разделов обладает двухчастной композицией, ставшей традиционной [10, с. 19–29].

В дневнике прошлое транспарирует в настоящем благодаря присутствию аллюзивных топонимов. Иногда, как в «Макура но соси» («Записки у изголовья») придворной дамы Сэй Сёнагон (рубеж X–XI вв.), достаточно их перечисления, чтобы возникли легендарно-мифологические образы, картины исторических событий или ассоциации со стихами средневековых антологий: переправа Содэ («Сингосюивакасю»), пастбище Обути («Госэнвакасю»), долина Мано («Манъёсю») [19, с. 364]. Все эти топонимы объявлены *песенными заглавиями*, украшавшими придворную поэзию. Басё старался смотреть даже на самые обычные места с необычной и необыденной точки зрения, соотнося их с поэзией старины [16, с. 83].

Переправа Содэ связана с легендой о Минамото Ёсицунэ. Спасаясь от преследователей, он переправился здесь через реку и в качестве платы отдал лодочнику один рукав (*содэ*) от своей парчовой одежды. Прибегая к перечислению пройденных мест, Басё убеждает, насколько он спешит к легендарному Хираидзуми. Лапидарный текст вычленяет наиболее значимое, на нем сосредоточивает внимание.

Басё вспоминает о минувшей славе трех поколений рода Фудзивары (XI–XII вв.) в **Хираидзуми** – Киёхиры, Мотохиры, Хидэхиры, правивших этой областью около столетия [19, с. 364–365]. Последний из правителей, Фудзивара Ясухира, сыграл важную роль в борьбе Минамото

Ёритомо против Минамото Ёсицунэ. Он напал на замок Ёсицунэ – Такадати. Там, где река Коромо впадает в реку Китагами, к северу от храма Тюсондзи, приняли последний бой Ёсицунэ и оруженосец Бэнкэй. Событиями войны эпизод «Хираидзуми» (№ 25) перекликается с эпизодом «Маруяма» (№ 14) по принципу «призыв-отклик» (*коо*), примененному писателем Кэнко Хоси (1283–1350) в «Цурэдзурэгуса» («Записки от скуки», 1331) – жанре фрагментированной прозы (*дзуй-хицу*). Воплощением темы междоусобных войн стало стихотворение Басё, посвященное павшим воинам:

Нацукуса я / Цувамонодомо га / Юмэ но ато 夏草や兵どもが夢の跡
Летние травы! / Славных воинов / Последний сон...

Басё говорит, что замок лежит в руинах, и только гора Кинкэйдзан сохраняет прежний облик. Поэт увидел запустение, царящее вокруг, и прибег к цитированию – соотнес этот вид со стихотворением Ду Фу (712–770) «Смотрю весной...», в котором автор выступает свидетелем «бедствий земли»:

*Страна разрушена, но горы и реки остались,
В крепости весной травы и деревья густы (кусаки фукаси)... [19, с. 364].*

По свидетельству Д. Кина, эта цитата, переведённая на японский язык, стала популярной как пословица [14, с. 182]:

*Страна разрушена, но горы и реки остались,
В крепости весной травы зелены (кусао митари)...*

Следовательно, высока степень распознавания цитаты реципиентом, хотя в оригинальном тексте, ассимилированная с ним, она не маркирована кавычками. Источник аллюзивной цитаты автором не указан, очевидно, в силу ее известности в лингвокультуре дальневосточного сообщества.

Цитату поэт передал адекватно, однако заменил «травы и деревья густы» на «видна зелень трав». Как «центр соответствия» [11, с. 788–793] акцентируется лексема «трава» – «куса», она является образом печальной участи воинов. Природа и человеческие деяния свидетельствуют о расцвете и увядании, о возвышении и падении, выражая мысль о бренности бытия. Сора сложил стихотворение об отважном Канэфусе, который сражался рядом с Ёсицунэ:

Унохана ни / Канэфуса миюру / Сирага кана
卯の花に兼房みゆる白髪かな
В цветах дейции / Канэфусу заметил – / Седину его...

Канэфуса, вассал дома Минамото, заботился о жене Ёсицунэ с ее младенческих лет, а жена Канэфусы была кормилицей девочки. Он, несмотря на возраст, сопровождал Ёсицунэ, когда тот бежал с семьей на север. После того как Ёсицунэ покончил с собой, сделал *сэнпуку* (*вспарывание живота*), Канэфуса, выполняя приказ сюзерена, убил его жену, пятилетнего сына и новорожденную дочь, поджёг дом, где они находились, и сгорел вместе с ними, скрыв следы их пребывания от врагов.

Антропоним является реальным денотатом аллюзивного имени, наделён социокультурными коннотациями. Он аккумулирует идеал преданности и воли, согласно кодексу самурайской чести Бусидо.

Ассоциации, связанные с этим именем как прецедентным, воспринимаются устойчивыми и социально значимыми. «Унохана» – «дейция» является декоративным кустарником с белыми цветами. Цветовой гаммой объединяются дейция и седина. Облик героя индуцируется белым цветом – символом чистоты в синтоизме.

В монастыре Тюсондзи было два храма – храм Сутр (Кёдо) и храм Света (Хикаридо). После падения дома Фудзивары монастырь Тюсондзи пришел в упадок, однако храм Света пытались сохранить:

Самидарэ но / Фуринокоситэ я / Хикаридоо

五月雨の降りのこしてや光堂

В летних дождях / Устоишь ли ты, / Храм Света?..

Стихотворение, отмеченное экклезионимом Хикаридо, органично вплетается в текст дневника как развитие его сюжета – борьбы света и тьмы. Басё называет храм памятником былого тысячелетия, бросающим вызов и силам природы. Храмы, монастыри и феодальные замки выступают свидетелями исторических или легендарных событий. Пребывающие в руинах, они являются символами бренности бытия (*мудзё*) – идеи, пронизывающей текст дневника, лежащей в основе его художественно-эстетической концепции.

Далее от горячих источников **Наруго** Басё предполагает направиться к заставе **Ситомаэ** [19, с. 365–366]. «Наруго» означает «Крик Ребенка». Согласно легенде, жена Ёсицунэ положила ребенка в короб, и Бэнкэй смог донести его до этого места, прежде чем он впервые расплакался. Застава Ситомаэ получила своё название потому, что именно здесь впервые помочился ребенок Ёсицунэ. Когда опальный герой бежал на север страны, Хидэхира двинулся на его защиту и встретил его в этом пункте. Топонимы Наруго и Ситомаэ, а также Содэ обладают социокультурной этимологией, восходят к самурайским сказаниям, но содержащуюся в них аллюзивную информацию автор не выводит на эксплицитный уровень.

Шёл проливной дождь, и Басё остановился на ночлег в крестьянском доме:

Номи сирами / Ума но ситосуру / Макура мото 蚤虱馬の尿する枕もと

Блохи, вши, / Лошадь мочится / У изголовья...

В первоначальном варианте звукоряд строки был крайне грубым, «ума но барикоку», она словно бы доносила хохот автора. Сора в своём дневнике обозначил вариант «барисуру», но в дальнейшем он был заменен на более мягкое «сито суру» [21, с. 264]. Эвфония *хайку* стала имитировать шум дождя. Пример показывает снижение эмотивности, расширение автономности стиха, привлекающей реципиента к сотворчеству. Однако Сугиура Масаитиро предлагает принять вариант «барикоку», ощутить в нем острый «аромат» вульгарной провинциальности [18, с. 122].

Лингвопоэтический анализ разговорно-бытовой лексики стихотворения показывает, что «бари (尿) суру» – «мочиться» омонимично «бари (罵詈) суру» в значении «бранить», «ругать», «поносить», что расширяет смысл высказывания как омонимическая метафора (*какэ-котоба*) классической японской поэзии, усиливает его стилистически сниженный характер. Учитывая особенности японской орфографии и орфоэпии, возможно прочтение иероглифа как «сито (尿) суру»

(омограф), что позволяет связать трехстишие с топонимом Ситомаэ и с историей Ёсицунэ.

Сезонным является слово «сирами» – «блохи», указывающее на лето. Метод «сезонных слов» (*киго*) следует расценить как аллюзивный, поскольку в нем зафиксирована символика времен года. Сформированный в раннем японском стихе *танка*, он стал обязательным для поэзии *рэнга* и стихов *хайку*.

Перед тем как войти в город Канадзаву Басё проходит долину **Курикару** [19, с. 377–378]. Ороним свидетельствует о подвиге Минамото Ёсинаки (1154–1184), атаковавшего здесь войска Тайры в 1183 г. и разгромившего армию противника. В **Комацу** находится святилище Тада, куда поэт идет на поклонение. Здесь хранится шлем воина Сайто Санэмори (ум. в 1183 г.), служившего дому Минамото, но затем ставшего вассалом Тайры. Он был убит в сражении с Ёсинакой, о котором заботился, когда тот был ребенком. Ёсинака простил Санэмори измену и передал святилищу его шлем – покрытый резьбой, золотой инкрустацией, украшенный наверху серпом:

Мудзан я на / Кабуто но сита но / Киригирису

むざんやな甲の下のきりぎりす

Как горестно! / Под славным шлемом – / Кузнечику приют...

Мукай Кёрай (1651–1704), ученик поэта, придавал большое значение первой строке стихотворения, олицетворяющей, на его взгляд, категорию «неизменного» (*фуэки*) в эстетике Басё [20, с. 494]. Слово «мудзан» 無残 – «горестный», «жестокий», «ужасный» омонимично буддийскому термину «мудзан» 無慙, означающему поправление религиозных заповедей – действие, совершенное Тайрой Киёмори (1118–1181), узурпировавшим власть, сжигавшим буддийские святыни. От былого величия не остается следа, и все процветающие гибнут согласно кармическому закону. Полисемантика текста репрезентируется с помощью омофона – одного из вариантов лингвистической аллюзии.

Кроме того, известно, что первоначально Басё использовал выражение «ана мудзан я на» – «о, жестокий рок!», прозвучавшее в пьесе театра Но «Санэмори». Аналогичные высказывания обнаружены в «Хэйкэ моногатари» («Сказание о доме Тайры», 1240) – «ана мудзан» и в «Гэмпэй сэйсуйки» («Сказание о возвышении и падении домов Минамото и Тайры», 1235) – «ана мудзан я» [21, с. 314–315].

Стихотворение, посвящённое самурайским сражениям, несёт переживание ужаса бытия. В нём обнаруживается пафос «неизменного» благодаря лексическому составу, что и отметил Кёрай. Идея присутствия «неизменного» (*фуэки*) в «изменчивом» (*рюко*) – «вечного в преходящем» (*фуэки-рюко*) разрабатывалась Басё в последние годы жизни как воплощение «великого в малом», была связана с буддийской идеологией. Таким образом, «семантика слова не является простой функцией его структуры, а представляет собой отражение внеязыковой действительности в сознании общества» [6, с. 125]. Аллюзив этого эпизода всецело обращён к японскому эпосу – таким прецедентным текстам, как военно-феодальные эпопеи Японии, повествующие о гибели могущественного клана Тайры.

Следует заключить, что имена собственные играют ведущую роль в тексте произведения, являясь фактором актуализации скрытых смыслов. Можно констатировать, что ономастическая лексика днев-

ника обладает насыщенным потенциалом значений для передачи информации в сжатом виде.

Дневнику свойственна крайняя фрагментарность, что порождает повышенную суггестивность текста и способствует реализации культурно-исторического и филологического аллюзива. С этой целью активно привлекаются и традиционные средства классического японского стиха. Очевидна высокая интертекстуальная плотность произведения, и его аллюзии, китайские и японские, требуют дополнительных разъяснений.

Сцепление фрагментов дневника происходит на основе принципов ассоциативной связи строф, применяемой для стихотворной цепи *рэнку*, а также с привлечением достижений средневековой литературы.

Литература

1. Басё М. Великое в малом. СПб.: Терция; Кристалл, 1999. 512 с.
2. Боронина И. А. Поэтика классического японского стиха. М.: Наука, 1978. 372 с.
3. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Лингвострановедческая теория слова. М.: Рус. яз., 1980. 320 с.
4. Исэ моногатари. М.: Наука, 1979. С. 12–84.
5. Караулов Ю. Н. Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности // Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы. М.: Наука, 1986. С. 105–123.
6. Комлев Н. Г. Компоненты содержательной структуры слова. М.: КомКнига, 2006. 192 с.
7. Кужель Ю. Л. Мир японского паломничества. М.: МГИИТ, 2012. 328 с.
8. Мацуо Басё. Стихотворения. Проза. М.: Эксмо, 2011. 480 с.
9. Мисима Юкио. Несущие кони. М.: Азбука, 2021. 448 с.
10. Мифы Древней Японии: Кодзики. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. 256 с.
11. Преображенский С. Ю. Проблема межтекстовых связей в лингвистическом толковании художественных текстов: аллюзия и цитация // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8. № 4. С. 788–793.
12. Kamens E. Utamakura, Allusion, and Intertextuality in Traditional Japanese Poetry. New Haven, CT: Yale University Press, 1997. 336 s.
13. Keene D. Seeds in the Heart: Japanese Literature from Earliest Times to the Late Sixteenth Century. N. Y.: Henry Holt and Company, 1999. 1265 s.
14. Matsuo Bashō. The Narrow Road to Oku. Tokyo: Kodansha, 1997. 187 s.
15. Shirane Haruo. Traces of Dreams: Landscape, Cultural Memory, and the Poetry of Bashō. – Stanford: Stanford University Press, 1998. 226 s.
16. 井本農一。芭蕉入門。東京、講談社。1977. 218 с. = Имото Ноити. Знакомство с творчеством Басё. Токио: Коданся, 1977. 218 с.
17. 尾形侑。総合芭蕉事典。東京、雄山閣。1981. 670 с. = Окада Цутому. Сводный словарь творчества Басё. Токио: Юдзанкаку, 1981. 670 с.
18. 芭蕉文集。校注：杉浦正一郎、宮本三郎、萩野清。日本古典文学大系。東京、岩波。1971. Т. 46. 544 с. = Собрание прозы Басё / Под ред. Сугиура Масаитиро, Миямото Санро, Огино Киёси // Серия памятников традиционной японской литературы. Токио: Иванами, 1971. Т. 46. 544 с.
19. 松尾芭蕉集。校注：井本農一、堀信夫、村松友次。日本古典文学全集。東京、小学館。1972. Т. 41. 609 с. = Собрание сочинений Мацуо Басё / Под ред. Имото Ноити, Хори Нобуо, Мурамацу Томоцугу // Полное собрание традиционной японской литературы. Токио: Сёгакукан, 1972. Т. 41. 609 с.
20. 俳論集。校注：栗山理一。日本古典文学全集。東京、小学館。1979. Т. 51.

С. 409–625. = Собрание трактатов о поэзии хайкай / Под ред. Курияма Риити // Полное собрание традиционной японской литературы. Токио: Сэгакукан, 1979. Т. 51. С. 409–625. 21. 山本健吉. 芭蕉. 東京、新潮社. 1973. 505 с. = Ямамото Кэнкити. Басё. Токио: Синтёся, 1973. 505 с.

Tatiana I. BRESLAVETS

Ph.D. (in Philology), Professor, Japanese Studies Department, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).
E-mail: breslavets.ti@dvfu.ru

Marina V. PANTELEEVA

Ph.D. (in Politology), Professor, Japanese Studies Department, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).
E-mail: panteleeva.mv@dvfu.ru

Allusive Style of the Art Speech in the Travelling Diary of Matsuo Bashō

UDC 821.521

DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-2/22-33>

*allusive style,
intertextuality,
onomastics,
diary,
Matsuo Bashō*

The article is written by the support of the Japan Foundation Grant.

The diary of the poet Matsuo Bashō (1644–1694) “Oku no Hosomichi” (“The Narrow Road to Oku”) is full of historical and literary reminiscences. Ancient manuscripts of the Japanese culture enrich the contents of the work, saturate it with legends, myths, and poetry, making the associative layer of discourse. Onomastics plays the leading part in the narration concentrating the polysemousness of the text. The extreme lapidary style is characteristic of the diary, which gives rise to the increased suggestibility of the text and is conducive to the realization of cultural, historical and philological allusions. The high intertextual capacity of the work is evident. The accumulation of the diary episodes takes place on the basis of the principles in associative connection of stanzas, put forward by Bashō for linked verse, and also attracting the achievements of medieval literature.

For citation: Breslavets T. I., Panteleeva M. V. Allusive Style of the Art Speech in the Travelling Diary of Matsuo Bashō // Oriental Institute Journal. 2021. № 2. P. 22–33. DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-2/22-33>

References

1. Basyo M. Velikoe v malom. SPb.: Tertsiya; Kristall, 1999. 512 s.
2. Boronina I. A. Poehtika klassicheskogo yaponskogo stikha. M.: Nauka, 1978. 372 s.
3. Vereshhagin E. M., Kostomarov V.G. Lingvostranovedcheskaya teoriya slova. M.: Rus. yaz., 1980. 320 s.
4. Iseh monogatari. M.: Nauka, 1979. S. 12–84.
5. Karaulov YU. N. Rol' predsedennykh tekstov v strukture i funktsionirovanii yazykovoj lichnosti // Nauchnye traditsii i novye napravleniya v prepodavanii russkogo yazyka i literatury. M.: Nauka, 1986. S. 105–123.
6. Komlev N. G. Komponenty sodержatel'noj struktury slova. M.: KomKniga, 2006. 192 s.
7. Kuzhel' YU. L. Mir yaponskogo palomnichestva. M.: MGIIT, 2012. 328 s.
8. Matsuo Basyo. Stikhotvoreniya. Proza. M.: EHksmo, 2011. 480 s.

9. Misima YUkio. Nesushhie koni. M.: Azbuka, 2021. 448 s.
10. Mify Drevnej Yaponii: Kodziki. Ekaterinburg: U-Faktoriya, 2005. 256 s.
11. Preobrazhenskij S. YU. Problema mezhtekstovykh svyazej v lingvisticheskom tolkovanii khudozhestvennykh tekstov: allyuziya i tsitatsiya // Vestnik RUDN. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. 2017. T. 8. № 4. S. 788–793.
12. Kamens E. Utamakura, Allusion, and Intertextuality in Traditional Japanese Poetry. New Haven, CT: Yale University Press, 1997. 336 s.
13. Keene D. Seeds in the Heart: Japanese Literature from Earliest Times to the Late Sixteenth Century. N. Y.: Henry Holt and Company, 1999. 1265 s.
14. Matsuo Bashō. The Narrow Road to Oku. Tokyo: Kodansha, 1997. 187 s.
15. Shirane Haruo. Traces of Dreams: Landscape, Cultural Memory, and the Poetry of Bashō. – Stanford: Stanford University Press, 1998. 226 s.
16. 井本農一。芭蕉入門。東京、講談社。1977. 218 s. = Imoto Noiti. Znakomstvo s tvorchestvom Basyo. Tokio: Kodansya, 1977. 218 s.
17. 尾形 侑。総合芭蕉事典。東京、雄山閣。1981. 670 s. = Okada TSutomu. Svodnyj slovar' tvorchestva Basyo. Tokio: YUdzankaku, 1981. 670 s.
18. 芭蕉文集。校注：杉浦正一郎、宮本三郎、荻野清。日本古典文学大系。東京、岩波。1971. T. 46. 544 s. = Sobranie prozy Basyo / Pod red. Sugiura Masaitiro, Miyamoto Sanro, Ogino Kiyosi // Seriya pamyatnikov traditsionnoj yaponskoj literatury. Tokio: Ivanami, 1971. T. 46. 544 s.
19. 松尾芭蕉集。校注：井本農一、堀信夫、村松友次。日本古典文学全集。東京、小学館。1972. T. 41. 609 s. = Sobranie sochinenij Matsuo Basyo / Pod red. Imoto Noiti, KHori Nobuo, Muramatsu Tomotsugu // Polnoe sobranie traditsionnoj yaponskoj literatury. Tokio: Syogakukan, 1972. T. 41. 609 s.
20. 俳論集。校注：栗山理一。日本古典文学全集。東京、小学館。1979. T. 51. S. 409–625. = Sobranie traktatov o poehzii khajkaj / Pod red. Kuriyama Riiti // Polnoe sobranie traditsionnoj yaponskoj literatury. Tokio: Syogakukan, 1979. T. 51. S. 409–625.
21. 山本健吉。芭蕉。東京、新潮社。1973. 505 s. = YAmamoto Kehnkiti. Basyo. Tokio: Sinyosya, 1973. 505 s.

ЛИНГВИСТИКА

НГУЕН Тхи Там,

магистр, ассистент поствузовского факультета, Академия военных наук (Ханой, Вьетнам).

Электронная почта: doanmaichi2007@gmail.com

Основные значения русских глаголов с префиксами ЗА-, ПО-, РАЗ- в сопоставлении с соответствующими глаголами с постфиксами -ĐI, -LÊN, -RA во вьетнамском языке

УДК 1751.8.3.1805

DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-2/34-44>

*контрастивная
лингвистика,
префикс,
глагол,
постфикс,
соответствующий*

За последние два-три десятилетия многочисленные исследования по проблемам контрастивной лингвистики сформировали по существу новую отрасль языкознания. Контрастивное исследование должно содержать систематическое сравнение форм и значений единиц структуры сопоставляемых языков, исходя из предположения о существовании некоего базового сходства между языками при наличии дифференцирующих данные языки различий. При сравнении языков невозможно сопоставлять одновременно все языковые факты, ибо специфика каждой из сторон языка требует особого к ним подхода. Результаты исследования могут послужить основой для разработки методики преподавания русского языка вьетнамским учащимся и русским, изучающим вьетнамский язык.

Данная публикация подготовлена на основе сообщения на международной онлайн-конференции «70-летие вьетнамско-российских отношений в области науки и образования» (19 октября 2020 г.), г. Ханой, Вьетнам.

1. Место контрастивной лингвистики в языке

В своей работе В. Н. Ярцева [17] перечислила некоторые мнения о месте контрастивной лингвистики в языке: по мнению Л. В. Щербы [16, с. 112], большое значение придавалось сопоставительному изучению языков не только для усвоения иностранного языка, но и для лучшего понимания особенностей родного языка и проникновения в суть его структур. Ди Пьетро [4, с. 120] указал, что, хотя контрастивное исследование мотивируется главным образом необходимостью для преподавателя иностранных языков обнаружить области существительных различий между тем языком, который он преподаёт, и родным языком учащегося, нельзя недоучитывать важность контрастивного анализа как способа оценки постулатов и требований самой лингвистической теории. Г. Никкель [3, с. 56] справедливо пишет, что контрастивная лингвистика как особая отрасль науки о языке возникла сравнительно недавно, но не потому, что нова сама идея подобного сопоставления языков, а скорее потому, что наблюдения над сходством и различием языков в контрастивном плане были недавно систематизированы. Историки языкознания обычно высказывают мнение, что поворотным пунктом для развития контрастивных исследований явилась публикация работы Роберта Ладо [2, с. 75], в значительной мере основанной на идее Ч. Фриза относительно лингвистических основ преподавания английского языка. Ч. Фриз [1, с. 50] писал, что наиболее эффективны те

Для цитирования:
Нгуен Тхи Там. Основные значения русских глаголов с префиксами ЗА-, ПО-, РАЗ- в сопоставлении с соответствующими глаголами с постфиксами -ĐI, -LÊN, -RA во вьетнамском языке // Известия Восточного института. 2021. № 2. С. 34–44. DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-2/34-44>

материалы, которые основаны на научном описании изучаемого языка с тщательным сравнением с результатами параллельного описания родного языка учащегося. Л. В. Щерба [16, с. 79] показал необходимость двустороннего сравнения языков: как иностранного с родным, так и родного с иностранным. Этот подход обеспечил подлинно лингвистический и не формальный, а содержательный метод сравнения материала двух или нескольких языков, что нашло своё отражение в лексикографических работах.

Для анализа сходств и различий между языками необходимо прежде всего уточнить само содержание этих понятий. По-видимому, сравнение языков плодотворно лишь при наличии хотя бы одного сходного элемента их структуры. В начале XIX века было отмечено сходство генетическое, т. е. сходство материала, объясняемое общностью происхождения этого материала. Для контрастивной лингвистики при концентрации внимания на синхронном срезе языка генетическое родство сопоставляемых языков может иметь известное значение для определения наиболее вероятных участков схождения и расхождений. Второй тип сходства можно было бы назвать сходством функциональным, т. е. наличием общего в самом типе передачи того или иного грамматического значения. Третий тип сходства можно было бы назвать сходством элементов структуры или приёмов передачи грамматических значений.

При сравнении языков невозможно сопоставлять одновременно все языковые факты, ибо специфика каждой из сторон языка требует особого к ним подхода. Разными свойствами обладает звуковая сторона, сторона лексическая и грамматическая структура языка.

Безусловно, детальная разработка специфических черт различных уровней языковой структуры, осуществляемая лингвистами различных стран, в последние годы должна была помочь в продвижении контрастивных исследований. Казалось бы, что наиболее благоприятные обстоятельства могли сложиться для исследований в области лексики, так как в известной мере все составители двуязычных словарей были вынуждены задумываться над сходными и различными оттенками в значениях регистрируемых слов.

Неоднократно указывалось, что в современной лингвистике проблемы типологии языков разрабатываются в связи с теорией языковых универсалий. Последняя соприкасается с задачей выделения языковых типов в первую очередь по линии иерархии универсалий. Для определения наличных универсалий чаще всего лингвисты берут какое-либо понятие, с необходимостью отражаемое в языке, и рассматривают те средства, которыми различные языки мира выражают его в своих грамматических или лексико-грамматических системах.

Контрастивное исследование должно содержать систематическое сравнение форм и значений единиц структуры сопоставляемых языков, исходя из предположения о существовании некоего базового сходства между языками при наличии дифференцирующих данные языки различий. Одно из центральных задач контрастивного анализа должно быть избрание исходной меры сопоставления, того, что могло бы быть названо точкой отсчёта различий между языками или базой их контрастивного сравнения.

По мнению В. Н. Ярцевой [17, с. 86], связи контрастивной лингвистики с другими областями лингвистической науки могут быть охарактеризованы как непосредственные и опосредованные. Непосредственную связь контрастивная лингвистика (и, в частности, контрастивная грамматика) имеет с типологией языков и во вторую

очередь через типологию некоторый выход к теории лингвистических универсалий, понятие «языкового типа» столь же актуально для контрастивной грамматики, как и для типологии, однако кардинальное различие между общей типологией и контрастивной грамматикой состоит в том, что в то время как общая типология должна, по идее, оперировать с максимальным количеством разнообразных языков для извлечения общих и отдельных типологических характеристик, контрастивная грамматика имеет всегда дело с двумя языками (или, возможно, со многими языками, сравниваемыми попарно) с установкой на поиск на фоне сходства их различий. Опосредованные связи контрастивные исследования должны устанавливать с историко-генетическим изучением родственных языков, с психолингвистикой, могущей помочь в понимании коммутативно значимых различий между языками, с различными аспектами социолингвистики, помогающей определить зоны расхождений между языками.

По мнению В. М. Солнцева [13], во вьетнамском языке имеются словообразовательные ряды с общим компонентом и среди слов других категорий, в частности глаголов. Так, повторяющаяся в глаголах результативной структуры морфема **được** (получать) фактически становится результативным «полуаффиксом», который в силу возможности его очень широко употребления с разными глаголами имеет тенденцию к превращению в своего рода формообразовательный показатель со значением достижения успешного результата: **tìm được**: «найти» (**tìm**: искать), **hiểu được**: «понять» (**hiểu**: понимать), **mua được**: «купить» (**mua**: покупать) и т. д. Если ещё с натяжкой можно усмотреть в словах типа **mua được** собственное значение морфемы **được** «получить» (купить – покупать и получить), то в слове **hiểu được** «понять» искать какое-либо собственное значение этой морфемы практически невозможно.

В нашей статье попытаемся рассмотреть конкретную грамматическую категорию русских глаголов с префиксами ЗА-, ПО-, РАЗ- в сопоставлении с соответствующими глаголами вьетнамского языка с постфиксами -ĐI, -LÊN, -RA с несколько иной точки зрения.

Для сопоставления русских глаголов с префиксами ЗА-, ПО-, РАЗ- с соответствующими глаголами вьетнамского языка с постфиксами -ĐI, -LÊN, -RA как грамматической категории в целом необходимы сопоставления системы его грамматических форм и выраженных ими значений.

2. Средства выражения значений русских глаголов с префиксом ЗА- и их соответствия во вьетнамском языке

2.1. Значение движения за предмет, движения вглубь на большое расстояние, поглощения пространством.

По обыкновению, он *zai*шёл к Григо- Theo *thói quen nó vào phòng* Петровичу [10, с. 13]. [10, с. 45].

2.2. Значение попутного действия, часто кратковременного, отклонения от курса.

Zanocheval где-нибудь, издолище [6, *Chắc lại ngủ lang đầu* [6, с. 217]. с. 204].

2.3. Значение распространения действия на всю поверхность предмета, заполнения пространства, косвенного объекта.

Петровна весь вечер то укладывала яйца в корзину, то набивала банки сливочным маслом или заливала топленым [6, с. 190]. *Cả buổi tối, bà Petrovna lúc thì xếp trứng vào làn, lúc thì đôn vào hộp hoặc rót bơ đun chảy vào chai* [6, с. 202].

2.4. Значение интенсивности, чрезмерности действия, доведения до предела, часто во вред субъекту, отрицательного воздействия.

Заболтавишись с соседкой, она не заметила, как соскользнула в колодец толстая, неповоротливая девочка с медленными глазами... [8, с. 1]. *Chị ấy mãi nói chuyện với hàng xóm nên không thấy cô con gái mũm mĩm, chậm chạp, có cặp mắt buồn bã trượt chân rơi xuống giếng...* [8, с. 9].

2.5. Значение совершения действия заранее, заблаговременно, действия впрок.

Война – вот-вот, крупы надо занасать, соли [6, с. 251]. *Chiến tranh đến nơi rồi, phải trữ ít thóc, muối* [6, с. 266]

2.6. Значение чрезмерности действия, направленного на объект.

Она замучила меня своей ревностью [10, с. 90]. *Nàng giầy vò tôi vì nàng ghen* [10, с. 261].

2.7. Значение начала действия на одном месте или в разных направлениях.

Нечего было делать, мы приютились у огня, закурили трубки, и скоро чайник зашипел приветливо [10, с. 5]. *Chẳng biết làm gì hơn, chúng tôi đành ngồi xuống cạnh đồng lửa, châm thuốc hút, và lát sau thì nước trong ấm trà bắt đầu reo nghe thật vui tai* [10, с. 10].

Оглашая эхом станционное ущелье, вдали загудел паровоз, завиднелись огни поезда [15, с. 24]. *Xa xa có tiếng còi tàu hỏa rúc lên, vang rội khắp thung lũng quanh ga* [15, с. 83].

Я вытащил из чемодана восковой огарок и, засветив его [10, с. 46]. *Tôi lấy đũa ra một mẩu nến, thắp lên* [10, с. 139].

Она захохотала во все горло [10, с. 51]. *Cô cười phá lên* [10, с. 154].

3. Средства выражения значений русских глаголов с префиксом ПО- и их соответствия во вьетнамском языке

3.1. Значение начала действия и движения (обычно непроизвольного).

Она поседела [8, с. 14]. *Tóc bà bắt đầu bạc* [8, с. 70].

Он побежал [10, с. 38]. *Ông chạy đi* [10, с. 115].

И Бим пошел [6, с. 22]. *Và nó cất chân bước* [6, с. 25].

Подул ветер [6, с. 224]. *Gió nổi lên* [6, с. 238].

Тогда я подумала, что не успею засветло набрать полный мешок [15, с. 9]. *Bấy giờ tôi mới nghĩ ra rằng từ giờ đến tối không thể kịp nhặt được đầy túi phân mất* [15, с. 32].

3.2. Значение однократности действия, достижения предела/ ограничительного способа глагольного действия.

Неужели нельзя подушить всех собак, чтобы не трепали нервы [6, с. 110]. *Sao không bóp chết hết cái giống chó này đi để người ta khỏi bị thần kinh căng thẳng nhỉ* [6, с. 120].

3.3. Значение поочередности действия, распространения из большого количества лиц, предметов.

Он **посмотрел** ей вслед, **потоптался** на месте, да и **побежал**, догнав ее и **пошел** рядышком [6, с. 88]. Nó **nhìn theo** cô, **giật chân** tại chỗ rồi **vùng chạy lên**, **đuổi kịp** cô ta và **đi ngang** bên cạnh [6, с. 97].

3.4. Значение непродолжительности действия.

Он **посидел** у двери в задумчивости [6, с. 109]. Nó **ngồi xuống một lát** bên cửa, **trầm ngâm** [6, с. 118].

3.5. Значение незначительной интенсивности действия.

Бим и в самом деле страшно **похудел** без Ивана Ивановича и **потерял** уже былой вид: живот **подтянуло**, **нечесаная шерсть** свалаясь на штанах и **помутнела** на поснившейся когда-то спине [6, с. 98]. (Thật quả vắng Ivan Ivanuts, Bim **gầy đi** khủng khiếp, **mất cả** hình dáng trước đây: **bụng thì thót**, **bộ lông không chải chuốt** bị bết lại, **màu lông trên lưng** trước bóng bẩy **thế nay xỉn đi** [6, с. 108].

3.6. Значение длительного непрерывного действия.

Овцы **бодро постукивали** копытцами и **блеяли** [6, с. 178]. Lũ cừu **nhộn nhịp gõ móng** và kêu “*be be*” [6, с. 190]

3.7. Значение надления признаком.

Он **пожелтел**, **посинел**; **скрытая злоба** изобразилась на лице его [10, с. 108]. Mặt lão **trở nên vàng êch rồi tím ngắt**; **nỗi căm hờn** được **giấu kín** hiện rõ trên mặt lão [10, с. 321].

Она **покраснела** и **продолжала** [10, с. 82]. Nàng **đỏ mặt lên** rồi **tiếp** [10, с. 239].

Он **даже** как будто **помолодел** от злости [15, с. 3]. Trong cơn giận dữ, **trông ông trẻ hẳn ra** [15, с. 125].

А потом Дюйшен **постарел**, и **говорили**, что он стал **возить** почту [15, с. 3]. Sau Duysen **già đi** và **nghe nói** ông đi **đưa thư** [15, с. 12].

4. Средства выражения значений русских глаголов с префиксом РАЗ- и их соответствии во вьетнамском языке

4.1. Значение деления на части.

Все **рассказала** Степановна Толику, (...) где и кто **раздавил** лапу [6, с. 132]. Bà Xtepanovna **kể hết** cho Tolich, (...) ai **đã đập nát chân** con Bim **ra như thế** [6, с. 143].

4.2. Значение направления движения объектов (субъектов) с одного места в разные стороны.

- И **ущелья**, **полные** мглой и **молчанием**, **которых** ветви **разбегаются** отсюда во все стороны [10, с. 97]. Nào là **những vực hẻm tối tăm** và **im lìm**, **từ đây chúng lại tỏa nhánh đi** khắp ngả [10, с. 287].

И **тогда** отара **мало-помалу** **расходилась** всё шире и шире [6, с. 179]. Thế là **đàn cừu từ từ giãn rộng ra** [6, с. 192].

4.3. Значение полноты, интенсивности, тщательности действия.

Еще **когда** мы в **молчании** **курили**, я, **украдкой** **рассматривал** отца и сынишку [11, с. 18]. Ngay từ lúc chúng tôi **cùng im lặng hút thuốc**, tôi **đã kín đáo nhìn kỹ** hai bố con [11, с. 19].

5. Основные значения русских глаголов с префиксами: ЗА-, ПО-, РАЗ- в сопоставлении с соответствующими глаголами вьетнамского языка с постфиксом -ĐI

5.1. Обозначение движения с результатом, который делает объект не существующим или исчезающим.

Hay là ta tắt nó đi? – *Andersen hỏi* [6, с. 179]. - *He погасить ли огарок?* – *спросил Андерсен* [6, с. 192].

Nỗi buồn của Bim cũng có phần nào vội đi ít nhiều, tản mạn đi giữa đám người người [6, с. 94]. *Тоска Бима как-то немножко забылась, рассеялась среди людей* [6, с. 85].

- *Con biển đi đâu thế?* – *Ông bố hỏi* [6, с. 215]. - *Куда ты запропал?* – *спросил отец* [6, с. 202].

5.2. Обозначение снижения движений, состояний от многих до нескольких, от сильного до слабого.

Nhưng nếu như vậy Bim sẽ mai một đi về phương diện là một con chó săn [6, с. 65]. *Но тогда Бим загибнет как охотничья собака* [6, с. 57].

Quả thực vắng Ivan Ivanuts, Bim gầy đi khủng khiếp [6, с. 108]. *Бим и в самом деле страшно похудел без Ивана Ивановича* [6, с. 98].

5.3. Обозначение изменчивого состояния или отмены.

Và có cả những dòng điện thẩm kín nào đấy, khiến ông xúc động lặng người đi [8, с. 50]. *И еще какие-то незримые токи, от которых он замирал* [8, с. 10].

Và mùa thu tan ra, lảng địu đi [6, с. 223]. *И осень растает, разнежится* [6, с. 209].

5.4. Обозначение направления с субъекта или объекта.

Ông mút môi, ngoảnh mặt nhìn đi nơi khác... [8, с. 47]. *Он зажевал губами и посмотрел в сторону...* [8, с. 9].

Thế nhưng, Gavrilin đã gọi điện đi khắp mọi nơi thông báo về bài viết nọ [8, с. 69]. *Однако Гаврилин разрезвонил об этой статье по всему околотку* [8, с. 13].

6. Основные значения глаголов вьетнамского языка с постфиксами-LÊN в сопоставлении с соответствующими русскими глаголами с префиксами ЗА-, ПО-, РАЗ-

6.1. Обозначение акций с направлением от низа вверх.

Cậu bé Ravim, con ông Avigdor ngẩng đầu lên [8, с. 106]. *Маленький Рувим, сын Авигдора, запрокинул голову* [8, с. 21].

Họ bỏ tất cả các thứ đồ đạc đó lên một chiếc xe thùng không mui [8, с. 128]. *Все погрузили в крытый* [8, с. 26].

Những bức tranh đã được treo lên từ đêm hôm trước [8, с. 144]. *Накануне развешивали картины* [8, с. 29].

6.2. Обозначение выявления состояния.

Rõ ràng là, đến tận bây giờ họ vẫn chưa thông minh lên chút nào [8, с. 69]. *Видно, она не поумнела, - фыркнул он* [8, с. 13].

Ivan Ivanuts chỉ mới nói đến tiếng "mảnh đạn", bà ta đã cuống quýt lên [6, с. 81].
 Как только Иван Иванович сказал ей то же самое слово «осколок», она за-
 суетилась [6, с. 72].

7. Основные значения русских глаголов с префиксами: ЗА-, по-, РА3- в сопоставлении с соответствующими глаголами вьетнамского языка с постфиксами -РА.

7.1. Обозначение разделения объектов на меньшие части.

Xé nát tờ giấy ấy ra thật là lý thú vô cùng [6, с. 10].
 Очень забавно было **раздирать** на мелкие части тот листок [6, с. 6].

7.2. Обозначение движения, распространяющегося на свет, шире чем начинало движения или места нахождения субъекта.

Về sau, mái nhà bị sập xuống, và chẳng ai hiểu được, vì sao hồi trước người ta đã phải chuyển dân chúng ra khỏi ngôi nhà một cách vội vã như vậy [8, с. 150].
 Зачем с такой поспешностью **рас-сеяли** когда-то жильцов по безжизненным окраинам [8, с. 30].

Volka nói với mẹ rằng em đi ra bờ sông để học bài địa lý [7, с. 9].
 Волька сказал маме, что **пойдет** на берег готовить по географии [7, с. 14].

Lúc trời ấm áp, giun thường bò lên gần mặt đất hoặc thậm chí còn nằm phơi ra dưới lớp lá dày đặc [6, с. 227].
 С теплом червь подходит к поверхности или даже **залегает** прямо под плотной листвой [6, с. 214].

7.3. Обозначение некоторых телодвижений, болезней, особых психических состояний.

Tóc bà bắt đầu bạc và người dầy ra nhiều [8, с. 70].
 Она поседела и сильно **располнела** [8, с. 14].

7.4. Обозначение появления или расширения с абстрактным направлением.

Câu hỏi đó đã được tìm ra lời đáp một cách bất ngờ nhất [8, с. 127].
 Вопрос этот **разрешился** самым случайным образом [8, с. 26].

Nhưng Tolich quyết tìm cho được Lão Xám kia và nói toạc ra [6, с. 144].
 Но твёрдо решил Толик: найти того Серого дядьку и **поговорить** начистоту [6, с. 133].

Vào cái đêm tối như thế này ngôi trong xe, con chó khó lòng nhận ra được đường đi lối về [6, с. 236].
 В такую ночь невозможно собаке **следить** за дорогой из автомобиля и **заприметить** обратный путь [6, с. 222].

7.5. Обозначение реального направления.

Chẳng mầu mè gì, Aliosa lấy chiếc đàn ghi ta ra khỏi bao [8, с. 100].
 Алешика не чинясь **расчехлил** гитару [8, с. 20].

Chiếc áo dễ dàng tụt ra khỏi cổ nàng [8, с. 101].
 Она легко **поползла** вниз через горловину [8, с. 20].

Tolich vạch miệng nó ra [6, с. 109].
 Толик **завернул** у него мягкую губу [6, с. 100].

7.6. Обозначение развития с хорошим значением.

Những cuốn nhật ký càng phát triển ra [6, с. 67].
 Но они **разрастаются** всё большие [6, с. 60].

Заключение

За последние два десятилетия появилось так много разнообразных исследований по проблемам контрастивной лингвистики, что, по существу, возникла новая отрасль языкознания. Чаще всего контрастивные исследования связывают с задачами преподавания иностранных языков. При сравнении языков невозможно сопоставлять одновременно все языковые факты, ибо специфика каждой из сторон языка требует особого к ним подхода. Разными свойствами обладает звуковая сторона, сторона лексическая и грамматическая структура языка. Казалось бы, что наиболее благоприятные обстоятельства могли сложиться для исследований в области лексики, так как в известной мере все составители двуязычных словарей были вынуждены задумываться над сходными и различными оттенками в значениях регистрируемых слов. Для определения наличных универсалий чаще всего лингвисты берут какое-либо понятие, с необходимостью отражаемое в языке, и рассматривают те средства, которыми различные языки мира выражают его в своих грамматических или лексико-грамматических системах. Одной из центральных задач контрастивного анализа должно быть избрание исходной меры сопоставления, того, что могло бы быть названо точкой отсчёта различий между языками или базой их контрастивного сравнения.

Грамматический строй каждого языка характеризуется теми или иными специфическими языковыми явлениями, которые определяют его структурные особенности, отличающие его от других языков. В разных языках даже сходные грамматические категории реализуются по-разному, так как они занимают разное место в системах соответствующих языков. Нам представляется, что это общее понятие грамматической категории как единства грамматического значения и грамматического средства выражения применимо при определении грамматической категории любых языков. В нашей статье для сопоставления русских глаголов с префиксами ЗА-, ПО-, РАЗ- с соответствующими глаголами вьетнамского языка с постфиксами -ĐI, -LÊN, -RA как грамматической категории в целом необходимы сопоставления системы его грамматических форм и выраженных ими значений.

Литература

1. Fries C. C. Teaching and learning English as a foreign language. Ann Arbor, 1995. 153 p.
2. Lado R. Linguistics across cultures. Syntactic structures. Ann Arbor, 1997. 141 p.
3. Nickel G. Contrastive linguistics and foreign language teaching. Cambridge, 1991. 145 p.
4. Pietro R. J. Language structures in contrast ed.7. Mass, 1991. 193 p.
5. Куприн А. Гранатовый браслет // Куприн А.И. Собрание сочинений в 9 т. Том 5. М.: «Художественная литература», 1972 [A. Cuprin, Chiếc vòng thạch lựu, (Song ngữ Nga - Việt), Đoàn Tử Huyền dịch (2004), NXB Thế giới – Trung tâm văn hoá Đông Tây, Hà Nội].
6. Троепольский Г. Белый Бим черное ухо. М.: Издательство «Стрекоза», 2011 [G. Troieponxki, Con Bim trắng tai đen, Tuấn Nguyễn, Trần Thư dịch (2015), NXB Văn học, Hà Nội].
7. Лагин Л. Старик Хоттабыч. М.: Издательство «Малыш», 1984 [L. Laghin, Ông già Khottabych, Minh Đăng Khánh dịch (2013), NXB Hội Nhà văn, Hà Nội].
8. Улицкая Л. Сонечка. М.: Издательство «Редакция Елены Шубиной», 1992 [L.

Ulitskaya, Sonechka, Nguyễn Thị Kim Hiến dịch (2006), NXB Hội nhà văn, Nhà Nam].

9. Толстой Л. Анна Каренина. СПб.: «Русский Вестник», 1877 [Lev Toltoi, Anna Karenhina, Dương Tường, Nhị Ca dịch (1997), NXB Văn học, Hà Nội].

10. Лермонтов М. Герой нашего времени. М.: Издательство «Правда», 1969 [M. Lermontov, Một anh hùng thời đại, Anh Trúc dịch (2000), NXB Văn học, Hà Nội].

11. Шолохов М. Судьба человека. М.: Правда, 1957 [Mikhail Solokhov, Số phận con người (Song ngữ Nga - Việt), Nguyễn Duy Bình dịch (2004), NXB Thế giới, Trung tâm văn hoá Đông Tây].

12. Сергей Довлатов, Людмила Петрушевская, Людмила Улицкая, Вячеслав Алексеевич Пьецух, Валентин Распутин, Татьяна Толстая, Современные русские рассказы. М., 1986 [Nhiều tác giả (2004), Truyện ngắn Nga đương đại, Nguyễn Doãn Hùng, Bích Hồng, Nguyễn Thị Cơ, Phạm Hiến Hạnh, Đỗ Thái Hòa, Hoàng Thanh Hương, Tổng Việt Bắc, Trần Minh Tâm dịch, NXB Thế giới, Trung tâm văn hoá Đông Tây, Hà Nội].

13. Солнцев Н. В. Введение в теорию изолирующих языков. М.: Изд. фирма «Вост. лит.», 1995. 353 с.

14. Достоевский Ф. Белые ночи. 1959 [F. Doxtoevxki, Đêm trắng (Song ngữ Nga - Việt), Đoàn Tử Huyền dịch (2004), NXB Thế giới - Trung tâm văn hoá Đông Tây, Hà Nội].

15. Чингиз Айтматов, Юрий Нагабин,

Василий Шукшин, Юрий Бондарев, Валентин Распутин Первый учитель. 1973 [Tsingid Aitmatov, Người thầy đầu tiên, Nguyễn Ngọc Bằng, Cao Xuân Hạo, Phạm Mạnh Hùng, Nguyễn Hào, Huỳnh Văn Hoa, Bồ Xuân Tiến dịch (2001), NXB Đà Nẵng, Đà Nẵng].

16. Щерба Л. Б. Русско-французский словарь. М.: Русский язык, 1989. 848 с.

17. Ярцева В. Н. Контрастивная грамматика. М.: Наука, 1981. 112 с.

18. Đỗ Bích Thúy (2013), Mệ kể [До Бить Тхуи, Мачеха, Перевод с вьетнамского Кунь Хьонг. М.: Издательство «Локид Премиум», 2015].

19. Đỗ Bích Thúy (2013), Ngải đắng mọc trên núi [До Бить Тхуи, В горах растет полынь, Перевод с вьетнамского Кунь Хьонг. М.: Издательство «Локид Премиум», 2015].

20. Ma Văn Kháng (2016), Mùa lá rụng trong vườn, NXB Văn học [Ma Van Ханг, Когда в саду облетают листья, Перевод с вьетнамского И. Зимониной. М.: Издательство «Радуга», 1989].

21. Phan Thị Vàng Anh (1993), Khi người ta trẻ, NXB Hội nhà văn [Фан Тхи Ванг Ань, Когда были молодыми, Перевод с вьетнамского Кунь Хьонг. М.: Издательство «Локид Премиум», 2015].

22. Phan Thị Vàng Anh (2002), Đất đỏ, NXB Hội nhà văn [Фан Тхи Ванг Ань, Базальт, Перевод с вьетнамского Кунь Хьонг. М.: Издательство «Локид Премиум», 2015].

Thi Tam NGUYEN,

M.A., Assistant of Postgraduate Faculty, Military Sciences Academy (Hanoi, Vietnam).

E-mail: doanmaichi2007@gmail.com

Basic Meanings of Russian Verbs with Prefixes ЗА-, ПО-, РА3- in Comparison with Corresponding Vietnamese Verbs with Postfixes -ĐI, -LÊN, -RA

UDC 1751.8.3.1805

DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-2/34-44>

Over the past two to three decades, so many diverse studies on the problems of contrastive linguistics have appeared that in fact a new branch of linguistics has emerged. Most often, contrastive studies are associated with the tasks of teaching foreign languages. A contrasting study should contain a systematic comparison of the forms and meanings of structural units of the compared languages, based on the assumption of the existence of some basic similarity between languages in the presence of differences differentiating these languages. When comparing languages, it is impossible to compare all linguistic facts at the same time, because the specificity of each aspect of the language requires a special approach to them. The sound side, the lexical and grammatical structure of the language have different properties. The results of the study can serve as a basis for the development of a methodology for teaching Russian to Vietnamese students and Russian students of the Vietnamese language; they can be used in compiling textbooks and teaching aids on the Russian language for Vietnamese and Russians, in bilingual lexicography, and are also a reliable support in pedagogical and translation practice.

*contrastive linguistics,
prefix,
verb,
postfix,
corresponding*

For citation: Thi Tam Nguyen. Basic Meanings of Russian Verbs with Prefixes ЗА-, ПО-, РА3- in Comparison with Corresponding Vietnamese Verbs with Postfixes -ĐI, -LÊN, -RA // Oriental Institute Journal. 2021. № 2. P. 34–44. DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-2/34-44>

References

1. Fries C. C. Teaching and learning English as a foreign language. Ann Arbor, 1995. 153 p.
2. Lado R. Linguistics across cultures. Syntactic structures. Ann Arbor, 1997. 141 p.
3. Nickel G. Contrastive linguistics and foreign language teaching. Cambridge, 1991. 145 p.
4. Pietro R. J. Language structures in contrast ed.7. Mass, 1991. 193 p.
5. Kuprin A. Granatovyy braslet // Kuprin A.I. Sobranie sochinenij v 9 t. Tom 5. M.: «KHudozhestvennaya literatura», 1972 [A. Cuprin, Chiếc vòng thạch lưu, (Song ngữ Nga - Việt), Đoàn Tử Huyền dịch (2004), NXBThế
6. Troepol'skij G. Belyj Bim chernoe ukho. M.: Izdatel'stvo «Strekoza», 2011 [G. Troieponxki, Con Bim trắng tai đen, Tuấn Nguyễn, Trần Thư dịch (2015), NXB Văn học, Hà Nội].
7. Lagin L. Starik KHottabych. M.: Izdatel'stvo «Malysh», 1984 [L. Laghin, Ông già Khottabych, Minh Đăng Khánh dịch (2013), NXB Hội Nhà văn, Hà Nội].
8. Ulitskaya L. Sonechka. M.: Izdatel'stvo «Redaktsiya Eleny SHubinoj», 1992 [L. Ulitskaya, Sonechka, Nguyễn Thị Kim Hiền dịch (2006), NXB Hội nhà văn, Nhà Nam].
9. Tolstoj L. Anna Karenina. SPb.: giới – Trung tâm văn hoá Đông Tây, Hà Nội].

- «Russkij Vestnik», 1877 [Lev Tolstoi, Anna Karenhina, Dương Tường, Nhị Ca dịch (1997), NXB Văn học, Hà Nội].
10. Lermontov M. Geroj nashego vremeni. M.: Izdatel'stvo «Pravda», 1969 [M. Lermontov, Một anh hùng thời đại, Anh Trúc dịch (2000), NXB Văn học, Hà Nội].
11. SHolokhov M. Sud'ba cheloveka. M.: Pravda, 1957 [Mikhail Solokhov, Số phận con người (Song ngữ Nga - Việt), Nguyễn Duy Bình dịch (2004), NXB Thế giới, Trung tâm văn hoá Đông Tây].
12. Sergej Dovatov, Lyudmila Petrushevskaya, Lyudmila Ulitskaya, Vyacheslav Alekseevich P'etsukh, Valentin Rasputin, Tat'yana Tolstaya, Sovremennye russkie rasskazy. M., 1986 [Nhiều tác giả (2004), Truyện ngắn Nga đương đại, Nguyễn Doãn Hùng, Bích Hồng, Nguyễn Thị Cơ, Phạm Hiền Hạnh, Đỗ Thái Hòa, Hoàng Thanh Hương, Tổng Việt Bắc, Trần Minh Tâm dịch, NXB Thế giới, Trung tâm văn hoá Đông Tây, Hà Nội].
13. Solntsev N. V. Vvedenie v teoriyu izoliruyushhikh yazykov. M.: Izd. firma «Vost. lit.», 1995. 353 s.
14. Dostoevskij F. Belye nochi. 1959 [F. Doxtoevxki, Đêm trắng (Song ngữ Nga - Việt), Đoàn Tử Huyền dịch (2004), NXB Thế giới - Trung tâm văn hoá Đông Tây, Hà Nội].
15. CHingiz Ajtmatov, YUrij Nagabin, Vasilij SHukshhin, YUrij Bondarev, Valentin Rasputin Pervyj uchitel'. 1973 [Tsingid Aitmatov, Người thầy đầu tiên, Nguyễn Ngọc Bằng, Cao Xuân Hạo, Phạm Mạnh Hùng, Nguyễn Hào, Huỳnh Văn Hoa, Bồ Xuân Tiến dịch (2001), NXB Đà Nẵng, Đà Nẵng].
16. SHHerba L. B. Russko-frantsuzskij slovar'. M.: Russkij yazyk, 1989. 848 s.
17. YArtseva V. N. Kontrastivnaya grammatika. M.: Nauka, 1981. 112 s.
18. Đỗ Bích Thúy (2013), Mẹ kế [Do Bit' Tkhui, Machekha, Perevod s v'etnamskogo Kun' KHYong. M.: Izdatel'stvo «Lokid Premium», 2015].
19. Đỗ Bích Thúy (2013), Ngải đắng mọc trên núi [Do Bit' Tkhui, V gorakh rastet polyn', Perevod s v'etnamskogo Kun' KHYong. M.: Izdatel'stvo «Lokid Premium», 2015].
20. Ma Văn Kháng (2016), Mùa lá rụng trong vườn, NXB Văn học [Ma Van KHang, Kogda v sadu obletayut list'ya, Perevod s v'etnamskogo I. Zimoninoy. M.: Izdatel'stvo «Raduga», 1989].
21. Phan Thị Vàng Anh (1993), Khi người ta trẻ, NXB Hội nhà văn [Fan Tkhi Vang An', Kogda byli molodymi, Perevod s v'etnamskogo Kun' KHYong. M.: Izdatel'stvo «Lokid Premium», 2015].
22. Phan Thị Vàng Anh (2002), Đất đỏ, NXB Hội nhà văn [Fan Tkhi Vang An', Bazal't, Perevod s v'etnamskogo Kun' KHYong. M.: Izdatel'stvo «Lokid Premium», 2015].

ДМИТРИЕВА Марина Олеговна,

канд. полит. наук, старший преподаватель кафедры международных отношений Восточного института – Школы региональных и международных исследований ДВФУ (г. Владивосток).
Электронная почта: dmitrieva.mo@dvfu.ru

ТРОЯКОВА Тамара Гавриловна,

канд. ист. наук, независимый исследователь.
Электронная почта: tamaratroyakova@gmail.com

Корейцы Узбекистана в поисках новой идентичности в Республике Корея

УДК 327

DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-2/45-63>

Активизация процессов миграции этнических корейцев из Республики Узбекистан в Республику Корея оказывает влияние на формирование их новой идентичности. Её конструирование происходит на разных уровнях, что отражается в различных этнонимах от корё сарам до корёинов. Примечательно, что согласно законодательству РК с августа 2019 г. всех этнических корейцев решено считать корейцами – тонпхо (동포). В данной статье утверждается, что консолидация по признаку гражданства и принадлежности к одной этнической группе – выходцев из Узбекистана – находится в стадии развития.

*Республика Узбекистан,
Республика Корея,
идентичность,
корё сарам,
корёин*

Миграция русскоязычных корейцев из Узбекистана в Республику Корея на протяжении двух последних десятилетий является предметом дискуссий о характере идентичности корейской диаспоры [5; 9; 17; 19; 20; 21]. В данной статье описываются особенности формирования новой идентичности этнических корейцев из Узбекистана, которые переехали в Южную Корею. Авторы рассматривают этническое сообщество как социально-историческую и социокультурную реальность с подвижной структурой идентичностей.

На уровне этнонимов эта группа называется корё сарам, а в какой степени они могут называться корёинами, ведется дискуссия [40; 12]. По мнению Германа Кима, «начавшаяся субституция самого частотного названия и самоназвания корё сарам новым этнонимом корёин не стала ещё предметом научного исследования» [14, 90]. В данной статье предлагается применить этноним корёин в отношении русскоговорящих корейцев, постоянно проживающих в Республике Корея (далее РК).

В условиях роста транснациональной миграции в современном мире граждане получили возможность сохранять принадлежность к стране исхода и стране пребывания или формированию новой идентичности при получении нового гражданства. Сложность процессов, происходящих в современном обществе, предопределила многообразие его интерпретаций, вызвав появление множества теорий, сформулированных социологами, философами и культурологами. Идентичность подразумевает многомерность, которая возрас-

Для цитирования:
Дмитриева М. О., Троякова Т. Г. Корейцы Узбекистана в поисках новой идентичности // Известия Восточного института. 2021. № 2. С. 45–63. DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-2/45-63>

тает по мере увеличения количества альтернатив выбора, предлагаемых современным обществом его членам через разнообразные источники информации. Некоторые исследователи относят происходящие изменения к вступлению человечества на новый этап развития, а другие пишут о закономерном переходе общества в состояние активной информатизации, называя современный социум постиндустриальным, постмодернистским или постсовременным.

В данной статье понимание идентичности как особого социально-культурного феномена связано с идеями Мануэля Кастельса. Он выделяет три типа конструирования идентичности: легитимизирующий, который осуществляется институтами власти для контроля и обеспечивает стабильность в обществе; резистивный тип проводится теми, кто находится в позиции угнетения и ведет к образованию «коммун», проектный тип осуществляется государственными институтами и мигрантскими группами для трансформации социальной позиции [46; 10]. Иными словами, идентичности организуют индивидуальное значение, в то время как роли организуют социальные функции индивида. По мнению авторов статьи, в Южной Корее осуществляется проектный тип формирования идентичности, который характеризует становление диаспоральной идентичности.

Конструирование идентичности этнических корейцев за пределами Южной Кореи происходит на разных уровнях от корё сарам – русскоязычных корейцев с разным гражданством до корёинов – русскоязычных корейцев, постоянно проживающих в Республике Корея.

Общими признаками для прибывших из Узбекистана в Южную Корею групп является неудовлетворительное знание корейского языка, отсутствие конкурентного образования и профессиональной квалификации для получения работы с высокой зарплатой и т. д. При этом часть русскоязычных корейцев остаётся в Южной Корее и прилагает усилия для получения гражданства, а другие предпочитают зарабатывать деньги и возвращаться в Узбекистан или перебираться в другие страны. Достоверных данных по численности этих групп в настоящее время авторам не удалось обнаружить. По состоянию на сентябрь 2018 г., корейцы из Узбекистана численностью более 30 000 человек составляли половину всех русскоязычных корейцев в стране и около 20% от всей корейской общины Узбекистана [12].

Формированию новой идентичности у мигрантов из Узбекистана способствовала активизация политических и экономических отношений между Республикой Узбекистан (далее РУ) и Республикой Корея особенно в последние десять лет. Важным показателем этого процесса является появление новых институций в виде корейских культурных центров, курсов по обучению корейскому языку, изданию газет для корейцев в Узбекистане, создание общественных организаций и землячеств корё сарам в Республике Корея, активное общение в социальных сетях и т. д.

По теме исследования имеется разнообразная литература. Многочисленную группу работ составляют публикации этнических корейцев, которые изданы на русском языке в Узбекистане, Казахстане и России. Одной из первых работ по этой теме является монография Петра Кима, в которой описан процесс развития межнациональных отношений узбеков и корейцев, в том числе история создания Ассоциации корейских культурных центров Узбекистана

[13]. Пётр Ким был председателем Ассоциации корейских культурных центров Узбекистана с момента создания в 1991 г. по 2000-е годы.

Публикации Валерия Хана [38; 39; 40; 41; 42; 43; 44; 47], Германа Кима [11; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 18] и Михаила Тена [33; 34] составляют основу различных интерпретаций о положении корё сарам в Узбекистане, Казахстане и Южной Корее. По мнению Валерия Хана, корё сарам должны выбрать такой путь осознания своей идентичности, «который позволит разговаривать со всеми корейцами на равных: с северянами, что с южанами, с американскими, китайскими корейцами. Мы можем называть себя евразийскими корейцами, корё сарам или как-то ещё, но главное – не быть чьим-то придатком или имитатором ...» [39]. Герман Ким полагает, что определение «корё сарам» начинает размываться, поскольку этнические корейцы на постсоветском пространстве всё чаще называют друг друга «казахами» и «узбеками» [17].

В статьях других исследователей обсуждаются возможности построения транснационального сообщества, которое бы связывало диаспоры с их исторической родиной на примере региона Северо-Восточной Азии [54]. При поддержке Фонда развития корееведения при Министерстве образования и Академии корееведения Республики Корея в 2019 г. было опубликовано пять томов по истории русскоязычных корейцев с участием широкого круга авторов из разных стран [42].

В Исследовательском центре «Корё сарам» при Государственном Университете Чонбук под руководством профессора Юн Санвона ведутся исследования с участием учёных из России, Узбекистана, Казахстана. В Университете Тонгук директор Центра международных исследований профессор Хон Ун Хо, который является одним из руководителей проекта по истории русскоязычных корейцев, занимается изучением корё сарам. В Университете Конгук профессор Института Азиатских исследований Казахстанского Национального Университета им. аль-Фараби Герман Ким занимает пост директора Центра сотрудничества и исследования Центральной Азии.

Большое количество материалов доступно в электронном виде. Интернет-сайт «Корё сарам. Записки о корейцах» является одним из самых больших по количеству и разнообразию материалов [22]. Сайты «Российские корейцы» [32], «Ассоциация Корейских Культурных Центров Республики Узбекистан» предоставляют материалы по указанной тематике [2]. На сайте Валерии Ким много внимания уделяется публикациям материалов о судьбе корейских эмигрантов, в том числе на английском языке [49; 50; 51].

Из газет следует выделить «Корейцы Узбекистана», которая выходит с 2019 г. при Ассоциации Корейских Культурных Центров Узбекистана (Корейцы Узбекистана 2020), «Коре синмун», издающаяся в Ташкенте с 1997 г. [23] на русском языке. В обеих есть страницы на корейском языке. Газета «Российские корейцы», которая представляет медиа-группу во главе с Валентином Ченом, является одной из авторитетных не только в России, но и за её пределами [32].

Особенности отношений Республики Узбекистан и Республики Корея

С момента провозглашения Узбекистаном независимости и установления дипломатических отношений с Республикой Корея в январе 1992 г. связи между странами постоянно укреплялись. В 2016 г. была подписана совместная декларация о стратегическом партнерстве стран. Сеул всегда входил в число приоритетных партнёров Ташкента, что выражалось как на декларативном уровне, так и в реальности. Первый президент РУ Ислам Каримов утверждал, что «у нас в Узбекистане вместе с представителями других национальностей проживает 200 000 корейцев. И мы постоянно стремимся к тому, чтобы они себя чувствовали, как на родине» [13].

По материалам переписи населения 1989 г., в Узбекистане проживало 183 140 этнических корейцев, а выбор корейского языка в качестве родного в Узбекистане был относительно других республик довольно высоким – 55,8% [18, с. 83]. Преподавание корейского языка велось в средних школах, расположенных в районах концентрации корейцев. Однако Пётр Ким приводил данные, что «в республике тогда насчитывалось 3517 чел., умеющих читать и писать на корейском языке, что составляло около 2% к общему числу корейского населения» [13]. Как отмечают Герман Ким и Ильгиза Ким, «...обратная зависимость признания русского языка родным среди более молодых поколений корейцев подтверждает устойчивость процессов русификации» [18].

Корейская диаспора в Узбекистане является крупнейшей в странах Центральной Азии. В ходе визитов президентов РК в Узбекистан неоднократно говорилось об исторических корнях взаимодействия между странами и важности роли корё сарам для развития отношений с Узбекистаном. В июне 2014 г. президент РК Пак Кынхе специально встречалась с представителями корейцев Узбекистана и южнокорейскими гражданами, работающими в Узбекистане. А президент РУ Ислам Каримов предложил правительству РК финансировать строительство в Ташкенте Дома культуры, который стал бы символом дружбы двух стран. Церемония открытия Дома корейской культуры и искусства состоялась в апреле 2019 г. во время визита президента РК Мун Чжэина в Узбекистан. Символичны слова из его речи: «Народ Узбекистана тепло принял граждан корейского происхождения, которые более 80 лет назад лишились своего дома. Когда мы вспоминаем о том, что в то время Узбекистан и его население переживали сложные времена, связанные с началом Второй мировой войны, то наша благодарность становится ещё больше. Республика Корея испытывает глубокое чувство уважения и дружбы к узбекскому народу, который оказал бескорыстную помощь в трудное время» [28].

Курс на тесное сотрудничество продолжается при президенте РУ Шавкате Мерзиёеве. В ноябре 2017 г. во время его визита в РК было заключено более шестидесяти контрактов и соглашений на сумму около десяти миллиардов долларов [30]. По информации Агентства по привлечению иностранных инвестиций при Министерстве инвестиций и внешней торговли Республики Узбекистан, Республика Корея является одним из самых крупных зарубежных инвесторов Узбекистана [31]. В 2018 г. в городе Инчхон открылся Узбекско-корейский торговый

дом, который играет важную роль в поставке продукции Узбекистана на рынки Южной Кореи. Республика Корея является не только одним из главных зарубежных инвесторов в Узбекистане, но и ключевым партнёром в модернизации и цифровизации национальной экономики и системы государственного управления. В Узбекистане южнокорейские бизнесмены видят не только возможности для продвижения своих продуктов в регионе и за его пределами, но и источники для получения сырьевых и трудовых ресурсов.

Многочисленная корейская диаспора играет важную роль в развитии отношений Узбекистана и Республики Корея. Корейцы в Узбекистане появились после принудительного переселения в 1937 г. из южных районов советского Дальнего Востока. Около 75 000 корейцев было размещено в статусе административных переселенцев на целинных землях Ташкентской области, Голодной степи, в низовьях Амударьи и на берегах Аральского моря [24].

Численность этнических корейцев, проживающих в настоящее время в Узбекистане, официально не определена. По данным Госкомстата РУ 2002 г., их было 176 000 человек. Имеется информация, что «Корейцев в Узбекистане сейчас 0,6% от общей численности населения» [35]. Валерий Хан отмечает, что «по данным на 1 января 2017 г. доля узбеков составила 83,8%, таджиков – 4,8%, казахов – 2,5%, русских – 2,3%, каракалпаков 2,2%, кыргызов – 0,9%, татар, туркмен и корейцев – по 0,6%, украинцев – 0,2%, на все остальные этнические группы (487 000 человек приходится 1,5%)» [9]. Однако исследователь не указывает конкретных источников этих данных. Перепись населения РУ запланирована на 2022 г. и уже подготовлена нормативно-правовая база этого мероприятия [6].

Корейскую диаспору на постсоветском пространстве, согласно исследователю Юн Инчжину из Университета Корё, отличает высокая степень интеграции в принимающее общество по сравнению с корейскими диаспорами в США, Канаде, Китае и Японии. Вместе с тем в этой группе фиксируется наименьшее знание корейского языка, сохранение культурных традиций и меньшее число внутриамериканских браков [53]. Процессы адаптации, по мнению южнокорейского исследователя Ким Хечжина, сложные, и это «может способствовать укреплению этнического самосознания или же вызывать смещение идентичности вплоть до антипатии к Родине» [21].

В Узбекистане созданы благоприятные условия для расширения трудовой миграции в Южную Корею. Фонд Зарубежных Корейцев с 2015 г. осуществляет программу по приглашению на профессиональное обучение соотечественников, проживающих в СНГ. Цель программы заключается в воспитании будущих мировых лидеров среди молодых соотечественников посредством изучения передовой технологии и социальной интеграции в РК.

О высоких конкурентных качествах корейцев в Узбекистане пишет Валерий Хан: «Ни одна из корейских диаспор в мире (Японии, Китая, США, Канады и других стран), не смогла достичь такого высокого статуса в социальной иерархии своих стран, как это сделали корё сарам в Центральной Азии» [43]. В 2017 г. на торжествах, посвященных восьмидесятилетию проживания корейцев в Узбекистане, президент РУ заявил, что «доблестный и самоотверженный труд наших соотечественников-корейцев, их созидательная деятельность, направленная

на всесторонний прогресс и процветание Узбекистана, вписали яркую страницу в историю достижений нашей страны» [27]. Например, этнический кореец Виталий Фен возглавлял дипломатическую миссию Республики Узбекистан в Республике Корея с 1995 по 2014 годы. В 2017 г. президент Ш. Мирзиёев назначил В. Фена чрезвычайным и полномочным послом в РК. В сентябре 2020 г. В. Фен получил премию «Посол дружбы-2020» в знак признания постоянных усилий и выдающейся деятельности по дальнейшему укреплению дружественных отношений между Республикой Корея и Республикой Узбекистан.

В 2019 г. была принята Концепция государственной политики Республики Узбекистан в сфере межнациональных отношений. При Кабинете Министров Республики Узбекистан действует Комитет по межнациональным отношениям и дружественным связям с зарубежными странами. В тексте Конституции страны, говорится: «...народ Узбекистана составляют граждане Республики Узбекистан, независимо от их национальности, а также Республика Узбекистан обеспечивает уважительное отношение к языкам, обычаям и традициям наций и народностей, проживающих на её территории, создание условий для их развития» [29].

С 1991 г. в Узбекистане действует Ассоциация корейских культурных центров, которая имеет подразделения по всей стране. В рамках Ассоциации проводится работа по сохранению и развитию в стране корейского языка и культуры. С 1999 г. работает Общество дружбы «Узбекистан – Республика Корея». На муниципальном уровне установлены побратимские отношения между Ташкентом и Сеулом, Ферганой и Йонином, Наманганом и Соннамом, Самаркандом и Кёнджу, Ташкентской областью и провинцией Кёнсан-Пукто.

Для сохранения и развития духовно-культурного наследия корейского народа правительством Республики Корея в Ташкенте поддерживается деятельность Дома корейской культуры и искусства. Ассоциация корейских культурных центров Узбекистана при содействии Посольства Республики Корея в Узбекистане проводит ежегодно конкурс «Наши таланты» для поддержки и развития творческого потенциала одаренной корейской молодежи и выявления кадров для профессиональных коллективов Корейского театра Узбекистана.

Узбекистан и Южная Корея развивают сотрудничество в сферах образования и культуры. С 1992 г. в Ташкенте действует Корейский центр образования. Корейский язык изучается в некоторых институтах, школах и лицеях Узбекистана. В ряде высших учебных заведений функционируют центры корейского языка и культуры. Вузы страны поддерживают сотрудничество с десятками научно-исследовательских заведений Республики Кореи. В Ташкенте действуют филиалы Университета Пучхон, Университета Инха, Университета Аджу, Университета Седжон. В Фергане в Узбекско-Корейском международном университете, созданном в 2019 г., работают специалисты из Южной Кореи. Предполагается, что выпускники этого университета могут устроиться на работу в корейские компании в Узбекистане и в Республике Корея, а также в научно-исследовательские учреждения и государственные органы [37]. В июне 2020 г. президент Ш. Мерзиёев поручил пересмотреть систему высшего образования Узбекистана на основе учебных программ ведущих южнокорейских университетов. В

университетах иностранных языков в Тэгу и Пусане созданы отделения, где изучаются узбекский язык и литература.

В 2007 г. был подписан Меморандум о сотрудничестве между Министерством занятости и трудовых отношений Узбекистана и Министерством управления человеческими ресурсами Республики Корея. Ежегодная квота для узбекистанцев составляла три тысячи рабочих мест. В марте 2016 г. стороны подписали обновленный меморандум, по условиям которого на работу по контрактам в Южную Корею отправилось около двадцати трёх тысяч человек из Узбекистана [36]. В ноябре 2017 г. в ходе визита Ш. Мирзиёева в РК был подписан Меморандум о сотрудничестве между Министерством занятости и трудовых отношений Узбекистана и Министерством управления человеческими ресурсами Республики Корея. В результате выполнения этого документа в 2018 г. в городе Кванджу открылось представительство Агентства по вопросам внешней трудовой миграции Республики Узбекистан.

Для получения права на работу в Южной Корее кандидатам необходимо подтвердить знание корейского языка, уровень которого оценивается по результатам экзамена, проводимого в Центре по комплексному тестированию в Ташкенте. В 2019 г. Министерство занятости и трудовых отношений РУ ввело новую систему отборочного тестирования на знание корейского языка для граждан, желающих получить работу в Республике Корея. Для трудоустройства граждане Узбекистана должны пройти два этапа тестирования на знание корейского языка – предварительный и основной тест EPS-ТОPIK, который проводится Службой по развитию людских ресурсов Республики Кореи.

Хорошее знание языка является одним из важных факторов для работы корё сарам в Южной Корее. Язык, с одной стороны, может быть формой национальных, этнических и других социальных отношений, а с другой – он описывает и объясняет их. Таким образом, знание корейского языка способствует формированию новой идентичности у приезжих в Южную Корею представителей корё сарам. А чувство принадлежности к единому культурному пространству, понимание единства прошлого, настоящего и будущего, видение единой цели развития может быть использовано для гармонизации отношений в южнокорейском обществе.

Миграция корё сарам в Республику Корея

Политика правительства Республики Корея по отношению к своей диаспоре претерпела значительные изменения за последние десятилетия. Система правового обеспечения репатриантов, приравненных в правах к гражданам, относится к юрисдикции разных министерств и государственных органов и была различной в отношении стран пребывания этнических корейцев. Иммиграционная ситуация в Южной Корее может рассматриваться как развивающийся феномен с ярко выраженными национальными особенностями на основании Закона об иммиграции и правовом статусе зарубежных корейцев. В 2002 г. была введена в действие Система управления для зарубежных корейцев (Employment Management System), позволяющая трудоустройство в восьми профессиональных категориях в сфере услуг. Важной особенностью визовой системы является наличие ряда преференций для

этнических корейцев, проживающих за рубежом. Примечательно, что пока основной прирост происходит за счёт привлечения этнических корейцев на малоквалифицированные позиции в Южной Корее.

В январе 2020 г. правительство РК упростило получение виз гражданам Узбекистана, обладающим высокой квалификацией. Однако эта категория визы не пользуется большим спросом, поскольку она не позволяет обладателю такой визы заниматься низкоквалифицированным трудом, а также отражает невысокий уровень квалификации подавляющей части мигрантов из Узбекистана.

Центральные и местные органы власти Республики Корея оказывают поддержку русскоязычным корейцам в рамках объединенного Центра поддержки общин корейцев. Обустройством приезжих занимаются различные религиозные и общественные организации, которые оказывают услуги по регистрации в иммиграционной службе РК, оформлению документов, поиску жилья, трудоустройству, изучению корейского языка, учебным центром для детей и прочего.

Показательным примером является функционирование специальных институтов – центров поддержки иностранных рабочих в Южной Корее в городе Ансане. В этом городе работает Консультационный центр мигрантов, который предлагает консультационные услуги на одиннадцати различных языках под управлением Фонда социального обеспечения Ансан Чеиль. С 2008 г. действует «Малая многокультурная библиотека Ансана», где приехавшие в Южную Корею люди не только могут читать книги, но и общаться друг с другом на родном языке. Программы обучения корейскому языку и образовательные курсы призваны помочь мигрантам изучать корейский язык, корейскую культуру и понимание корейского общества, которые необходимы для адаптации к обществу в качестве независимых и активных членов.

Можно говорить о существовании двух групп «узбекских корейцев» в Южной Корее. Участники первой группы из-за недостаточного уровня знания корейского языка и отсутствия необходимой квалификации ограничиваются временной работой и готовы к возвращению в Узбекистан. Среди этой группы встречается много людей, которые не имеют соответствующих разрешений на работу. Они проживают в таких городах, где сформировалась сфера услуг с общением на русском языке, возможности трудоустройства, довольно низкая стоимость аренды жилья. Большинство приезжих работает в сфере обслуживания, на фабриках и заводах, на строительных площадках за небольшую зарплату. Причинами приезда этой категории людей являются планы заработать деньги, приобрести различные товары и вернуться домой. Эта категория трудовых мигрантов не готова интегрироваться в южнокорейское общество.

Члены второй группы, как правило, планируют пребывание в Южной Корее с последующей натурализацией. Они стремятся повысить уровень владения языком, являются членами религиозных общин и готовы обрести гражданство за счёт оформления брака с гражданами РК.

Хван Енсам считает, что «корё сарам, должны понимать, что они являются иностранными гражданами и, несмотря на то, что являются этническими корейцами, не могут обладать теми же правами и обязанностями, что и граждане Республики Корея» [45]. По мнению

Германа Кима, несмотря на компактное проживание этнических русскоговорящих корейцев, они не образуют отдельной диаспоры в РК «так как следующее поколение корёинов либо растворится в мейн-стриме южнокорейского общества, либо вновь покинет свою этническую родину» [15].

Правительство Республики Корея делегировало часть полномочий по сотрудничеству с этническими корейцами различным организациям, которые помогают приезжим в поиске работы, разрешении конфликтов с работодателем, визовых вопросах. К числу таких организаций относится мэрия Сеула, центральное полицейское управление, «Сеул глобал центр», оказывающий помощь иностранцам, центры помощи иностранным рабочим в городах их концентрации, Институт изучения проблем миграции, Совет представителей иностранных граждан при Мэрии Сеула. В мае 2021 г. Центр помощи русскоязычным корейцам НОМО был удостоен Президентской грамоты в честь Дня народов, проводимого Министерством юстиции Республики Корея с 2007 г.

Росту количества иностранцев в Ансане способствовала сложившаяся промышленная структура города. С 2005 г. в городе работает Центр помощи иностранным рабочим из КНР, Вьетнама, Монголии, Филиппин и других стран.

В немалой степени концентрация в Ансане приезжих корейцев связана с тем, что в 2000-х гг. в результате репатриации первого поколения корейцев с острова Сахалин в этом городе поселилось около тысячи человек [8]. Между городами Южно-Сахалинск и Ансан в августе 2003 г. было подписано соглашение о дружбе и сотрудничестве. Однако со временем численность приехавших из Сахалинской области корейцев сократилась, и контакты между городами формализовались.

В 2011 г. по инициативе мигрантов, проживающих в стране, была создана Ассоциация Русскоязычных в Корее для сплочения, обеспечения возможности общения на русском языке, поддержки и адаптации русскоязычных к жизни в Южной Корее. Коллективно и на добровольных началах действует Координационный совет организаций российских соотечественников (КСОРС). В состав этой организации входит Ассоциация Русскоязычных в Корее и ряд организаций из Ансана, в том числе Русская Академия Ансан (лицей иностранных языков), «НОАНЭ» и ряд детских организаций.

В Ансане с 2016 г. функционирует «Культурный Центр корёинов» и «Объединенный Центр поддержки общин корёинов». Группа корейцев-мигрантов из стран СНГ, проживающих в Ансане, при поддержке организации по работе с корё сарам «Номо», учредила в 2018 г. Ассоциацию корё сарам в Республике Корея. История общественного движения началась с создания в апреле 2017 г. гражданского комитета по подготовке к фестивалю «Споёмте вместе Корё-Ариран!», посвящённого восьмидесятилетию насильственного переселения корейцев в 1937 г. из Приморского края в Среднюю Азию и Казахстан. В декабре 2018 г. в Парламенте Республики Корея состоялась официальная церемония учреждения Ассоциации корё сарам в Республике Корея (АКРК) [19]. На мероприятии была подписана петиция об утверждении закона «Об особом статусе корё сарам в Корее», которая стала ещё одним примером на пути создания сплочённого сообщества.

Ассоциация сформулировала основные цели: 1) диалог с правительствами и общественными организациями Республики Корея и стран бывшего СССР по вопросам адаптации этнических корейцев на исторической родине, продвижение закона об особом статусе корё сарам в РК, представление интересов корё сарам и сотрудничество в экономической, культурной, образовательной и других сферах; 2) создание административного ресурса для оказания системной помощи в насущных проблемах (поиск работы, жилья и др.); 3) создание административного ресурса для оказания системной помощи в культурно-образовательной сфере для школьников и студентов [3]. В 2020 г. около трехсот человек были членами Ассоциации с представительствами в Ансане, Инчхоне, Чонане, Чонджу, Кенджу, Асане, Пхёнхэку, Хвасоне, Кванджу (провинция Чолла-Намдо), Пусане и Кимхэ.

Президентом Ассоциации является Александр Ногай (Но). Его биография наглядно отражает процесс поисков новой идентичности. Александр Но родился в 1973 г. в Узбекистане, учился в Ташкентском государственном университете и Приморском политехническом техникуме. Выучил корейский язык в Центре образования Республики Корея в Ташкенте. В 1999 г. поехал в Россию, где получил строительную специальность, а затем работал в ряде южнокорейских организаций в Узбекистане. С 2001 г. стал работать в Республике Корея в строительстве и в 2011 г. стал учредителем фирмы по внешнему ремонту высотных зданий [1]. С 2004 г. имеет гражданство РФ. В общественном движении корё сарам принимает участие с 2017 г.

В сентябре 2020 г. между ЧОУ «Русская Академия Ансан – лицей иностранных языков» и центром «Номо» было заключено соглашение о сотрудничестве в сфере оказания помощи этническим корейцам корёинам, проживающим в районе Саннок города Ансана. Жители района могут обращаться в Академию для получения консультаций по трудовым и юридическим вопросам. Организации в Ансане оказывают помощь желающим учить корейский язык на базе культурных центров в Ансане, Инчхоне, Кенджу.

Таким образом, общественные организации участвуют в формировании новой идентичности и в дальнейшем ассимиляции последующих поколений приезжих в РК.

Герман Ким отмечает, что «их задача существенным образом отличается от корейских диаспорных организаций в странах СНГ, основная цель которых заключается во внутри этнической консолидации для сохранения своей идентичности, этно-культурного своеобразия, традиций и обрядов» [15]. По приблизительным оценкам корейцы из Узбекистана составляют половину всех русскоязычных корейцев в Южной Корее, и это около 20% корейского населения в Узбекистане. Очевидно, что национальная перепись Республики Узбекистан, которая запланирована на 2022 г., позволит определить численность корейцев в общем населении страны. Тенденция роста числа корейцев-мигрантов из Узбекистана сохранится в силу целого ряда причин экономического характера.

Наиболее успешные трудовые мигранты из числа этнических корейцев, обеспечив себе первоначальный капитал, открывают рестораны и кафе в местах скопления русскоязычных мигрантов и даже школы. Например, Юна Ким окончила университет в Сеуле, вышла

замуж и родила дочь и в 2014 г. открыла «Русскую Академию». ОУ «Русская Академия» зарегистрирована в Министерстве образования Южной Кореи как школа иностранного языка. В 2019 г. действовало шесть филиалов в Сеуле, Инчхоне, Пусане, Кванджу, Пхёнхэке, Чонане [4].

Другие узбекские мигранты начинают своё дело, вернувшись на родину и используя свои связи в Корее. Обычно это касается торговли ширпотребом или иными южнокорейскими товарами [11]. Цели приезда обычно сводятся к тому, чтобы заработать достаточно для покупки квартиры и автомобиля и, если возможно, открыть бизнес в Узбекистане. Взаимодействие этнических корейцев с Республикой Корея в сфере бизнеса и предпринимательства не получило должного развития. Сторонам предстоит прилагать больше усилий по налаживанию связей для осуществления крупных проектов.

Михаил Тен, который проводил исследование о положении этнических корейцев из Узбекистана в Корее, утверждает, что существует дискриминация в оплате труда: южнокорейцы получают в разы больше иностранных рабочих той же категории. А главное, «для южнокорейского работодателя не имеет большого значения наше этническое происхождение. И, похоже, не имеет значения, что у нас единые предки. Все мы – граждане Узбекистана в трудоспособном возрасте потенциально являемся лишь дешевой рабочей силой, и трудовые мигранты в Корее тому яркий пример. Для них мы все являемся «узбек сарам» [33]. Однако история Романа Кима, который переехал в Южную Корею из Ташкента в 2016 г. довольно успешная. По словам журналиста Яна Матусевича, «Ким считает, что в Корее он у себя на родине. Сначала он работал ... в сфере строительства и производства, а затем переехал с женой и детьми в Кванджу на постоянное место жительства». Сейчас он возглавляет Ассоциацию корё сарам и является администратором некоторых из самых популярных чат-групп для мигрантов постсоветских государств. Ким признает, что, будучи этническим корейцем, находится в привилегированном положении по сравнению с другими мигрантами из Центральной Азии. «Мы [русские корейцы] немного избалованы, потому что можем позволить себе быть разборчивыми в выборе работы. У мигрантов без документов нет такой роскоши – они берутся за любую работу за любые деньги» [26].

Дискурс о том, что мигранты вытесняют местное население, не является доминирующим в южнокорейском обществе. Некоторые экономисты полагают, что мигранты не столько создают конкуренцию, сколько создают рабочие места для местных за счёт роста экономики. Рабочая сила требует менеджмента, а менеджмент требует языка принимающего общества, и местное население получает эти позиции, и для местного населения в экономическом смысле миграция будет носить позитивный характер.

Для процессов интеграции характерны культурные, структурные и социальные аспекты. В процессе интеграции как на уровне отдельной личности, семьи и сообщества в целом, возникает сложный выбор: интегрироваться в принимающее общество, принять в определенной степени чужую для них культуру или найти компромисс между социокультурной идентичностью и культурной адекватностью принимающему обществу. Интеграция не является линейным процессом,

так как по меньшей мере в условиях отсутствия единого общества мигранты интегрируются в сообщества мигрантов, существующие в принимающем обществе.

Сохранение социокультурной дистанции в некоторой степени препятствует интеграции корё сарам в южнокорейское сообщество и развивает общение через социальные сети на русском языке. Процесс конструирования идентичности происходит на основе множества разных элементов, предоставляемых личности окружающим миром. Трансляция через соцсети интересов и ценностей позволяет пользователям одновременно рефлексировать собственный образ, сравнивать его с другими и изменять в зависимости от стремлений. Результатом этого процесса могут становиться явные изменения в идентичности. При этом происходит общение русскоязычных мигрантов независимо от страны происхождения. Сообщество «82 авеню – Наши в Корее» [7] насчитывает около ста тысяч участников. При этом часть из них только планирует поехать в Южную Корею и получает необходимую информацию из объявлений в группе. В социальной сети «Фейсбук» есть группы русскоязычных корейцев локального масштаба численностью в несколько десятков тысяч участников в Ансане, Инчхоне, Кванджу, Пусане, и других городах. Появились даже группы по городским районам, к примеру, «Корея. Инчхон, р-н Саданжи и не только...!». Популярностью пользуется сообщество «Russian Koreans – Корейцы СНГ – 고려사람!» в Контакте.

Социальные сети не только позволяют людям оперативнее связываться и общаться между собой, но и дают возможность демонстрировать другим свой виртуальный образ, построенный как на реальных фактах, так и на представлении индивида о своём идеальном образе.

Заключение

Таким образом, говорить о консолидации по признаку общего гражданства или принадлежности к одной национальности не в виртуальной, а реальной жизни на примере этнических корейцев из Узбекистана в Южной Корее пока нет достаточных оснований. Очевидно, что мигранты первого поколения не могут полностью интегрироваться в силу сильной идентификации со своей этнической категорией и страной происхождения. Пока городское пространство в Южной Корее остаётся сегрегированным, и социальные идентичности складываются в местах проживания мигрантов, например, в Ансане.

Возможно, что со временем возникнут другие общественные организации, целью которых будет адаптация в принимающей стране и натурализация представителей четвертого поколения корё сарам. А сама группа корё сарам или растворится в южнокорейском обществе, или покинет свою этническую родину в поисках другой идентичности.

Отношения Узбекистана и Республики Корея носят многоплановый и стабильный характер, оправдывая объявленный странами статус стратегического партнёрства. Важным фактором, укрепляющим сотрудничество двух стран, является наличие в Узбекистане корейской диаспоры и её растущая трудовая миграция в Южную Корею.

Некоторые люди едут с ностальгическими чувствами к исторической родине, но реальность оказывается разнообразной. Несмотря на происходящие в среде мигрантов в Южной Корее интеграционные

процессы, сообщество корё сарам из Узбекистана можно считать социокультурной системой, не обладающей сформированной идентичностью и устоявшимися формами. Различия между культурами в языке, структуре семьи, уровне образования, материальном комфорте, климате, пище и прочего у группы корё сарам из Узбекистана вызывают определенные трудности при вхождении их в иную среду и использования единого этнонима.

При этом сообщество корё сарам из Узбекистана через сеть социокультурной адаптации распространяет свою идентичность за пределы группы, осуществляя тем самым транснациональную роль в формировании единого социокультурного пространства в Южной Корее. Проблема культурной идентичности корё сарам и различных форм её проявления требует дальнейшего исследования.

Литература

1. Александр Ногай – президент Ассоциации коре-сарам в Республике Корея // Корё сарам. Записки о корейцах (сайт). URL: <https://koryo-saram.ru/aleksandr-nogaj-prezident-assotsiatsii-koryo-saram-v-respublike-koreya/> (дата обращения: 01.05.20).
2. Ассоциация Корейских Культурных Центров Республики Узбекистан (официальный сайт). URL: <https://akkc.uz/> (дата обращения: 20.10.2020).
3. Ассоциация Коресарам в Республике Корея (официальный сайт). URL: http://koryosaram.org/?page_id=172 (дата обращения: 20.10.2020).
4. Бизнесмены Японии, Китая и Кореи о преимуществах работы с русскоязычными (сайт WEproject). URL: <https://weproject.media/articles/detail/biznesmeny-yaпонии-kitaya-i-korei-o-preimushchestvakh-raboty-s-russkojazychnymi/> (дата обращения: 10.01.21).
5. Волкова Т. В. Российские корейцы: к вопросу о самоидентификации // Этнографическое обозрение. 2004. № 4. С. 37–42.
6. Вопросы и ответы по переписи населения // Государственный комитет Республики Узбекистан по статистике (сайт). URL: <https://stat.uz/ru/2-uncategorised/7114-voprosy-otvety> (дата обращения: 20.10.2020)
7. 82 авеню – Наши в Корее: общедоступная группа // Facebook. URL: <https://www.facebook.com/groups/82avenue/> (дата обращения: 10.10.2020)
8. Дин Ю. И. Корейская диаспора Сахалина: проблема репатриации и интеграции в советское и российское общество. Южно-Сахалинск: ЗАО Сахалинская обл. типография, 2015.
9. Еженова К. Валерий Хан: Если проблеме не обсуждают, это не значит, что её нет // Exclusive (сайт). URL: <http://www.exclusive.kz/expertiza/politika/115548/> (дата обращения: 11.05.20).
10. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000.
11. Ким Г. Н. Избранные труды по корееведению. Тараз-Алматы: ЖИЦ «Сенім», 2013.
12. Ким Г. Как коре-сарам превратились в корёинов // Hansang Lab. (сайт) URL: <https://hansanglab.com/2019/04/05/kak-koryo-saram-prevratilis-v-koreinov/> (дата обращения: 01.10.20).
13. Ким П. Г. Корейцы Республики Узбекистан: История и современность. Ташкент : Узбекистон, 1993. URL: <https://koryo-saram.ru/p-g-kim-korejtsy-respubliki-uzbekistan-istoriya-i-sovremennost/> (дата обращения: 05.10.20).
14. Ким Г. Н. «Материковские» и сахалинские корейцы: сходства и различия. Этнографическое обозрение. 2020. № 3. С. 89–104.
15. Ким Г. Н. Русскоязычные корейцы в Южной Корее // Корё сарам (сайт). URL: https://www.academia.edu/43684765/Ким_Г.Н._Русскоязычные_корейцы_в_Южной_Корее?email_work_card=title (дата

обращения:13.11.20).

16. Ким Г. Н. Хронология Корё сарам // Корё сарам. К 150-летию переселения корейцев в Россию [авт.-сост. Г. Н. Ким и др.]. М.: АйванЛайн, 2014. С. 14–93.

17. Ким Г. Н. Чем отличаются «казахи» от «узбеков»? // Российские корейцы (сайт). URL: <https://gazeta-rk.ru/2020/08/04/kazakh> (дата обращения:21.05.20).

18. Ким Г. Н., Ким И. А. Историко-демографический портрет корейцев СССР и СНГ (по материалам переписей населения): монография. Алматы. Казак университеті, 2019.

19. Ким 2018 – Ким М. Учреждение «Ассоциации коре-сарам в Республике Корея» // Корё сарам. Записки о корейцах (сайт). URL: <https://koryo-saram.ru/uchrezhdenie-assotsiatsii-koryo-saram-v-respublike-koreya/> (дата обращения:14.05.20).

20. Ким С., Пачер А. К чему исследования об идентичности? Символический интеракционизм и диаспоры // 1937 год: русскоязычные корейцы – прошлое, настоящее и будущее: сб. мат-лов междунар. симпозиума посв. 80-летней годовщине принудительного переселения корейцев с Дальнего Востока в Центральную Азию (15–17 сентября 2017 г., Владивосток–Усурийск) / отв. ред. Ж. Сон. М.: «Аквариус», 2018. С. 482–495.

21. Ким Хе Чжин. Особенности этнического самосознания и культурная адаптация русскоязычных корейцев, проживающих в Республике Корея // Социологические исследования (сайт). URL: http://socis.isras.ru/files/File/2016/2016_10/Kim.pdf (дата обращения:01.10.20).

22. Корё сарам. Записки о корейцах. URL: <https://koryo-saram.ru/> (дата обращения: 20.10.2020)

23. Коре синмун / Koresinmun (сайт). URL: <https://koresinmun.uz/> (дата обращения: 10.10.2020)

24. Корейцы Узбекистана: газета Ассоциации корейских культурных центров Республики Узбекистан. Архив газеты 2019–2020 гг. URL: <http://arirang.ru/archive/kor-uz/content.htm> (дата обращения: 20.10.2020)

25. Корейцы Узбекистана: Семьдесят лет трудностей и успехов на новой роди-

не // FergananeWS (сайт). URL: <https://www.fergananeWS.com/articles/5257> (дата обращения:11.10.20).

26. Матусевич Я. Как живут в Корее мигранты из Центральной Азии. «Здесь я чувствую себя в безопасности и под защитой, люди относятся ко мне с уважением» // Eurasianet (сайт). URL: <https://russian.eurasianet.org/как-живут-в-корее-мигранты-из-центральной-азии> (дата обращения:23.10.20).

27. Мирзиёев Ш. Участникам торжественного мероприятия, посвящённого 80-летию проживания корейцев в Узбекистане [Электронный ресурс] // Национальное информационное агентство Узбекистана. URL: <https://uznet.press/m/150385.html> (дата обращения:01.10.20).

28. Мун Чжэ Ин рассказал, за что Южная Корея безгранично благодарна Узбекистану // Sputnik (сайт). URL: <https://uz.sputniknews.ru/politics/20190418/11278193/Mun-Chzhe-In-rasskazal-za-chto-Yuzhnaya-Koreya-bezgranichno-blagodarna-Uzbekistanu.html> (дата обращения:23.09.20).

29. Об утверждении Концепции государственной политики Республики Узбекистан в сфере межнациональных отношений: указ Президента Республики Узбекистан № УП-5876 от 15 нояб. 2019 г. // LexUz on-line (сайт). URL: <https://lex.uz/ru/docs/4597684> (дата обращения:01.10.20).

30. Почему Южная Корея выиграла битву за Узбекистан // Sputnik (сайт). URL: <https://uz.sputniknews.ru/analytics/20171128/6932585/uzbekistan-koreya-bitva.html> (дата обращения:12.11.20).

31. Республика Корея // Агентство по привлечению иностранных инвестиций при Министерстве инвестиций и внешней торговли Республики Узбекистан (сайт). URL: https://invest.gov.uz/ru/investor_for/respublika-koreya/ (дата обращения: 20.10.2020)

32. Российские корейцы: онлайн издание. URL: <https://gazeta-rk.ru/> (дата обращения: 10.10.2020)

33. Тен 2009 – Тен М. Трудовая миграция корейцев Узбекистана в Республику Корея // Облик Кореи (сайт). URL: <http://>

www.koreana.ru/?pg=2&id=151061&type=9&page=0 (дата обращения:12.11.20).

34. Тен М. Д. К вопросу о миграционных настроениях корейцев Узбекистана // Известия корееведения в Центральной Азии. 2011. Вып. 18. С. 149–155.

35. Узбекская демографическая бомба // Яндекс Дзен (сайт). URL: <https://zen.yandex.ru/media/immigration/uzbekskaja-demograficheskaja-bomba-5d3ae315520a9b00ad2a5573> (дата обращения:13.10.20).

36. Узбекское агентство по вопросам трудовой миграции открыло филиал в Корее // Узбекистан. Sputnik (сайт). URL: <https://uz.sputniknews.ru/migration/20180913/9406905/Uzbekskoe-agentstvo-po-voprosam-trudovoy-migratsii-otkrylo-filial-v-Koree.html> (дата обращения:01.05.20).

37. Узбекско-Корейский международный университет реализует проекты на \$11,9 млн // Газета.uz (сайт). URL: https://www.gazeta.uz/ru/2020/06/12/kiuf/?utm_source=push&utm_medium=telegram (дата обращения:20.11.20).

38. Хан. В. С. Как излагаются история и судьбы корё сарам в публикациях корейцев СНГ? // 1937 год: русскоязычные корейцы – прошлое, настоящее и будущее : сб. мат-лов междунар. симпозиума посл. 80-летней годовщине принудительного переселения корейцев с Дальнего Востока в Центральную Азию (15–17 сентября 2017 г., Владивосток–Уссурийск) / отв. ред. Ж. Сон. М.: «Аквариус», 2018. С. 55–68.

39. Хан В. Как построить жизнь этническим меньшинствам в многонациональном государстве // Exclusive (сайт). URL: <http://www.exclusive.kz/expertiza/obshhestvo/118859/> (дата обращения:23.01.2021).

40. Хан В. С. Корё сарам: Кто мы? (Очерки истории корейцев). Бишкек: ИЦ «Архи», 2009.

41. Хан В. С. Корейская диаспора СНГ и Корея // Диалог культур Korei та країн СНД. Міжнародна наукова конференція. Київ, 2007. С. 191–203.

42. Хан В. С. Корейцы в постсоветской Центральной Азии : новые вызовы и модели поведения // 러시아지역 해외한인연구

5권. 서울 = Исследование зарубежных корейцев на территории России : коллективная монография. В 5 т. Том 5 / под ред. Хон Ун Хо. Сеул, 2019. Р. 185–220.

43. Хан В. С. 독립국가연합에서 고려인의 사회적 지위와 역할: 우즈베키스탄 고려인을 중심으로 Социальный статус и роль русскоязычных корейцев в СНГ (на примере корейцев Узбекистана) // 러시아 지역 해외한인연구 = Зарубежное корееведение в России. Seoul: Sunmin, 2019. Р. 411–430.

44. Хан В. С., Сим Хон Ёнг. Корейцы Центральной Азии: прошлое и настоящее. М.: Изд-во МБА, 2014.

45. Хван Ен Сам. Проблемы соплеменников-иностранцев в Корее // Коре ильбо: казахско-корейский информационный портал. URL: <http://koreilbo.com/index.php/news-social-ru/1520-problemy-soplemennikov-inostrantsev-v-koree> (дата обращения:10.10.2020).

46. Castells M. The Information Age: Economy, Society, and Culture. Vol. I-II. Russian Translation. Ed. By O. Shkaratan. Moscow: GU VshE, 2000.

47. Khan V. The Korean minority in Central Asia: National revival and problem of identity // International Journal of Central Asian Studies. 1998. № 3. P. 66–77. (сайт) URL: <http://www.iacd.or.kr/pdf/journal/03/3-03.pdf> (дата обращения:17.09.20).

48. Kim G. Ethnicity, Identity, and Attitude to Religions of the Central Asian Koreans: Some Results of a Pilot Survey among Korean Minority Students // The Journal of Northeast Asian History. Vol. 9, № 1. Summer 2012. P. 67–90.

49. Kim V. Global Korean Diaspora and Koryo Saram as its Essential Part : dissertations of the 20 th world Rjhta forum at Columbia university in New York // Academia (сайт). URL: https://www.academia.edu/39826709/Global_Korean_Diaspora_and_Koryo_Saram_as_its_Essential_Part (дата обращения:09.05.20).

50. Kim V. Koryo Saram in Central Asia // Koryo Tours (сайт). URL: <https://koryogroup.com/blog/koryo-saram-in-central-asia> (дата обращения:09.05.20).

51. Kim V. Lost and Found in Uzbekistan: The Korean Story, Part 1 // The

Diplomat (сайт). URL: <https://thediplomat.com/2016/06/lost-and-found-in-uzbekistan-the-korean-story-part-1/> (дата обращения: 09.05.20).

52. 러시아지역 해외한인연구. 서울. 도서출판 선인. = Исследование зарубежных корейцев на территории России : коллективная монография / под ред. Хон Ун Хо. В 5-ти томах. Сеул: Изд-во Сонин, 2019.

53. In-Jin Yoon. Understanding the Korean

Diaspora from Comparative Perspectives [Электронный ресурс] // Asia Culture Forum (сайт) URL: http://www.cct.go.kr/data/acf2006/multi/multi_0201_In-Jin%20Yoon.pdf (дата обращения: 21.09.20).

54. Troyakova T., Tracy F. E. Transnational Korean Identity in Northeast Asia? The case of Korean Diaspora in the Russian Far East // Asian Perspective. Vol. 42, № 3. July-Sept. 2018. P. 387–410.

Marina O. DMITRIEVA,

Ph. D. (in Political Science), Assistant Professor, International Relations Department, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).
E-mail: dmitrieva.mo@dvfu.ru

Tamara G. TROYAKOVA,

Ph. D. (in History), independent researcher (Russia).
E-mail: tamaratroyakova@gmail.com

Uzbek Koreans in Search of a New Identity in the Republic of Korea

UDC 327

DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-2/45-63>

*Republic of Uzbekistan,
Republic of Korea,
identity,
koryo saram,
koryoin*

The intensification of migration processes of ethnic Koreans from the Republic of Uzbekistan to the Republic of Korea over the past decades has an impact on the formation of their new identity. The construction of the identity of ethnic Koreans occurs at different levels, which is reflected in various ethnonyms from koryo saram – Russian-speaking Koreans with citizenship of the Republic of Uzbekistan to koryoin – Russian-speaking Koreans, including those from Uzbekistan, who live in the Republic of Korea permanently. This process takes place at various levels, from the development of political, economic, and socio-cultural relations between the countries to the emergence of new koryo saram institutions in the Republic of Korea. Identity is considered by the authors as a social formation formed on the basis of a common symbolic base for individuals and this allows members of society to adapt to each other. This article argues that consolidation on the basis of citizenship and belonging to the same ethnic group from Uzbekistan is under development.

For citation: Dmitrieva M. O., Troyakova T. G. Uzbek Koreans in Search of a New Identity in the Republic of Korea // Oriental Institute Journal. 2021. № 2. P. 45–63. DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-2/45-63>

References

1. Aleksandr Nogaj – prezident Assotsiatsii kore-saram v Respublike Koreya // Koryo saram. Zapiski o korejtsakh (sajt). URL: <https://koryo-saram.ru/aleksandr-nogaj-prezident-assotsiatsii-koryo-saram-v-respublike-koreya/> (data obrashheniya:01.05.20).
2. Assotsiatsiya Korejskikh Kul'turnykh T'Sentrov Respubliki Uzbekistan (ofitsial'nyj sayt). URL: <https://akkc.uz/> (data obrashheniya: 20.10.2020).
3. Assotsiatsiya Koresaram v Respublike Koreya (ofitsial'nyj sayt). URL: http://koryosaram.org/?page_id=172 (data obrashheniya: 20.10.2020).
4. Biznesmeny Yaponii, Kitaya i Korei o preimushhestvakh raboty s russkoyazychnymi (sajt WEproject). URL: <https://weproject.media/articles/detail/biznesmeny-yaponii-kitaya-i-korei-o-preimushchestvakh-raboty-s-russkoyazychnymi/> (data obrashheniya:10.01.21).
5. Volkova T. V. Rossijskie korejtsy: k voprosu o samoidentifikatsii // Ehtnograficheskoe obozrenie. 2004. № 4. S. 37–42.
6. Voprosy i otvety po perepisi naseleniya // Gosudarstvennyj komitet Respubliki Uzbekistan po statistike (sajt). URL: <https://stat.uz/ru/2-uncategorised/7114-voprosy-otvety> (data obrashheniya: 20.10.2020)
7. 82 avenyu – Nashi v Koree: obshhedostupnaya gruppa // Facebook. URL: <https://www.facebook.com/groups/82avenue/> (data obrashheniya: 10.10.2020)
8. Din YU. I. Korejskaya diaspora Sakhalina: problema repatriatsii i integratsii v sovetskoe i rossijskoe obshchestvo. YUzhno-Sakhalinsk: ZAO Sakhalinskaya obl. tipografiya, 2015.
9. Ezenova K. Valerij KHan: Esli problemu ne obsuzhdayut, ehto ne znachit, chto eyo net // Exclusive (sajt). URL: <http://www.exclusive.kz/expertiza/politika/115548/> (data obrashheniya:11.05.20).
10. Kastel's M. Informatsionnaya ehpkha: ehkonomika, obshchestvo i kul'tura. M.: GU VSHEH, 2000.
11. Kim G. N. Izbrannye trudy po koreevedeniyu. Taraz-Almaty: ZHITS «Senim», 2013.
12. Kim G. Kak kore-saram prevratilis' v koryoinov // Hansang Lab. (sajt) URL: <https://hansanglab.com/2019/04/05/kak-koryo-saram-prevratilis-v-koreinov/> (data obrashheniya:01.10.20).
13. Kim P. G. Korejtsy Respubliki Uzbekistan: Istoriya i sovremennost'. Tashkent : Uzbekiston, 1993. URL: <https://koryo-saram.ru/p-g-kim-korejtsy-respubliki-uzbekistan-istoriya-i-sovremennost/> (data obrashheniya: 05.10.20).
14. Kim G. N. «Materikovskie» i sakhalinskie korejtsy: skhodstva i razlichiya. Ehtnograficheskoe obozrenie. 2020. № 3. S. 89–104.
15. Kim G. N. Russkoyazychnye korejtsy v YUzhnoj Koree // Koryo saram (sajt). URL: https://www.academia.edu/43684765/Kim_G.N._Russkoyazychnye_korejtsy_v_YUzhnoj_Koree?email_work_card=title (data obrashheniya:13.11.20).
16. Kim G. N. KHronologiya Koryo saram // Koryo saram. K 150-letiyu pereseleniya korejtsev v Rossiyu [avt.-sost. G. N. Kim i dr.]. M.: AjvanLajn, 2014. C. 14–93.
17. Kim G. N. CHem otlichayutsya «kazakhi» ot «uzbekov»? // Rossijskie korejtsy (sajt). URL: <https://gazeta-rk.ru/2020/08/04/kazakh> (data obrashheniya:21.05.20).
18. Kim G. N., Kim I. A. Istoriko-demograficheskij portret korejtsev SSSR i SNG (po materialam perepisej naseleniya): monografiya. Almaty. Kazak universiteti, 2019.
19. Kim 2018 – Kim M. Uchrezhdenie «Assotsiatsii kore-saram v Respublike Koreya» // Koryo saram. Zapiski o korejtsakh (sajt). URL: <https://koryo-saram.ru/uchrezhdenie-assotsiatsii-koryo-saram-v-respublike-koreya/> (data obrashheniya:14.05.20).
20. Kim S., Pacher A. K chemu issledovaniya ob identichnosti? Simvolicheskij interaksionizm i diaspory // 1937 god: russkoyazychnye korejtsy – proshloe, nastoyashhee i budushhee: sb. mat-lov mezhdunar. simpoziuma posv. 80-letnej godovshhine prinuditel'nogo pereseleniya korejtsev s Dal'nego Vostoka v T'Sentral'nyuy Aziyu (15–17 sentyabrya 2017 g., Vladivostok–

Ussurijsk) / otv. red. ZH. Son. M. : «Akvarius», 2018. S. 482–495.

21. Kim KHe CHzhin. Osobnosti etnicheskogo samosoznaniya i kul'turnaya adaptatsiya russkoyazychnykh korejtsev, prozhivayushhikh v Respublike Koreya // Sotsiologicheskie issledovaniya (sajt). URL: http://socis.isras.ru/files/File/2016/2016_10/Kim.pdf (data obrashheniya:01.10.20).

22. Koryo saram. Zapiski o korejtsakh. URL: <https://koryo-saram.ru/> (data obrashheniya: 20.10.2020)

23. Kore sinmun / Koresinmun (sajt). URL: <https://koresinmun.uz/> (data obrashheniya: 10.10.2020)

24. Korejtsy Uzbekistana: gazeta Assotsiatsii korejskikh kul'turnykh tsentrov Respubliki Uzbekistan. Arkhiv gazety 2019–2020 gg. URL: <http://arirang.ru/archive/kor-uz/content.htm> (data obrashheniya: 20.10.2020)

25. Korejtsy Uzbekistana: Sem'desyat let trudnostej i uspekhov na novej rodine // Fergananev (sajt). URL: <https://www.fergananev.com/articles/5257> (data obrashheniya:11.10.20).

26. Matusevich YA. Kak zhivut v Koree migranty iz TSentral'noj Azii. «Zdes' ya chuvstvuyu sebya v bezopasnosti i pod zashhitoy, lyudi odnosyatsya ko mne s uvazheniem» // Eurasianet (sajt). URL: <https://russian.eurasianet.org/kak-zhivut-v-koree-migranty-iz-tsentral'noj-azii> (data obrashheniya:23.10.20).

27. Mirziyoev SH. Uchastnikam torzhestvennogo meropriyatiya, posvyashhyonnogo 80-letiyu prozhivaniya korejtsev v Uzbekistane [EHlektronnyj resurs] // Natsional'noe informatsionnoe agentstvo Uzbekistana. URL: <https://uznet.press/m/150385.html> (data obrashheniya:01.10.20).

28. Mun CHzhzh In rasskazal, za chto YUzhnaya Koreya bezgranichno blagodarna Uzbekistanu // Sputnik (sajt). URL: <https://uz.sputniknews.ru/politics/20190418/11278193/Mun-Chzhzh-In-rasskazal-za-chto-Yuzhnaya-Koreya-bezgranichno-blagodarna-Uzbekistanu.html> (data obrashheniya:23.09.20).

29. Ob utverzhenii Kontseptsii gosudarstvennoj politiki Respubliki

Uzbekistan v sfere mezhnatsional'nykh otnoshenij: ukaz Prezidenta Respubliki Uzbekistan № UP-5876 ot 15 noyab. 2019 g. // LexUz on-line (sajt). URL: <https://lex.uz/ru/docs/4597684> (data obrashheniya:01.10.20).

30. Pochemu YUzhnaya Koreya vyigrala bitvu za Uzbekistan // Sputnik (sajt). URL: <https://uz.sputniknews.ru/analitics/20171128/6932585/uzbekistan-koreya-bitva.html> (data obrashheniya:12.11.20).

31. Respublika Koreya // Agentstvo po privlecheniyu inostrannykh investitsij pri Ministerstve investitsij i vneshnej torgovli Respubliki Uzbekistan (sajt). URL: https://invest.gov.uz/ru/investor_for/respublika-koreya/ (data obrashheniya: 20.10.2020)

32. Rossijskie korejtsy: onlajn izdanie. URL: <https://gazeta-rk.ru/> (data obrashheniya: 10.10.2020)

33. Ten 2009 – Ten M. Trudovaya migratsiya korejtsev Uzbekistana v Respubliku Koreya // Oblik Korei (sajt). URL: <http://www.koreana.ru/?pg=2&id=151061&type=9&page=0> (data obrashheniya:12.11.20).

34. Ten M. D. K voprosu o migratsionnykh nastroyeniakh korejtsev Uzbekistana // Izvestiya koreevedeniya v TSentral'noj Azii. 2011. Vyp. 18. S. 149–155.

35. Uzbekskaya demograficheskaya bomba // YAndeks Dzen (sajt). URL: <https://zen.yandex.ru/media/immigration/uzbekskaia-demograficheskaja-bomba-5d3ae315520a9b00ad2a5573> (data obrashheniya:13.10.20).

36. Uzbekskoe agentstvo po voprosam trudovoj migratsii otkrylo filial v Koree // Uzbekistan. Sputnik (sajt). URL: <https://uz.sputniknews.ru/migration/20180913/9406905/Uzbekskoe-agentstvo-po-voprosam-trudovoy-migratsii-otkrylo-filial-v-Koree.html> (data obrashheniya:01.05.20).

37. Uzbeksko-Korejskij mezhdunarodnyj universitet realizuet proekty na \$11,9 mln // Gazeta.uz (sajt). URL: https://www.gazeta.uz/ru/2020/06/12/kiuf/?utm_source=push&utm_medium=telegram (data obrashheniya:20.11.20).

38. KHan. V. S. Kak izlagayutsya istoriya i sud'by koryo saram v publikatsiyakh korejtsev SNG? // 1937 god: russkoyazychnye korejtsy

- proshloe, nastoyashhee i budushhee : sb. mat-lov mezhdunar. simpoziuma posv. 80-letnej godovshhine prinuditel'nogo pereseleniya korejtssev s Dal'nego Vostoka v T'Sentral'nyyu Aziyu (15–17 sentyabrya 2017 g., Vladivostok–Ussurijsk) / otv. red. ZH. Son. M.: «Akvarius», 2018. S. 55–68.
39. KHan V. Kak postroit' zhizn' ehnicheskim men'shinstvam v mnogonatsional'nom gosudarstve // Exclusive (sajt). URL: <http://www.exclusive.kz/expertiza/obshhestvo/118859/> (data obrashheniya:23.01.2021).
40. KHan V. S. Koryo saram: Kto my? (Ocherki istorii korejtssev). Bishkek: ITS «Arkhi», 2009.
41. KHan V. S. Korejskaya diaspora SNG i Koreya // Dialog kul'tur Korei ta krain SND. Mizhнародna naukova konferentsiya. Kiiv, 2007. S. 191–203.
42. KHan V. S. Korejtsy v postsovetsoj T'Sentral'noj Azii : novye vyzovy i modeli povedeniya // 러시아지역 해외한인연구 5권. 서울 = Issledovanie zarubezhnykh korejtssev na territorii Rossii : kollektivnaya monografiya. V 5 ti t. Tom 5 / pod red. KHon Un KHo. Seul, 2019. P. 185–220.
43. KHan V. S. 독립국가연합에서 고려인의 사회적 지위와 역할: 우즈베키스탄 고려인을 중심으로 = Sotsial'nyj status i rol' russkoyazychnykh korejtssev v SNG (na primere korejtssev Uzbekistana) // 러시아지역 해외한인연구 = Zarubezhnoe koreevedenie v Rossii. Seoul: Sunmin, 2019. P. 411–430.
44. KHan V. S., Sim KHon YOng. Korejtsy T'Sentral'noj Azii: proshloe i nastoyashhee. M.: Izd-vo MBA, 2014.
45. KHvan En Sam. Problemy soplemennikov-inostrantsev v Koree // Kore il'bo: kazakhsko-korejskij informatsionnyj portal. URL: <http://koreilbo.com/index.php/news-social-ru/1520-problemy-soplemennikov-inostrantsev-v-koree> (data obrashheniya: 10.10.2020).
46. Castells M. The Information Age: Economy, Society, and Culture. Vol. I-II. Russian Translation. Ed. By O. Shkaratan. Moscow: GU VshE, 2000.
47. Khan V. The Korean minority in Central Asia: National revival and problem of identity // International Journal of Central Asian Studies. 1998. № 3. P. 66–77. (sajt) URL: <http://www.iacd.or.kr/pdf/journal/03/3—03.pdf> (data obrashheniya:17.09.20).
48. Kim G. Ethnicity, Identity, and Attitude to Religions of the Central Asian Koreans: Some Results of a Pilot Survey among Korean Minority Students // The Journal of Northeast Asian History. Vol. 9, № 1. Summer 2012. P. 67–90.
49. Kim V. Global Korean Diaspora and Koryo Saram as its Essential Part : dissertations of the 20 th world Rjhta forum at Columbia university in New York // Academia (sajt). URL: https://www.academia.edu/39826709/Global_Korean_Diaspora_and_Koryo_Saram_as_its_Essential_Part (data obrashheniya:09.05.20).
50. Kim V. Koryo Saram in Central Asia // Koryo Tours (sajt). URL: <https://koryogroup.com/blog/koryo-saram-in-central-asia> (data obrashheniya:09.05.20).
51. Kim V. Lost and Found in Uzbekistan: The Korean Story, Part 1 // The Diplomat (sajt). URL: <https://thediplomat.com/2016/06/lost-and-found-in-uzbekistan-the-korean-story-part-1/> (data obrashheniya:09.05.20).
52. 러시아지역 해외한인연구. 서울. 도서출판 선인. = Issledovanie zarubezhnykh korejtssev na territorii Rossii : kollektivnaya monografiya / pod red. KHon Un KHo. V 5-ti tomakh. Seul: Izd-vo Sonin, 2019.
53. In-Jin Yoon. Understanding the Korean Diaspora from Comparative Perspectives [EHlektronnyj resurs] // Asia Culture Forum (sajt) URL: http://www.cct.go.kr/data/acf2006/multi/multi_0201_In-Jin%20Yoon.pdf (data obrashheniya:21.09.20).
54. Troyakova T., Tracy F. E. Transnational Korean Identity in Northeast Asia? The case of Korean Diaspora in the Russian Far East // Asian Perspective. Vol. 42, № 3. July-Sept. 2018. P. 387–410.

КУЛЬТУРА

ХОВАНЧУК Ольга Александровна,

канд. ист. наук, доцент кафедры японоведения Восточного института – Школы региональных и международных исследований, ДВФУ (г. Владивосток).
Электронная почта: komanchister@gmail.com

КУЗЬМЕНКО Наталья Николаевна,

канд. ист. наук, профессор кафедры японоведения Восточного института – Школы региональных и международных исследований, ДВФУ (г. Владивосток).
Электронная почта: kuzmenko.nn@dvfu.ru

Становление поставок адаптированных кимоно из Японии в Европу на рубеже XIX–XX вв.

УДК 391

DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-2/64-72>

*Япония,
японская
традиционная одежда,
японский стиль,
кимоно,
экспорт кимоно,
японизм,
мода*

В статье рассматриваются пути экспорта кимоно в Европу и предпосылки появления экспортных адаптаций японского костюма. Прослеживается многостороннее влияние Всемирных выставок на развитие технологий производства тканей и одежды на японском рынке, а также на распространение на Западе японского кимоно и японской эстетики в целом. Приводятся данные о развитии торговых домов Иида Такасимая и Сиино Сёбэй. Выявляются этапы влияния кимоно на западную моду и стиль.

В современном мире влияние японского стиля в искусстве и моде до сих пор остаётся актуальным. Главный куратор Института костюма Метрополитен-музея Эндрю Болтон высказал мнение, что европейцы и американцы часто смешивают понятия «японское» и «китайское» в единое целое. Именно это отношение европейцев к дальневосточному искусству породило существующую ныне проблему – что из вывезенного на Запад из Японии в период с середины XIX в. по 1920-е гг. считать популярной продукцией, а что произведением японского искусства. Разумеется, японские товары, которые привозили в Европу, далеко не всегда являлись образцами настоящего японского стиля, а также не в полной мере отражали эстетическое мировоззрение японцев. Зачастую экспонаты музеев и аукционов, которые представлены как образцы японского искусства периода Мэйдзи (1868–1912), являются свидетельствами высокого уровня мастерства ремесленников, но по сути остаются лишь модными изделиями, которые были востребованы на Западе в тот период.

Объектом исследования данной статьи является адаптированная одежда, произведенная в Японии для продажи за рубежом. Предметом исследования – процесс изменения дизайна и технологий в изготовлении костюма на экспорт. В свете данной проблемы, автор ставит цель проследить развитие экспорта японских товаров и выявить истоки формирования нового дизайна, повлиявшего на искажение представлений европейцев о японском стиле. Задача статьи: изучить экспортёров и импортёров японской продукции на рубеже XIX –XX вв.,

Для цитирования:
Хованчук О. А., Кузьменко Н. Н. Становление поставок адаптированных кимоно из Японии в Европу на рубеже XIX–XX вв. // Известия Восточного института. 2021. № 2. С. 64–72. DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-2/64-72>

и проанализировать их роль в формировании экспортного дизайна японского костюма. Всемирные выставки являлись местом встречи производителей и потребителей, поэтому в статье также рассматривается их значение в продвижении японских товаров на европейский рынок.

В российском японоведении специализированных научных работ по истории японского костюма чрезвычайно мало, а исследования экспорта японской одежды в Европу ограничиваются лишь упоминанием названий компаний-импортеров, например, компании Либерти. Период Мэйдзи чаще всего рассматривается в свете вестернизации Японии и её промышленного развития. Надежда Левшова в своей работе «Роза и хризантема» довольно подробно описывает развитие японской текстильной промышленности и экспорта хлопковых тканей за её пределы [1]. Однако вопрос становления поставок одежды из Японии на Запад рассматривают только зарубежные японоведы. Наиболее полно данный вопрос исследовала историк японского костюма Фукаи Акико, которая рассматривает как производство адаптированных кимоно внутри Японии, так и развитие производства коммерческих копий кимоно в Европе. В свою очередь, европейские исследователи подробно рассматривают лишь историю проникновения кимоно на Западе и становление местных компаний-импортеров японских товаров. С применением историко-культурного и историко-сравнительного методов на основании материалов исследований иностранных авторов и изучения истории японских и западных торговых компаний в статье представлена систематизированная картина изменений японского стиля в одежде, созданной для европейского рынка.

В период Эдо (1603–1868), который характеризовался мирной жизнью страны и расцветом городской культуры, наблюдалось активное развитие технологий ткачества, росписи тканей и вышивки. Производство дорогой одежды с искусным дизайном достигло таких высот, что горожане стали превосходить в роскоши самурайство и аристократию. Поэтому правительство издавало многочисленные указы по ограничению роскоши. С 1628 по 1745 гг. было издано 12 подобных указов. Под их влиянием производство дорогих тканей сильно сократилось, и даже знаменитый район ткачей Нисидзин в Киото оказался в довольно тяжёлом положении, потому что у самурайства и аристократии не было достаточно средств для заказа роскошной одежды, а горожанам запретили её иметь.

После открытия Японии коммодором Перри, с 1859 г. Йокогама была открыта для иностранной торговли, за границу из Японии стали вывозить сначала шёлковую пряжу, затем ткани, а позднее и предметы одежды. Однако до конца XIX в. в связи с неравноправными договорами, навязанными ей государствами Запада, страна была вынуждена торговать с ними на невыгодных для себя условиях. Вестернизация и модернизация Японии были призваны поставить страну на один уровень с европейскими державами и добиться отмены этих договоров. Участие Японии во Всемирных выставках сыграло важную роль в создании нового имиджа страны как развитого государства, а также способствовало расширению экспорта японских товаров на Запад.

Японские предметы искусства демонстрировались в Лондоне на небольших выставках в середине XIX в. Конечно, диковинные товары произвели неизгладимое впечатление как на простую публику, так и на дизайнеров. В результате роста спроса на редкие товары, английские художники начали перенимать элементы японского искусства,

и в 1851 г. впервые упоминается термин «англо-японский» стиль [7, с. 41]. Предметы интерьера и обихода, выполненные в этом стиле, были популярны наряду с оригинальными японскими изделиями.

В XIX в. в Европе появился новый слой нуворишей, разбогатевших в результате промышленной революции, и новые товары из Японии и в японском стиле стали широко распространяться в их среде. В то же время в моде произошёл ряд изменений, в связи с чем спрос на рынке одежды расширился. Платья меняли несколько раз в день, в зависимости от времени суток и повода, и у каждого наряда была своя особая конструкция. Появилось два вида домашней одежды: пеньюар (neglige) свободного покроя, который надевали после пробуждения и перед сном, и домашнее платье чуть более прилегающего силуэта для приёма гостей (tea gown). Кимоно вписалось именно в эту нишу одежды для дома. Оно стало предметом гордости и возможностью продемонстрировать гостям своё благосостояние [7, с. 100].

На Всемирной выставке предметы японского искусства и быта впервые показали в 1862 г. в Лондоне. Вся экспозиция состояла из коллекции Резерфорда Олкока, который служил в качестве генерального консула в Японии в 1858–1864 и привёз в Англию множество предметов японского искусства. Экспонирование его коллекции стало точкой отсчёта новой эпохи – широкого проникновения японской эстетики в жизнь Европы. В дальнейшем, благодаря выставкам и открытию магазина Артура Либерти в 1875 г., японская эстетика была популяризирована многочисленными художниками и дизайнерами. В компании Либерти&Со в 1884 г. открылся отдел костюма, которым заведовал Эдвард Гудвин, и вместе с Либерти они создавали модели домашнего платья, которые конкурировали с парижскими.

В Парижской выставке 1867 г. приняла участие официальная японская делегация. Был выстроен павильон в виде японского дома из кипариса, и, несомненно, главной достопримечательностью стали несколько гейш, одетых в кимоно, которые подносили чай посетителям. Осенью 1867 г. во французском женском журнале впервые появилась иллюстрация с изображением дамы в оперной накидке в японском стиле – прямого покроя с широкими прямоугольными рукавами. Такие накидки в реальности носили в Париже, сохранилась одна, принадлежавшая принцессе Матильде, кузине императора Наполеона III. Она сшита из тонкой ткани для летнего кимоно женщины самурайского сословия, а её создание приписывают Чарльзу Фредерику Вурту [3, с. 12].

В начале 1870-х гг. мода на ткани для кимоно и на само кимоно распространилась за пределы Парижа. Это был судьбоносный момент, когда японский костюм привлек внимание парижских кутюрье и модниц, и именно тогда кимоно перестало быть лишь традиционным японским костюмом, оно превратилось в транснациональный модный тренд, не сходя со страниц журналов до 1920-х гг. Модными стали не только ткани и покрой, но также мотивы орнамента и асимметрии.

В 1873 г. в Вену поехали уже не только представители японских торговых кругов, но также промышленники и представители правительства, целью которых было изучить европейский быт, предпочтения и новейшие технологии. В составе делегации в Европу прибыл Сиино Сёбэй, и по её завершении он привёз отчёты, на основании

которых был построен план увеличения экспорта японской одежды. Сёбэй открыл в Йокогаме лавку товаров из шёлка и сначала осуществлял экспортные операции через Дом иностранной торговли, а затем стал заниматься прямым экспортом.

Согласно его отчётам, среди наиболее перспективных товаров, которые предлагалось производить непосредственно в Японии для европейского рынка, были носовые платки, палантины, чайные платья и домашние платья *dressing gown*. Такое домашнее платье не требовало точной подгонки по фигуре, поэтому производство подобных нарядов было доступным. Сиино разработал особый вид домашнего платья для европейских дам, которые прибывали в Йокогаму. Это было стёганое платье из плотного шёлка *хабутаэ* с застёжкой спереди, повторяющее силуэт европейской женской одежды с турнюром, но всё же более свободно сидящее. Помимо стёжки платье было украшено шнурами и вышивкой. Причём вышивка выполнена сильно кручёной нитью, т. к. традиционная японская некрученая шёлковая нить в Европе считалась непрочной и была не популярна.

Среди японских компаний, торговавших с Западом, важное место занимал Торговый дом Иида Такасимая, который экспортировал японский текстиль в Европу с 1831 г. Открывшись изначально как магазин подержанной одежды, при четвёртом главе дома Иида Тэцусабуро (1859–1944, Иида Синсити IV) он превратился в компанию, которая стала продавать кимоно за рубеж [6]. Иида Тэцусабуро ездил на Всемирные выставки в составе японских делегаций и изучал европейский рынок и вкусы. Домашнее платье такое же, как в магазине Сиино Сёбэй, появилось в продаже в магазине Иида Такасимая с конца 1870-х гг., а в каталогах компании Либерти, с которой сотрудничала Такасимая, оно фигурировало с 1881 по 1920 гг. В 1887 г. в компании появился экспортный отдел, и с 1900 г. в Йокогаме открылся их магазин экспортной торговли. Иида Тэцусабуро сам формировал ассортимент и создавал эскизы будущих товаров, которые затем заказывал у лучших ткачей, красильщиков и вышивальщиков [4, с. 92]. Вместе с этим компания стала издавать каталог экспортных товаров для клиентов, по которым можно было заказать понравившуюся вещь, где в числе прочего были представлены кимоно.

В рамках исследования стоит упомянуть о Системе мастеровых императорского двора, которая имеет непосредственное отношение к производству японских традиционных тканей. После выставок в Вене 1873 г. и в Филадельфии в 1876 г. правительство Японии приняло решение о проведении подобных выставок внутри страны, первая из которых состоялась в 1877 г. По мере проведения мероприятий стало понятно, что многие старинные промыслы угасают, а выдающиеся мастера уходят в прошлое, поэтому в 1890 г. была создана Система мастеровых императорского двора, нечто подобное экспертному художественному совету [4, с. 13]. В неё входили выдающиеся мастера различных областей декоративно-прикладного искусства, которые должны были оценивать уровень качества и изящества предметов искусства, производимых мастерскими для придворного пользования и на экспорт. Одной из важных задач данной системы было лицензирование мастерских для сохранения старинных традиционных технологий на высоком уровне. Также данная система должна была способствовать расширению экспорта предметов японского искусства за

рубеж. Представители совета мастеров выпускали каталоги дизайна экспортных изделий для разных видов ремесла: ковка и литьё металла, керамика, резьба по дереву и кости, эмаль, фарфор и т. д.

В Системе мастеровых императорского двора было отделение ткачества и вышивки, но примечательно то, что в его ведение не входило производство традиционной японской одежды. Производителей нацеливали на обеспечение императорской семьи и аристократии европейской одеждой, а также на оформление убранства новых дворцов, таких как Рокумэйкан, в западном стиле, который был бы привлекателен для иностранцев. В Нисидзине начали в большом количестве производить декоративный интерьерный текстиль, что дало ему новые перспективы развития. Мастера создавали текстильные картины, панно, экраны и ширмы с использованием самых искусных технологий ткачества, крашения и вышивки, а кимоно оказалось за пределами приоритетов и интересов правительственного худсовета. Тем не менее коммерческие компании понимали, что кимоно нельзя сбрасывать со счетов, так как это был слишком востребованный на Западе товар, поэтому компании Иида Такасимая и Сиино Сёбэй взяли производство кимоно и его поставки в Европу в свои руки, давая тем самым японским ткацким и красильным мастерским еще одну возможность заработать.

Традиционное кимоно проникло в Европу в виде *косодэ* – кимоно для замужней женщины, причём чаще всего это были кимоно с орнаментом, популярным в среде самурайства – *госёдоки*. На ткань наносили по рисунку клей-резерв и окрашивали её, в результате чего орнамент оставался белым, затем его дополняли цветной вышивкой. Цвет ткани был однотонный, чаще всего белый, красный, лиловый, зеленый, синий и голубой. Именно эти кимоно дамы высоких сословий Европы использовали в качестве пеньюара, и их часто можно видеть на картинах импрессионистов того времени.

Характерные черты кимоно, которые были заметны и понятны на Западе: прямой крой, широкие прямоугольные рукава, V-образный запах, асимметричный орнамент, единая композиция. Из костюма гейш был заимствован глубокий вырез ворота сзади, яркость красок одежды и подбивка подола ватой. Сезонность орнаментов, эстетика ваби-саби и скрытого шика *ики*, превалирование росписи над вышивкой в японской одежде для Запада были не столь явно видны, поэтому эти принципы зачастую опускали.

В аутентичном виде кимоно было плохо приспособлено для европейского обихода, поэтому японские производители-экспортеры придумали новый крой, который лучше соответствовал европейскому силуэту и моде конца XIX в. Такую адаптированную одежду называли одним словом «кимоно», а традиционный вариант *косодэ* называли словосочетанием «японское кимоно», чтобы не было путаницы. Наиболее распространёнными были два варианта кроя. Основу «кимоно» изготавливали из широкой ткани без центрального шва по спинке, а в боковые швы вставляли клинья для расклешения подола книзу. Второй вариант сохранял традиционный крой из узких полос, а в швы по бокам и сзади вставляли встречные складки. Длину изделия делали по росту – от линии плеч до пола, в отличие от традиционной японской – от макушки до пола. Также к «кимоно» прилагался мягкий пояс-кушак вместо традиционного оби. В компании

Иида Такасима сохранилась книга эскизов одежды на экспорт из 150 листов. 142 эскиза адаптированных «кимоно», 4 пальто китайского типа (mandarin coat) и 4 накидки (cape) [3, p. 164].

Первые упоминания о «кимоно» нового покроя встречаются в «Перечне экспортных товаров» 1904 г., где говорилось, что в 1901 г. в Чикаго «кимоно» пользовались популярностью. Именно с этого момента было принято решение об увеличении производства адаптированных «кимоно» на европейский рынок. Во Франции с декабря 1904 по февраль 1906 г. в журнале «Le Figaro-modes» рекламировали «кимоно» из магазина Витальди Бабани [3, p. 163]. Бабани был самым известным модельером, который перешивал и продавал «кимоно» для европейского рынка. Он привозил японские ткани в Париж, закупая их через торговый дом Либерти в Лондоне. Японский исследователь костюма Фукаи Акико пишет, что сын Витальди Бабани Морис даже владел вышивальными мастерскими в Киото, которые создавали вышивки для его моделей [2, p. 712]. В музее изящных искусств Бостона хранится сиреневое кимоно производства модного дома Бабани с традиционным узором, популярным среди самурайства, однако в узор добавлен вышитый павлин, которого чаще изображали в Китае, но он отвечал спросу европейцев. Это говорит о том, что ткань была создана изначально на заказ по европейскому вкусу [5, с. 86].

Среди других экспортных товаров кимоно занимало более скромное место, чем, например, лакированные изделия, фарфор и живописные свитки. Дело в том, что ткани всё же являются менее долговечным материалом, нежели, к примеру, фарфор, и мода меняется быстро. Поэтому вкладывать средства в кимоно могли только хорошо обеспеченные слои, для которых утрата дорогостоящей вещи не была существенной. В связи с этим поставки дорогостоящих кимоно в итоге не достигли массовых экспортных масштабов.

Восток для европейцев ассоциировался в первую очередь с Китаем, поэтому китайские мотивы были модными задолго до проникновения японских товаров, и это не могло не повлиять на дизайн одежды. Павлин (с сакурой) был одним из самых тиражируемых мотивов вышивки для экспортных кимоно. Японцы предложили Западу не только не совсем японские мотивы, но и стиль исполнения. Рисовальная гладь и реалистичная живописность вышивок также была не свойственна японскому традиционному стилю. Из китайского костюма также иногда заимствовали бордюрный орнамент, который располагали лентами по всем краям, и треугольный рукав-«колокольчик». Гладкие блестящие ткани, как китайский атлас, были популярнее японского матового крепа, поэтому большинство вышитых домашних платьев шиты из атласа или гладкого шёлка *хабутаэ*, более похожего на европейский репс или тафту.

С другой стороны, у европейцев существовали свои стереотипы в отношении японского дизайна. Например, они считали Японию страной хризантем, и это отмечал в своих отчётах Иида Синсити. Поэтому японцы стали активно применять узор хризантем в орнаментах японских товаров, одежды, дворцовой утвари и т. д., уже вне контекста сезонности. Стиль изображения этого цветка тоже часто диктовался вкусом европейцев и немного походил на китайский. Европейские взгляды были настолько значимы для японцев того периода, что хризантема была выбрана в качестве официального императорского

герба в 1868 г. В конце XII в. император Готоба, влюблённый в этот цветок, сделал его своим неофициальным знаком, хотя гербом императора всегда считалось солнце. Конечно, хризантема не была чужда японцам, но она была завезена из Китая и больше ассоциировалась с китайской культурой. По этой причине пришедшая из Поднебесной сезонная пара «слива (весна) – хризантема (осень)» была в период Хэйан заменена на пару «сакура – клён».

По мере роста популярности «кимоно», появились более дешёвые копии немецкого и французского производства. Эти товары рекламировали в американских каталогах, а во Франции более дешёвые аналоги «кимоно» даже имели собственное название – «кимоно садайко» или «якко дорэсу». Коммерсанты использовали популярность имени актрисы Каваками Садайко, которая с большим успехом гастролировала в Европе в начале XX в., чтобы повысить спрос на свой товар.

После победы Японии в Русско-японской войне мода на японские товары и японский стиль получила новый импульс. Поль Пуарэ в 1906 г. создал свои первые наряды новой конструкции – очень объёмные и свободно спадающие пальто-кимоно, которые получили своё название из-за глубокого выреза на спине, как на кимоно гейш. В дальнейшем, по мере освобождения женщин от корсета, Мадлен Вионе стала использовать новый прямой крой, такой же как в кимоно. Её одежда уже не повторяла изгибы тела, как раньше, а напоминала трубообразный силуэт кимоно, подвязанного поясом оби. С начала XX в. до 1920-х гг. Европа впитывала и перерабатывала кимоно во многих аспектах, начиная с конструкции и орнаментов и заканчивая эстетическими нормами и принципами композиции. Впоследствии эти платья нового стиля попали в Японию как модные тренды эпохи ар-деко.

За период с середины XIX в. до конца 1920-х гг. экспорт японской одежды на европейский рынок пережил ряд этапов от штучных частных закупок до массовых поставок тканей и адаптированных предметов роскоши. При этом японские торговые компании изначально воспринимали экспорт кимоно как средство дохода, а не как возможность популяризации японского традиционного эстетического мировоззрения. Правительство, в свою очередь, использовало экспорт искусных изделий ремесла как один из способов утверждения Японии в качестве развитой цивилизованной державы, равной европейским странам. По заказу правительства и торговых компаний ремесленники изготавливали такой товар, который был понятен европейцам, отвечал их требованиям и вкусам, даже если это шло вразрез с традиционными эстетическими принципами. Именно японские экспортёры стояли у истоков искажения традиционного японского дизайна костюма. Справедливо говоря, к экспортному кимоно применимо лишь определение «произведено в Японии». Атлас, вышивка кручёной нитью были более характерны для китайского костюма, но пользовались популярностью на Западе, поэтому вместо расписных тканей японцы везли туда вышитые, а у европейцев создавалось впечатление, что всё это традиционно японское. Конечно, некорректно утверждать, что экспортная одежда не имеет ничего общего с традиционным японским стилем, но всегда стоит учитывать факт смешения в этих вещах в разных пропорциях, как минимум, трёх эстетических культур – японской, китайской и европейской.

Экспортные товары стали основой возникновения «англо-японского стиля» в дизайне и стиля японизм в искусстве Запада. При этом развитие этих стилей вместе с ростом экспорта также прошло несколько этапов: знакомство, восприятие, копирование, переработка и взаимообмен. Как результат традиционное японское кимоно меняло свою форму. Сначала его использовали на Западе в аутентичном виде. Затем адаптировали к силуэту европейской одежды, частично совмещали с покроем европейской одежды или полностью перешивали в европейские предметы гардероба. А в 1920-х гг. и далее использовали только принципы эстетики кимоно для изготовления западной одежды: прямой крой, прямой силуэт, запáх, асимметрия.

Литература

1. Левшова Н. А. Роза и хризантема. М.: КнигИздат, 2018. 342 с.
2. Fukai A. Fashion: the collection of the Kyoto Costume institute: a history from the 18th to the 20th century. Köln: Taschen; Kyoto: The Kyoto Costume Institute, 2002. 727 p.
3. The Elegant Other: Cross-cultural Encounters in Fashion and Art. Tokyo: Rokuyusha, Yokohama Museum of Art and Kyoto Costume Institute, 2017. 238 p.
4. 別冊太陽、日本のこころ217。明治の細密工芸。東京：平凡社、2014年。176頁。= Альманах «Тайё». Серия «Душа Японии», вып. 217. Филигранные искусства эпохи Мэйдзи. Токио: Хэйбонся, 2014. 176 с.
5. ポストン美術館華麗なるジャパニズム展：印象派を魅了した日本の美。東京：NHK、2014年 248頁。= Взгляд на Восток: Западные художники и влияние Японии из фондов Музея изящных искусств в Бостоне. Каталог выставки. Токио: NHK, 2014. 248 с.
6. 高島屋の歴史。История торгового дома Такасимая // Сайт компании Такасимая. URL <https://www.takashimaya.co.jp/shiryokan/history/> (дата обращения: 25.01.2021)
7. 深井あきこ。ジャパニズムインファッション。東京：平凡社、1994年。299頁。= Фукай Акико. Японский стиль в истории моды. Токио: Хэйбонся, 1994. 299 с.

Olga A. KHOVANCHUK,

Ph. D. (in History), Associate Professor, Department of Japanese Studies, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).
E-mail: komanchister@gmail.com

Natalia N. KUZMENKO,

Ph. D. (in History), Professor, Department of Japanese Studies, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).
E-mail: kuzmenko.nn@dvfu.ru

Development of Clothing Supply from Japan to Europe in Late 19th – Beginning of 20th Century and its Cultural Influence

UDC 391

DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-2/64-72>

Japan,
Japanese traditional
costume,
Japanese style,
kimono,
kimono export,
japonisme,
fashion

The article deals with roots of exporting Japanese kimono to Europe and prerequisites for the emergence of export adaptations of the Japanese clothing. The role of the World Exhibitions in the development of technologies for the production of textiles and clothing in Japan, as well as in the spread of Japanese costume and Japanese aesthetics abroad was important. Anglo-Japanese style emerged in Britain and Japonisme style flourished in western countries from the second half of the 19th century through 1920's. History of trading companies of Iida Takashimaya and Shiino Shyobei shows us how flexible the marketing of Japanese kimono was, and how easily makers could change the construction and design of authentic kimono to please European clients. Production of traditional clothes was not in priority for Meiji government, and it was focusing only on producing interior textiles for new interiors of imperial palace in western style. That's why export of kimono was held by private trade companies. As a conclusion the stages of influence of kimono on western fashion and style are given.

For citation: Khovanchuk O. A., Kuzmenko N. N. Development of Clothing Supply from Japan to Europe in Late 19th – Beginning of 20th Century and its Cultural Influence // Oriental Institute Journal. 2021. № 2. P. 64–72. DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-2/64-72>

References

1. Levshova N. A. Roza i khrizantema. M.: KnigIzdat, 2018. 342 s.
2. Fukai A. Fashion: the collection of the Kyoto Costume institute: a history from the 18th to the 20th century. Köln: Taschen; Kyoto: The Kyoto Costume Institute, 2002. 727 p.
3. The Elegant Other: Cross-cultural Encounters in Fashion and Art. Tokyo: Rokuyusha, Yokohama Museum of Art and Kyoto Costume Institute, 2017. 238 p.
4. 別冊太陽、日本のこころ217。明治の細密工芸。東京：平凡社、2014年。176頁。= Al'manakh «Tajyo». Seriya «Dusha YAponii», vyp. 217. Filigrannye iskusstva ehpokhi Mehjdzi. Tokio: KHehjbonsya, 2014. 176 s.
5. ボストン美術館華麗なるジャパニズム展：印象派を魅了した日本の美。東京：NHK、2014年 248頁。= Vzgljad na Vostok: Zapadnye khudozhniki i vliyanie YAponii iz fondov Muzeya izyashhnykh iskusstv v Bostone. Katalog vystavki. Tokio: NHK, 2014. 248 s.
6. 高島屋の歴史。Istoriya trgovogo doma Takasimaya // Sajt kompanii Takasimaya. URL <https://www.takashimaya.co.jp/shiryokan/history/> (data obrashheniya: 25.01.2021)
7. 深井あきこ。ジャパニズムインファッション。東京：平凡社、1994年。299頁。= Fukai Akiko. YAponskij stil' v istorii mody. Tokio: KHehjbonsya, 1994. 299 s.

МЕТОДИКА

ВУ Нгок Винь,

канд. пед. наук, доцент Ханойского государственного университета (г. Ханой, Вьетнам)
Электронная почта: vinhiem2006@yahoo.com

ФАМ Куанг Лан,

аспирант Ханойского института иностранных языков при Ханойском государственном университете (г. Ханой, Вьетнам)
Электронная почта: lanpquang@gmail.com

Универсальная модель разработки системы упражнений для обучения устному последовательному переводу вьетнамских студентов-филологов

УДК 1751.8.3.2207

DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-2/73-84>

В статье рассматривается универсальная модель разработки системы упражнений для обучения устному последовательному переводу (УПП) вьетнамских студентов-филологов. В разработанную универсальную модель входят три блока упражнений: подготовительных, операционно-переводческих и собственно-переводческих. Каждый блок, в свою очередь, включает типы упражнений, призванных выработать соответствующие навыки, умения и операции УПП. Созданная на основе общепризнанных дидактических, общеметодических и частных принципов, учитывающих специфику обучения УПП, система упражнений моделирует типичные ситуации переводческой деятельности в соответствии с каждым из её этапов.

модель системы упражнений, обучение УПП, навыки, умение перевода

В настоящее время в целях удовлетворения возрастающей потребности общества как в специалистах, хорошо владеющих русским языком, так и переводчиках, способных устно переводить русскоязычную речь на вьетнамский язык, почти все факультеты русского языка и русской культуры языковых вузов Вьетнама расширяют масштаб подготовки студентов-филологов с переводческой ориентацией и повышают качество обучения данного контингента учащихся. Подготовка студентов-филологов к переводческой деятельности должна обеспечить снабжение их знаниями, умениями и навыками перевода, создающимися на основе использования специально подобранных учебных материалов с применением целесобразной методики обучения. Ключевым вопросом методики обучения перевода является система упражнений, поскольку упражнения – это основной способ выработки необходимых переводческих навыков, умений.

Проблемам разработки упражнений для обучения переводу посвящены многие работы зарубежных и отечественных исследователей. Однако в основном большинство из данных работ затрагивало упражнения для обучения письменному переводу. Устному переводу (УП) не было уделено должное внимание.

Данная публикация подготовлена на основе сообщения на международной онлайн-конференции «70-летие вьетнамско-российских отношений в области науки и образования» (19 октября 2020 г.), г. Ханой, Вьетнам.

Для цитирования:

Ву Нгок Винь, Фам Куанг Лан. Универсальная модель разработки системы упражнений для обучения устному последовательному переводу вьетнамских студентов-филологов // Известия Восточного института. 2021. № 2. С. 73–84. DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-2/73-84>

В зарубежной литературе упражнения для обучения УП вообще и устному последовательному переводу (УПП) в частности рассматривались в работах Р. К. Миньяра-Белоручева [7], Т. С. Серовой [11], И. С. Алексеевой [1], А. П. Миньяра-Белоручевой и К. В. Миньяра-Белоручева [6], Т. А. Казаковой [4], О. В. Железняковой [3] и др. Нужно отметить, что упражнения в названных учебных материалах, учебниках и пособиях посвящаются проблеме устного двустороннего перевода с русского на такие европейские языки, как английский, французский, немецкий, и в основном используются на переводческих факультетах языковых вузов России для подготовки профессиональных переводчиков, поэтому их применение к условиям обучения переводу во Вьетнаме, по нашему мнению, оказывается нецелесообразным и малоэффективным.

Во Вьетнаме мы не нашли более надёжной системы упражнений для обучения УПП с русского языка на вьетнамский. По нашему наблюдению, в созданных вьетнамскими авторами упражнениях по переводу отсутствуют системность и разнообразность типов и видов упражнений или не в должном объёме представляются упражнения, направленные на формирование и развитие необходимых навыков и умений для осуществления УПП [2].

Основываясь на теоретических и практических предпосылках составления упражнений для обучения устному переводу вообще, УПП в частности, мы разработали собственную систему упражнений, направленную на формирование и развитие навыков и умений УПП с русского языка на вьетнамский у студентов-филологов с переводческой ориентацией в рамках курса перевода на факультетах русского языка языковых вузов Вьетнама.

Из разнообразных видов и типов упражнений, разработанных в отечественной и зарубежной (в основном в русской) методической литературе, применительно к обучению одностороннему последовательному переводу, мы выбрали те, которые являются наиболее целесообразными и эффективными для формирования и развития навыков и умений у вьетнамских студентов в условиях отсутствия языковой среды. Система упражнений базируется на принципах постепенного нарастания трудностей, членения упражнений на блоки, учёта родного языка учащихся и их специальности, широкого комбинирования упражнений, направленных на достижение смежных целей, и целенаправленности упражнения. Следование намеченным принципам обеспечивает рациональность и эффективность создаваемой системы упражнений.

В соответствии с критерием функционально-стилистической и жанровой соотнесенности отбор текстов должен осуществляться в рамках определенных функциональных стилей, присущих конкретным сферам общения в реальной учебно-профессиональной коммуникации. Исходя из данного критерия отбора, включенные в систему упражнений тексты должны отражать такие жанры публицистического стиля, которые студентам часто приходится встречать в переводческой деятельности, как выступления, интервью, беседы и т. д. И. С. Алексеева подчеркивает, что охват материала должен быть не только актуальным, лингвокультурологически насыщенным, но и максимально широким, с использованием разнообразных жанров текстов устного перевода (выступления, дискуссии, переговоры, ин-

тервью, публичная речь, доклады и т. д.) и стилей (публицистический, разговорный), т. к. работа устного переводчика не ограничивается каким-либо одним жанром. Кроме того, тематика учебных текстов должна отражать требования и интересы современного рынка в сфере переводческих услуг [1, с. 352].

Специфику УПП, как любого другого вида устного перевода, определяют задействованные виды и формы переводческой деятельности. Это аудирование, запоминание, скоропись, трансформация и говорение, с каждым названным видом деятельности связаны соответствующие психологические механизмы и виды упражнений для выработки навыков, умений и операций УПП. В соответствии с действиями, которые приходится выполнить переводчику, с целью формирования и развития необходимых навыков и умений, предлагаем вниманию систему упражнений, в состав которой входят следующие блоки упражнений:

1) **подготовительные упражнения**, развивающие умение решать переводческие задачи, связанные с особенностями семантики языковых единиц и структур ИЯ и ПЯ;

2) **операционно-переводческие**, формирующие умение использовать различные способы и приёмы перевода, идущие от переводческого аудирования на ИЯ к устному оформлению перевода на ПЯ;

3) **собственно-переводческие**, вырабатывающие умение успешно выполнять необходимые действия на разных этапах переводческого процесса.

Ниже подробно представлена разработанная система упражнений для обучения УПП с русского языка на вьетнамский студентов-филологов с переводческой ориентацией. Модель системы упражнений представляется рисунком 1.

Ниже мы рассмотрим каждый блок упражнений и его типы:

Блок 1. Подготовительные упражнения

Умение и навыки перевода формируются на основе использования специально подобранных учебных материалов, которые можно разделить на подготовительные языковые (формирующие конкретные микронавыки) и переводческие упражнения (основные).

Каждое подготовительное упражнение независимо от его характера имеет трёх- или четырёхфазную структуру: 1) задача; 2) образец выполнения; 3) выполнение задания; 4) контроль выполненного задания. Образец исполнения является факультативным компонентом, так как в некоторых упражнениях он является необходимым, а в других нет никакой нужды.

В системе упражнений по обучению УПП к подготовительным упражнениям относятся: упражнения для работы над числительными, упражнения для работы над реалиями, упражнения для работы над географическими названиями, аббревиатурой, терминами и упражнения для работы над прецизионными словами. Рассмотрим некоторые типы из перечисленных подготовительных упражнений.

1.1. Упражнения для работы над числительными

Среди частей речи русского языка самыми трудными для усвоения вьетнамскими студентами материала являются числительные, сами по себе относящиеся к разряду прецизионных (однозначных) слов. Здесь имеются в виду простые, составные, сложные числительные,

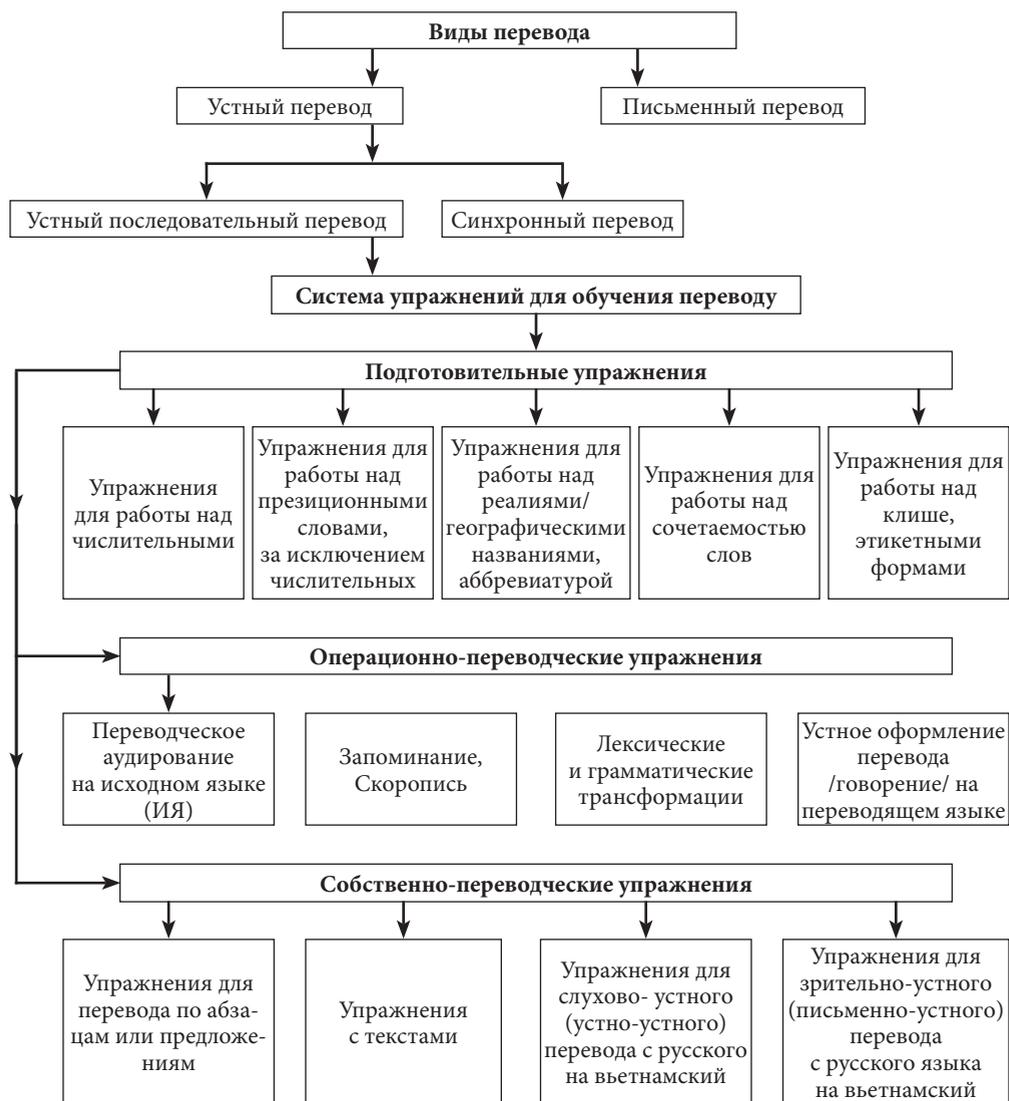

Рис. 1. Универсальная модель системы упражнений для обучения УПП. Источник: составлено авторами

¹ В этой схеме числительные со своими особенностями, отделённые от прецизионных слов, подчиняются методической цели.

дробь, словосочетания с числительными (предложные и беспредложные) и т. п. Выделение числительных в курсе устного перевода в отдельную группу упражнений подчиняется методическим целям. Работа над числительными должна проводиться систематически, регулярно в начале занятия. Перевод-диктовка числительных – одно из упражнений, подготавливающих перевод на слух основных текстов, помогает совершенствовать и навык оперирования цифровым материалом, весьма часто вызывающим интерференцию родного языка учащихся.

Приведем несколько примеров упражнений с числительными:

- Замените прописи цифрами, обращая внимание на их способы чтения.

- Прослушайте, запишите следующие номера телефонов.
- Прослушайте следующие ряды чисел, дроби.
- Прослушайте и переведите следующие цифровые обозначения.
- Прослушайте и переведите следующие числительные, обращая внимание на ассоциативные (связанные) с ними социально-исторические события.

1.2. Упражнения для работы над реалиями

Реалии – это слова, обозначающие понятия, предметы и ситуации, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке. Поскольку реалии не имеют эквивалентов в другом языке, то проблема перевода данного вида безэквивалентной лексики является одной из самых актуальных в лингвистике и переводоведении.

Отсюда необходимость практиковать данные слова при помощи подготовительных упражнений или факультативно, чтобы обогатить свой словарный запас по изучаемому языку и повысить эффективность переводческой компетентности. Для перевода реалий (как и для перевода терминов, заимствованных слов, аббревиатур, географических названий, наименований историко-культурных объектов, титулов и званий, названий учебных заведений и т. п.) с русского языка на вьетнамский обычно используются следующие способы: транскрипционный или транслитерационный (без родо-видового слова или с родо-видовым словом), семантический, калькирующий.

Блок 2. Операционно-переводческие упражнения

2.1. Упражнения для аудирования

УПП начинается с аудирования звучащей речи на исходном (русском) языке. Поэтому на начальном этапе обучения устному переводу студентов-филологов с переводческой ориентацией широко вводится аудирование, которое крайне необходимо будущему устному переводчику.

Студенты начинают устно переводить простые устные и письменные тексты с русского языка на родной.

Аудирование при устном переводе протекает в более сложных условиях, чем речевое умение аудировать, а именно: кратковременность восприятия, неповторяемость, короткотечность, ограниченность темпа речи оратора, большая нагрузка на память, требующих быстроты запоминания и предельной точности. Усложняет процесс аудирования и зависимость восприятия исходного сообщения от владения оратором техникой речи и условиями восприятия. Безусловно, можно считать, что аудирование при устном переводе играет перво-степенно важную роль. Только при успешном понимании смысла исходного сообщения и его нюансов возможны надёжное запоминание и качественный перевод.

Восприятие и понимание при УПП связаны с такими механизмами аудирования, как механизмы оперативной памяти, языковой догадки, вероятностного прогнозирования и механизм осмысливания. Упражнения на формирование и развитие названных механизмов хорошо и многочисленно представлены при обучении аудированию как самостоятельному виду речевой деятельности. Однако при УПП эти механизмы происходят в условиях неповторяемости и кратковременности, поэтому в разработанной системе упражнений большое внимание было обращено на упражнения, обучающие названным ме-

ханизмам в условиях УПП. Ниже представляется перечень названий примерных упражнений, направленных на формирование и развитие навыков и умений переводческого аудирования исходного сообщения:

- упражнения на выделение ключевых слов и определение предмета сообщения;
- упражнения на развитие умения разбивать текст на смысловые фрагменты;
- упражнения на выделение ключевой информации;
- упражнения на развитие механизма вероятностного прогнозирования.

В заданиях к этим упражнениям предлагаем последовательный односторонний перевод на слух с русского языка на вьетнамский отдельных фраз, небольших абзацев и мини-текстов, что способствует совершенствованию таких умений, как хорошее понимание устной речи, мысленный перевод и запоминание, а также развивает правильную речь на языке перевода. Задания к этой группе упражнений могли бы выглядеть следующим образом:

- Прослушайте название текста и его первую фразу и скажите, о чём может идти речь в тексте.

Прослушайте текст, определите абзац, содержащий главную информацию. Кратко изложите её на родном языке.

Прослушайте текст и разделите его на законченные смысловые отрезки.

Запишите основную мысль каждого смыслового отрезка. Затем кратко изложите содержание на родном языке.

2.2. Упражнения для обучения запоминанию

Запоминание большого объёма информации и порядка следования единиц информации обеспечивается развитой кратковременной памятью. Понимание и запоминание при УПП тесно связаны между собой. Однако требования к памяти определяются величиной и сложностью исходного сообщения. Величина запоминаемого текста обратно пропорциональна его сложности. Следовательно, в конечном счёте при последовательном переводе объективно измеряемым параметром может служить величина текста, которая может также зависеть и от темпа речи оратора, фонетики, плавности и связности его речи, логики изложения материала, акустических условий перевода.

Целью упражнений для обучения запоминанию являются развитие объёма кратковременной и оперативной памяти, освоение вспомогательных приёмов запоминания. Мнемотехника позволяет развить качественную и позиционную память, то есть запоминание большого объёма информации и порядка следования единиц информации. В качестве упражнений на тренировку и развитие мнемотехники рекомендуем выполнять следующие:

- упражнения «снежный ком» или упражнения с повторением, упражнения постепенного увеличения объёма припоминаемой информации;
- упражнения восприятия на слух ключевых элементов;
- точное воспроизведение фрагмента текста на родном языке;
- упражнение по развитию внимания переводчика.

2.2. Упражнения для обучения переводческой скорописи

Очевидно, что возможности оперативной памяти переводчика не безграничны. Обычно при хорошо тренированной памяти запоминанию поддаётся высказывание, содержащее не более 2–3 пар причинно-следственных связей и состоящее из 1–2 предложений. Увеличение объёма исходного сообщения или его сложности приводит к тому, что память с ним уже не справляется, отсюда необходимость использования вспомогательных средств для её разгрузки. Именно таким средством и является переводческая скоропись. Однако скоропись помогает переводчику только в том случае, когда она доведена до автоматизма. В противном случае ведение переводческой скорописи может только усложнить процесс перевода.

Упражнения по обучению переводческой скорописи включают в себя следующие группы: а) первая группа упражнений направлена на обучение употреблению в переводческой скорописи общеизвестных и общепринятых аббревиатур, знаковых обозначений, символов; б) упражнения второй группы нацелены на обучение употреблению сокращённых слов на родном и иностранном языках, условных знаков переводческой скорописи; в) третья группа упражнений направлена на развитие умения фиксировать прецизионную информацию в быстром темпе.

Задания к этим упражнениям могут быть следующими:

- прослушайте на родном/иностранном языке, зафиксируйте и восстановите в естественном темпе на языке оригинала/перевода предложенную последовательность чисел.

- прослушайте на родном/иностранном языке, зафиксируйте и восстановите в естественном темпе на языке оригинала/перевода следующие даты.

- зафиксируйте и восстановите в естественном темпе предложенный список русских поэтов и писателей и годы их жизни.

- зафиксируйте и восстановите в естественном темпе предложенный список руководителей Российского государства.

2.3. Упражнения, направленные на устное оформление перевода

К устному оформлению перевода исходного русского текста на вьетнамский язык следует подходить особенно внимательно, потому что оно выступает в качестве критерия всей работы переводчика. Именно оформление перевода показывает, насколько глубокое и отчетливое понимание исходного текста было достигнуто в процессе восприятия речи. Оформление позволяет также судить, насколько развит навык и умение переключения с одного языка на другой.

Для формирования навыков и умений устного оформления перевода исходного текста на вьетнамский язык рекомендуем следующие упражнения:

- упражнения, обучающие выработке навыков применения переводческих трансформаций (приёмов);

- упражнение в автоматизированном употреблении в речи эквивалентов наиболее употребительной лексики общественно-политического характера и грамматических структур.

- упражнение в технике устной речи;

- упражнения для формирования навыка переключения с русского языка на вьетнамский.

Умение переводить устно предполагает знание наиболее частотных употребительных соответствий двух языков, которые, как образ-

но выразился Я. И. Рецкер, «являются своего рода катализаторами в процессе перевода. Их роль трудно переоценить особенно в процессе устного перевода. Именно эти единицы перевода, имеющие постоянные соответствия в родном языке, прежде всего проясняются в сознании переводчика и помогают ему понять значение окружающего контекста и всего высказывания в целом, даже содержащего незнакомые слова» [10, с. 49]. Однако знание переводческих соответствий не является достаточным для устного переводчика. Мы полностью согласны с Л. К. Латышевым, который отмечает, что «устный переводчик должен с высокой степенью автоматизма использовать наиболее употребительные переводческие соответствия» [5, с. 280]. Именно поэтому упражнения на закрепление лексических, лексико-фразеологических и терминологических эквивалентов входят во все комплексы упражнений по обучению устному переводу: и последовательному, и синхронному в частности.

Здесь речь идёт о группе упражнений, в заданиях которых указывается задача подбирать эквиваленты, соответствующие лексической единице или грамматической структуре, подчёркивающие в предложениях или текстах на русском языке. При этом в задачу студента может входить, например:

- перевод изолированных языковых единиц, передача значений указанных единиц и структур в составе высказываний,
- перевод высказываний, содержащих определённые единицы и структуры.

Блок 3. Собственно-переводческие упражнения

В системе упражнений для обучения УПП, кроме подготовительных и операционно-переводческих блоков упражнений, завершающим и обязательным блоком выступают собственно-переводческие упражнения, то есть «такие структурные единицы методической организации материала вторичного порядка, которые обеспечивают предметные действия с этим материалом и формирование на их основе умственных действий» [12]. Следует отметить, что третий блок упражнений обеспечивает реальную переводческую коммуникацию путём использования умений и навыков, сформулированных и развитых в ходе выполнения упражнений первых двух блоков.

К упражнениям данного блока выдвигаются определённые требования. Так, обобщая существующие точки зрения, можно сформулировать следующие требования к собственно-переводческим упражнениям для обучения УПП: упомянутые упражнения должны функционировать как единый комплекс в пределах структурной единицы обучения (темы), то есть промежуточные задачи, решаемые соответствующими операциями (например, поиск эквивалента, аналога), должны преимущественно входить в состав более общих задач (перевода на уровне микротекста, текста).

Собственно-переводческие упражнения призваны тренировать переводческие навыки и умения, то есть они направлены на тренировку точного перевода и на формирование навыков общего восприятия услышанной информации, её структурирование, резюмирование или на работу с отдельными частями текста для развития УПП на иностранном языке. Собственно-переводческие упражнения – это самый большой блок упражнений в системе обучения УПП, успеш-

ное выполнение которых свидетельствует о том, что навык освоен и компетенция сформирована. Основным заданием таких упражнений является перевод учебных или реальных материалов и дальнейшая работа с ними. В блок заданий на собственно перевод включаются следующие виды: письменно-устный (или зрительно-устный) последовательный, устно-устный последовательный перевод диалога (беседы), в том числе и двусторонний. К ним относятся задания на: аудирование (запись выступления в виде монологического текста и двусторонний перевод в лингафонном кабинете); развитие навыков и умений передачи основной информации на языке перевода после прослушивания текста на языке оригинала; нахождение определённых данных на языке оригинала для включения их в текст перевода (путём сужения, расширения, добавления, опущения, замены... информации текста); устное аннотирование на русском языке текста, прочитанного на вьетнамском языке или наоборот. Для третьего блока характерны следующие задания:

- сделайте абзацно-фразовый перевод следующих сообщений/текстов на вьетнамский язык;

- сделайте слухово-устный (устно-устный) перевод следующих сообщений/текстов на вьетнамский язык (без опоры на текст на русском языке);

- сделайте зрительно-устный (письменно-устный) перевод следующих сообщений/текстов на вьетнамский язык (с опорой на текст на русском языке);

- сделайте полный (или реферативный/сокращённый) устный последовательный перевод с записью следующих сообщений/текстов на вьетнамский язык, используя все возможные виды скорописи;

- прослушайте и переведите сначала в полной, затем в сокращённой форме следующий абзац (текст);

- прослушайте и переведите следующий текст на вьетнамский язык (чтение с соответствующими интервалами для устного перевода);

- работая в парах, передайте основное содержание текста на вьетнамском языке (первый студент) и переведите высказывание своего партнёра с вьетнамского языка на русский (второй студент).

Итак, разработанная модель системы упражнений в рамках этой статьи моделирует не всю деятельность переводчика в целом, а лишь её определённую часть. Виды и типы упражнений могут быть направлены на формирование как отдельных конкретных навыков и умений, так и группы навыков. Упражнения должны быть направлены на накопление и расширение словарного запаса обучаемых: лексических, грамматических, лексико-фразеологических и терминологических эквивалентов из общественно-политической сферы. Упражнения также отрабатывают отдельные переводческие приёмы, например, приёмы трансформации, смыслового анализа или компрессии и т. д. Всё это будет способствовать более успешному овладению УПП.

Заключение

Результат опытного обучения подтверждает наше предположение о том, что разработанная универсальная модель системы упражнений отвечает всем требованиям к системе. Во-первых, она является целостной, ее свойства не сводятся к сумме свойств ее составляющих, а каждый элемент зависит от его роли и места, а также его функции в

системе. Во-вторых, она соответствует требованиям структурности, имея чёткую и ясную структуру, а также обеспечивает взаимозависимость системы и среды: формирует и проявляет свои свойства во взаимодействии с действующими (в каждый конкретный момент) требованиями до обучения переводу. В третьих, данная модель системы упражнений отвечает требованиям иерархичности. Её многочисленные уровни являются подсистемами по отношению к высшим уровням и системами – по отношению к низшим.

Разработанная универсальная модель системы упражнений для обучения УПП вьетнамских студентов-филологов соответствует требованиям множественности описания, позволяя построить различные её подсистемы (допустим, для обучения УПП в рамках вузовской подготовки студентов-филологов и переводчиков устного перевода), каждая из которых рассматривается как один из аспектов системы. Удовлетворение требования множественности обеспечивает динамичность и открытость определенной системы, которая (так же как и ее подсистемы) может варьироваться в зависимости от потребности общества, легко интегрируя в свой состав новые подсистемы, призванные удовлетворить конкретные запросы.

Созданная модель системы упражнений рассматривается как универсальная, поскольку на основе этой модели можно разработать специализированные системы упражнений, предназначенные для конкретного контингента учащихся в каждом языковом вузе Вьетнама. Тем более материал разработанной системы упражнений может быть использован также при составлении учебников и пособий по теории и практике обучения УПП не только во вьетнамской, но и в иностранной аудитории.

Литература

1. Алексеева И. С. Введение в переводведение: учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. 6-е изд. стер. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Академия, 2005. 368 с.
2. Ву Нгок Винь. Пособие по обучению устному переводу (для студентов-филологов Ханойского университета). Ханой, 2008. 124 с.
3. Железнякова О. В. Successful interpreting. Сборник заданий по устному переводу с аудио- и видеоприложением. Сетевое электронное учебное издание. Мн, 2012. 93 с. ORL: <http://elearning.mslu.by/assignments/37/> (дата обращения: 01.09.2020).
4. Казакова Т. А. Практические основы перевода. English – Russian. СПб.: Союз, 2006. 320 с.
5. Латышев Л. К. Технология перевода. М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2001. 280 с.
6. Миньяр-Белоручева А. П., Миньяр-Белоручев К. В. Английский язык. Учебник устного перевода. 4-е изд. стер. М.: Экзамен, 2008. 350 с.
7. Миньяр-Белоручев Р. К. Пособие по устному переводу (Записи в последовательном переводе) для институтов и факультетов иностранных языков. М.: Высшая школа, 1969. 191 с.
8. Нгуен Ван Тоан. Система упражнений для обучения конспектированию аудитивных текстов научного стиля студентов в Военно-технической Академии. Автореф. дисс. канд. пед. наук. Ханой, 2011. 24 с.
9. Нечаева В. М. Методика обучения переводческой деятельности (в рамках курса русского языка как иностранного). М.: Русский язык, 1994. 85 с.
10. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода. М.: Р. Валент, 2004. 204 с.

11. Серова Т. С. Упражнения в устном С. 103.

последовательном одностороннем переводе // Теория и практика перевода и профессиональной подготовки переводчиков: материалы междунар. науч.-практ. конф. (16–17 фев. 2005 г.). Пермь.: ПГТУ, 2005.

12. Черноватый Л. Н. Методика преподавания перевода как специальности: учебник для студентов высших учебных заведений по специальности «Перевод». Винница: Новая книга, 2013. 376 с.

Ngoc Vinh VU,

Ph. D. (in Pedagogy), Associate Professor, Hanoi National University (Hanoi, Vietnam)

E-mail: vinhiem2006@yahoo.com

Quang Lan PHAM,

Postgraduate Student, University of Languages and International Studies, Vietnam National University (Hanoi, Vietnam)

E-mail: lanquang@gmail.com

Universal Model to Build a System of Consecutive Interpretation Exercises for Vietnamese Language-Specialized Students

UDC 1751.8.3.2207

DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-2/73-84>

The article provides a description of a universal model to build a system of consecutive interpretation exercises for Vietnamese language-specialized students. The developed model includes three blocks of exercises, namely: preparatory exercises, manipulation exercises and translation exercises. In turn, each exercise block contains exercises to practice the corresponding skills, techniques and consecutive interpreting operations. Built on the basis of generally recognized didactic and methodological principles along with particular ones taking into account the specificity of consecutive interpreting, the system of exercises simulates typical situations of translation activity appropriate for each stage.

systematic model of exercises,

teaching consecutive translation,

skills,

translation skills

The publication is based on a presentation at an international online conference "70th anniversary of Vietnamese-Russian relations in the field of science and education" (October 19, 2020), Hanoi, Vietnam.

For citation: Ngoc Vinh Vu, Quang Lan Pham. Universal Model to Build a System of Consecutive Interpretation Exercises for Vietnamese Language-Specialized Students // Oriental Institute Journal. 2021. № 2. P. 73–84. DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-2/73-84>

References

1. Alekseeva I. S. Vvedenie v perevodovedenie: ucheb. posobie dlya stud. filol. i lingv. fak. vyssh. ucheb. zavedenij. 6-e izd. ster. SPb.: Filologicheskij fakul'tet SPbGU; M.: Akademiya, 2005. 368 s.

2. Vu Ngok Vin'. Posobie po obucheniyu ustnomu perevodu (dlya studentov-filologov KHanojskogo universiteta). KHanoj, 2008. 124 s.

3. ZHeleznyakova O. B. Successful interpreting. Sbornik zadaniy po ustnomu

perevodu s audio- i videoprilozheniem. Setevoe ehlektronnoe uchebnoe izdanie. Mn, 2012. 93 s. ORL: <http://elearning.mslu.by/assignments/37/> (data obrashheniya: 01.09.2020).

4. Kazakova T. A. Prakticheskie osnovy perevoda. English – Russian. CPb.: Soyuz, 2006. 320 s.

5. Latyshev L. K. Tekhnologiya perevoda. M.: NVI-TEZAURUS, 2001. 280 s.

6. Min'yar-Beloruheva A. P., Min'yar-

- Beloruchev K. V. Anglijskij yazyk. Uchebnik ustnogo perevoda. 4-e izd. ster. M.: EHkzamen, 2008. 350 s.
7. Min'yar-Beloruchev R. K. Posobie po ustnomu perevodu (Zapisi v posledovatel'nom perevode) dlya institutov i fakul'tetov inostrannykh yazykov. M.: Vysshaya shkola, 1969. 191 s.
8. Nguen Van Toan. Sistema uprazhnenij dlya obucheniya konspektirovaniyu auditivnykh tekstov nauchnogo stilya studentov v Voенno-tekhnicheskoy Akademii. Avtoref. diss. kand. ped. nauk. KHanoj, 2011. 24 s.
9. Nechaeva V. M. Metodika obucheniya perevodcheskoj deyatel'nosti (v ramkakh kursa russkogo yazyka kak inostrannogo). M.: Russkij yazyk, 1994. 85 s.
10. Retsker YA. I. Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika. Oчерki lingvisticheskoy teorii perevoda. M.: R. Valent, 2004. 204 s.
11. Serova T. S. Uprazhneniya v ustnom posledovatel'nom odностoronnnem perevode // Teoriya i praktika perevoda i professional'noj podgotovki perevodchikov: materialy mezhdunar. nauch-prakt. konf. (16–17 fev. 2005 g.). Perm': PGTU, 2005. S. 103.
12. CHernovatyj L. N. Metodika prepodavaniya perevoda kak spetsial'nosti: uchebnik dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedenij po spetsial'nosti «Perevod». Vinnitsa: Novaya kniga, 2013. 376 s.

СИПОЗИУМ

КУЗНЕЦОВ Анатолий Михайлович,

доктор ист. наук, профессор кафедры международных отношений Восточного института – Школы региональных и международных исследований ДВФУ (г. Владивосток).

Электронная почта: kuznetsov.2012@mail.ru

БОНДАРЕНКО Дмитрий Михайлович,

член-корреспондент РАН, доктор ист. наук, зам. директора по науке Института Африки РАН (г. Москва).

Электронная почта: dmitrimb@mail.ru

ГАВРИЛОВ Вячеслав Вячеславович,

доктор юрид. наук, профессор, директор Юридической школы ДВФУ (г. Владивосток).

Электронная почта: gavrilov.vv@dvfu.ru

КОНЫШЕВ Валерий Николаевич,

доктор полит. наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург).

Электронная почта: konyshev06@mail.ru

ЛУКИН Артём Леонидович,

канд. полит. наук, доцент кафедры международных отношений Восточного института – Школы региональных и международных исследований ДВФУ (г. Владивосток).

Электронная почта: artlukin@mail.ru

МАЛЯВИН Владимир Вячеславович,

доктор ист. наук, профессор-исследователь департамента зарубежного регионоведения НИУ «Высшая школа экономики» (г. Москва).

Электронная почта: vmalyavin@hse.ru

НАЗАРОВ Равшан Ринатович,

канд. филос. наук, доцент Ташкентского филиала Российского экономического университета им.

Г. В. Плеханова (г. Ташкент, Республика Узбекистан).

Электронная почта: shon2002@yandex.ru

ФЕДОРЧЕНКО Сергей Николаевич,

канд. полит. наук доцент Московского областного педагогического университета (г. Москва).

Электронная почта: s.n.fedorchenko@mail.ru

ЯЧИН Сергей Евгеньевич,

доктор филос. наук, профессор департамента философии и религиоведения Школы искусств и гуманитарных наук ДВФУ (г. Владивосток).

Электронная почта: yachin.se@dvfu.ru

«Блеск и нищета идентичности»: какие угрозы несут теоретические небрежности?

УДК 303(327)

DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-2/85-107>

20 мая 2021 г. кафедра международных отношений Восточного института – Школы региональных и международных исследований ДВФУ провела теоретический семинар «Блеск и нищета идентичности: какие угрозы несут теоретические небрежности?». Участие в семинаре приняли как сотрудники ДВФУ, так и представители других университетов и научно-исследовательских организаций. С главным докладом на семинаре выступил профессор кафедры международных отношений Анатолий Кузнецов, который проанализировал общие аспекты концепта «идентичности» и его значение

Для цитирования:
Кузнецов А. М., Бондаренко Д. М., Гаврилов В. В., Коньшев В. Н., Лукин А. Л., Малявин В. В., Назаров Р. Р., Федорченко С. Н., Ячин С. Е. «Блеск и нищета идентичности»: какие угрозы несут теоретические небрежности? // Известия Восточного института. 2021. № 2. С. 85–107. DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-2/85-107>

применительно к международным отношениям. Как подчеркнул докладчик, несмотря на то, что понятие идентичности прочно утвердилось в международно-политическом дискурсе, абсолютизация его возможностей в сфере международных отношений вызывает большие сомнения.

Ключевые слова: идентичность, коллективные идентичности, методологический национализм, методологический индивидуализм, методологический коллективизм, принцип сложности

Идентичности упрощают... делая неизвестное известным
Тед Хонф

...социальные и гуманитарные науки сдались на милость слова «идентичность»..., что влечёт интеллектуальные и политические последствия и ввиду чего необходимо найти более удачную исследовательскую альтернативу.
Роджер Брубейкер, Фрэнсис Купер

... это факт, что у нас нет краткого, но адекватного итогового определения [идентичности], которое бы объединяло весь спектр её современных значений, количество которых стало уже почти скандальным.
Джеймс Фирон

А. М. Кузнецов. Современная ситуация в мире характеризуется резким обострением отношений между ведущими государствами и их блоками. Новым обстоятельствам сопутствовало внедрение таких определений, как эффект «чёрных лебедей», и признания ведущих специалистов и экспертов по международным отношениям в том, что они не понимают происходящее в мире. Сложившееся положение разворачивалось на фоне констатации кризиса в теории международных отношений. В результате не удаётся дать адекватного объяснения усиливающей конфронтации, а тем более оценивать риски принимаемых решений.

Характеризуя текущее состояние в области теории международных отношений и ряда других социально-гуманитарных наук, той же антропологии/этнологии, можно констатировать такой их существенный недостаток, как игнорирование **принципа сложности**, которое не даёт возможности реально оценивать риски стабильности внутри государств и на международной арене. Проявлением подобной научной неадекватности можно рассматривать, во-первых, доминирование разных вариантов **редукционизма**. В этом спектре оказываются и **отказ от больших теорий** в угоду «дряблему плюрализму», и стремление свести сложную проблематику к **отдельным её составляющим или уровням**. Особо следует также отметить опасную тенденцию к поиску универсального **концепта-интегратора** («отмычки»), способного раскрыть смысл невероятно сложных явлений. На такую роль сначала выдвигали концепты **поведение/действие**, затем **культуру**, а в последнее время всё более назойливо о себе заявляет **идентичность**.

В своё время философская идея идентичности, как отмечал В. С. Малахов, означала **тождество бытия и интеллектуального созерцания, реальности и идеальности** [6; 7]. Новый смысл (личностный) этот концепт получил в психоанализе З. Фрейда, а затем в 1950-е гг. в теории развития индивида Э. Эриксона, которую рассматривали как «место встречи» **философской и обществоведческой традиций** [13].

Показательно, что этот психологизированный концепт стал активно продвигаться в разные области социально-гуманитарного знания в условиях постмодернистского вызова с 1970-х гг. Популярность ему добавил междисциплинарный семинар по проблеме идентичности и публикация под редакцией К. Леви-Стросса сборника его материалов [17]. В немалой степени популярность концепта идентичность росла за счёт придания ему коллективных значений (национальная, государственная, страновая и т. д.) [5; 9; 10; 11]. Подобная **антропоморфизация** данных явлений, ранее рассматриваемых как самостоятельные сущности, является очень показательной для начала **антропологического поворота**. Смысл его заключается в признании значимости человека в разных общественно-политических сферах его жизнедеятельности [1]. Однако повсеместное внедрение концепта идентичность явилось упрощённой, а потому и чреватой издержками реакцией на указанный поворот, как это уже отмечали Р. Брубейкер и Ф. Купер [2]. Конечно, идентичность – это лучше, чем банальные антропоморфизмы, как, например, государства – тоже люди, Америка предприняла, Китай решил, Россия отвергла и т. д. В любом случае, как отметил Т. Хопф, идентичности упрощают реальность. Поэтому сегодня так важно провести **научный анализ** реальных эвристических возможностей понятия и концепта идентичность. Поэтому я хотел бы сначала остановиться на тех теоретико-методологических издержках, которые заложены в самой теории/теориях идентичности и практиках её применения.

Специалисты-международники, обремененные грузом **позитивизма** и **бихевиоризма**, обратились за спасением к идентичности с запозданием, в конце 1980-х гг. При продолжающихся дебатах между реалистами и идеалистами особую активность в продвижении данного концепта продемонстрировали противники первых [14]. Они, осознав роль человека, политических объединений, граждан, решили с помощью этого человеко-ориентированного термина заменить базовые концепты оппонентов: государство и государственный интерес. Дальше, ещё больше [15]! Как полагают, в частности, Т. Хопф и Э. Берк: «идентичности» **выражают нашу онтологию международного и играют центральную роль в политике**. А. Вендт ещё утверждал, что идентичности как структурируют отношения, так и превращают **анархию** в динамическое **международное общество** [19; 20]. Важным моментом в продвижении идентичностной перспективы стало предположение, что общие коллективные идентичности создают **мирные отношения** между государствами. Отсюда и утверждение, что общепринятые **либеральные нормы и ценности** генерируют «правильную» коллективную идентичность. В подобных представлениях следует видеть и чётко проявляющееся сейчас стремление «переформатировать» Россию из «Другого» для «Запада» в своё подобие через насаждение соответствующей идентичности и связанных с ней «ценностей». При этом считается, что идентичности не являются присущими нам, но конструируются на основе идей, норм, ценностей, символов, дискурсов и практик, часто подаваемых под ярлыком «культура».

Для оценки ситуации с продвижением концепта идентичность следует учитывать **антропологический базис**, на котором основаны рассуждения об идентичности. Как показали французские исследо-

ватели: «Принято считать, что современная личность – это законченный индивид, отбросивший остатки конформизма, лишённый чувства долга и обязательств по отношению к прошлому. Он воспринимает общество, в котором живёт, как внешнее по отношению к себе, а потому пренебрегает общественными интересами в пользу личных» [12, с. 8]. Говоря другими словами, речь идет о традиции исследований идентичности, возникшей в условиях обществ с ярко выраженными **индивидуалистическими началами**. Современные реалии США и Франции наглядно демонстрируют подобную ситуацию, стимулировавшую внедрение принципа **методологического индивидуализма** в социально-гуманитарные исследования. Смысл его сводится к проецированию свойств и качеств, присущих реальным индивидам, на такие явления, как страна, государство, нация, общность [9; 11]. Однако в большинстве государств Азии, Африки и Латинской Америки роль индивидуализма ещё не столь значима, по сравнению с семейными, клановыми, групповыми, конфессиональными или другими обстоятельствами. В последнем случае корректнее вести обсуждение различных проблем с позиций **методологического коллективизма** (социального реализма), отстаивающего важное значение **общественных, коллективистских** начал в формировании индивидов. При всей «плодотворности» дискуссий между сторонниками обоих указанных подходов, с позиций **принципа сложности** следует рассматривать индивидов и их различные объединения как **разные уровни** общих этнических, национальных и социальных явлений. Игнорирование данного обстоятельства и неоправданное перенесение свойств первого уровня на анализ условий второго – не что иное, как яркое проявление **методологического национализма**, т. е. навязывание интерпретации концепта, сформировавшейся на Западе всему остальному миру. Но, с другой стороны, это ещё и **методологическая погрешность**, связанная с игнорированием **реальности разных уровней организации** общественных явлений. Конечно, ситуация на Западе, характеризующаяся сейчас крайним индивидуализмом, как следствие ещё и социальной аномией, на которые сегодня дополнительно накладывается и миграционный кризис, провоцирует настроения о деградации социумов, когда единственной реальностью остаются только мнения и взгляды реальных индивидов (**идентичность**) и **политики идентичности** государств. Здесь уместно напомнить цитату из выступления «железной леди» М. Тэтчер: «Такое явление, как общество, не существует. Есть только живая ткань, образуемая мужчинами и женщинами...». Однако обращаю внимание, она всё же говорила о некоей **ткани**. Поскольку социальная эволюция началась не вчера и уж тем более не сегодня, поэтому не стоит так абсолютизировать современные обстоятельства, откровенно игнорировать социальную динамику и всё сводить к его величеству индивиду. Так недолго прийти и к банальному анархизму.

Следовательно, в приведенном контексте становится очевидно, что появление самого концепта «идентичность» отражает реалии обществ с ярко выраженными **индивидуалистическими началами**. В условиях начавшегося антропологического поворота состоялось признание значимости участия **человека** и присущих ему **качеств** в разных сферах общественной жизни. Под влиянием методологического индивидуализма произошло неоправданное перенесение свойств ин-

дивидов на коллективные явления, связанные с социальной, этнической, национальной и другими реалиями **коллективного уровня**. В силу негативного отношения к этим реалиям в западной практической и научной традициях здесь и появились концепты **коллективной идентичности**, упрощающие реальные обстоятельства. Такое положение стало возможным ещё и в силу игнорирования исторической составляющей в формировании данного явления. Но ещё К. Маркс писал о том, что: «Наследие мёртвых, как кошмар, довлеет над умами живых». Не случайно, сегодня в Английской школе теории международных отношений призывают соединить международные отношения с историей. Такое продвинутое направление, как экономический институционализм, поставило проблему зависимости институтов от предшествующей траектории развития. В принципе, к этому же призывает теория трендов и мегатрендов. Если же мы игнорируем данные обстоятельства, то, как было отмечено: «Идентичность всегда присутствует как нечто уже **существующее для групп и индивидов**, даже если содержание определённых идентичностей и границ, отделяющих группы друг от друга, концептуализируется как находящиеся в **постоянном процессе изменения**» [2].

Кроме того, следует отметить противоречивость и многозначность, которые «запакованы» в самом концепте идентичность. На него возложены задачи объединения одних людей и обособления их от других, он должен обеспечивать как стабильность, так и изменчивость в представлениях и взглядах индивидов, являться служебным инструментом и отражением реальности. Обращает также внимание множественность возможных идентичностей: национальной, этнической, религиозной, профессиональной, языковой и т. д. Наконец, как показал А. Турен, несмотря на то что в формировании идентичности важное место отводится взаимодействию с «Другими», «...нередко утверждение собственной идентичности сопровождается отторжением самого принципа **инаковости**» [12]. В целом можно утверждать, что теории **социальной, международной** и прочих коллективных идентичностей игнорируют важное обстоятельство, связанное с взаимодействием индивида с **миром или мирами человека и влияния**, которое они оказывают на индивидов. Такие миры, при том что они создаются разными поколениями людей, имеют свою сущность и логику развития, независимую от их восприятия и осмысления индивидами. Поэтому заменять эти миры упрощёнными групповыми или коллективными идентичностями, которые, в свою очередь, замещают такие явления, как общество, государство, нация, этническая общность, совершенно неправомерно!

На современном уровне развития когнитивных и нейронаук также очевидно, что популярные теории идентичности не учитывают даже очевидное замечание Ж.-К. Кауфмана: «Коллективные идентичности находятся, прежде всего, в **головах индивидов**» и основываются на стереотипных или сильно упрощённых представлениях [12, с. 50]. Развивая эту мысль, Л. Гринфельд показала, что идентичность – это и **индивидуальный микрокосм культуры**, и символическое **самоопределение**, главный **ментальный процесс человека, замыкающиеся на деятельность мозга**. Этой символической системе соответствует «... неврологическая система в мозге, система особых механизмов и отделов мозга, поддерживающая **процессы мышления**» [3, с. 114–115].

Конечно, показывая реальную сложность тех явлений и обстоятельств, которые неоправданно пытаются снять концептом идентичности, и отказывая в правомерности термину **коллективная идентичность**, я не могу обойти вопрос о его альтернативах. Сразу должен отметить, что мы очень плохо представляем обсуждаемые реалии коллективного уровня. Одним из подходов к связанным с ними проблемам следует назвать концепцию **менталитета**, предложенную французской исторической школой Анналов [4]. Хотелось бы получить более внятное объяснение причин отказа от нашей теории этноса. Следует отдать должное концепции **психоментального комплекса** нашего замечательного исследователя С. М. Широкогорова. Но всё это только первые, не очень ещё или уже не популярные направления исследований, поэтому нам предстоит ещё приложить немало усилий, чтобы прийти к реальному постижению данных феноменов.

Насколько продуктивным может быть предлагаемый подход, наглядно демонстрирует ситуация с тупиком в российско-американских отношениях. Воспитанные в логике **методологического индивидуализма**, политики, журналисты и специалисты из США отказываются видеть связь между тем же казусом Косово, ситуацией с Южной Осетией и Абхазией, а затем и возвращением Крыма. Аргументация их позиции по этим и другим проблемам часто сводится к тезису: «Это – другое». В наших российских традициях взаимосвязь приведенных конкретных ситуаций представляется вполне очевидной. Как при таких обстоятельствах выстраивать диалог, не учитывая столь разных представлений об одних и тех же реалиях? Очевидно, что они не сводятся только к пресловутым национальным интересам и идентичностям, а за ними кроются и более серьёзные причины, на которые я и хотел бы обратить ваше внимание. Тогда и вроде бы серьёзные исследователи не стали бы утверждать, что присутствие массы мигрантов не угрожает идентичности основного населения одной из стран Северной Европы. Не менее примечательны и оценки угроз во Франции: это не опасно, так как здесь нет конфликта идентичностей. А что, продолжающиеся теракты, выступления «жёлтых жилетов» и обращения «силовиков» – это уже не проявления серьёзных конфликтов? Поэтому в современных условиях возрастает ответственность учёных обществоведов и гуманитариев за адекватные оценки реальной сложности происходящего в отдельных странах и в мире в целом. Сделать это возможно на основе сильных теорий, основанных на полидисциплинарном подходе, а не за счёт игры в термины, смены научного жаргона, как это происходит в случае идентичности. Благодарю за внимание!

Ответы на вопросы

А. Л. Лукин. Я правильно понимаю, что вы утверждаете, будто концепт идентичности, если его и можно применять, то только по отношению к индивидам, а не обществам, да и то только применительно к западным реалиям. Если же мы обращаемся к ситуации России, Китая, Кореи, Японии, то даже на индивидуальном уровне этот концепт работать не будет. То есть для России мы должны забыть об идентичности и не использовать этот концепт для исследований?

А. М. Кузнецов. Нет, Артем Леонидович, не совсем так! Ведь отдельные индивиды присутствуют везде, поэтому концепт идентичность действительно имеет широкое применение. Другое дело, что у

нас есть общества, которые признают значимость отдельного индивида, в то время как другие общества ещё не пришли к этому. Но это не значит, что при всём индивидуализме Запада здесь нет и феноменов коллективного уровня. Поэтому уже по этой причине при работе с явлениями коллективного уровня мы должны использовать другие концепты и подходы.

Р. Р. Назаров. Вы большой упор сделали на ситуацию индивидуальной идентичности, что понятно исходя из западных трактовок идентичности, но, как вы правильно заметили, значительная часть мира – это незападные страны. Поэтому хотелось бы уточнить такой момент: насколько продуктивно с научной точки зрения понятие коллективная идентичность в широком смысле слова – малых групп, социальная и т. д. в контексте затронутых вами проблем?

А. М. Кузнецов. Непродуктивно! Не случайно идея коллективных идентичностей транслируется с Запада с его индивидуализмом и, как следствие, социальной аномией. Поэтому здесь достаточно рано данное явление оказалось сильно политизированным и большую роль играет политика идентичности. Вместе с тем, несмотря на индивидуальные особенности, французы отличаются от англичан, а те, в свою очередь, от американцев и т. д. Поэтому для таких обстоятельств коллективного уровня следует использовать совершенно другой язык описания, концепты и подходы. Например, как я уже указал, концепт менталитет (в значении французской школы Анналов), психоментальный комплекс из теории этноса С. М. Широкогорова. Такие коллективные явления в разной степени в зависимости от конкретных условий даже при отсутствии политики идентичности и формируют индивида как представителя своей определенной общности.

С. Е. Ячин. Анатолий Михайлович, я согласен, что идентичность – это сложное понятие, может быть, и не настолько сложное, как это может показаться. Но я уловил, что вы не дали самостоятельного определения этого понятия, и я хотел бы услышать авторское его определение, что же это такое?

А. М. Кузнецов. Спасибо. Я посчитал, что в контексте своего доклада я выразил свою позицию по этому вопросу. В концентрированном же виде для меня идентичность – это то, как конкретный индивид воспринимает и осмысливает себя, своё окружение, своё общество, государство, международные отношения и всех «Других». Сугубо индивидуалистическая трактовка. Но поскольку мы имеем дело не с «атомизированным» индивидом и он существует не в вакууме, а в своём определённом «мире», то это его восприятие и осмысление закладывается и непосредственным опытом взаимодействия с этим «миром» индивидуума.

С. Е. Ячин: Ну и что же здесь сложного? Я готов со всем этим согласиться!

А. М. Кузнецов. Сложность здесь заключается в том, что мы не до конца понимаем и учитываем роль этого «мира», в который непосредственно «встроен» отдельный индивид, отдавая эту задачу на откуп педагогам, социологам, политологам, экономистам и т. д., но уже переносим свойства индивидуума на общество, государство и международные отношения.

Р. Р. Назаров. В процессе вашего насыщенного и достаточно эмоционального доклада у меня возник такой вопрос. Я вспомнил работу

одного автора, который предложил создавать особую дисциплину – «идентологию». Почему, по его мнению, у данного явления нет ещё дисциплины, которая ею бы целенаправленно занималась, или по определению занимаются многие специалисты, так как идентичность, безусловно, включает психологические, философские, социологические, этнические, лингвистические и другие аспекты. Получается, что занимаются идентичностью все, а специально никто. Насколько, с вашей точки зрения, и прагматически, и научно оправдано такое предложение.

А. М. Кузнецов. Я не могу согласиться с внедрением ещё и «идентологии», поскольку, по данным некоторых специалистов, современная наука и так уже распалась примерно на 70 тыс. отдельных дисциплин. Поэтому не стоит умножать эту скорбь. Другое дело, что нам нужны и более адекватная теория идентичности, и теория того, что мы имеем на коллективном уровне. Как вы правильно заметили, эти теории должны основываться на полидисциплинарном подходе, а сводить (редуцировать) рассматриваемые сложные явления к упрощённым их интерпретациям к возможностям отдельных дисциплин контрпродуктивно.

В. В. Гаврилов. Мне представляется принципиально важным учитывать взаимосвязь процессов индивидуальной и коллективной идентификации. Поскольку в той же индивидуалистически настроенной Америке сейчас целый ряд тенденций и трендов побуждают людей определённым образом относить себя к заранее императивно определённой группе, которая диктует нам определённое поведение и требует быть толерантными, несмотря на то, что я как индивид не разделяю предписываемых современным развитием общества ценностей. В связи с этим не считаете ли вы, что в настоящее время мы не можем дать определения коллективной идентичности без чёткого понимания, что есть индивидуальная, и индивидуальной идентичности без понимания того, как на неё оказывает влияние коллективная? Вообще, сам по себе этот анализ идентичности как таковой в любых формах её проявления не может быть сделан без прослеживания этой динамики, спроецированной на современные реалии развития международных отношений и развития каждого конкретного государства и общества в целом. Здесь же действует много внешних факторов воздействия. Мы получаем абсолютно новые рамки, на нас воздействуют эти гигантские интернет-платформы, в рамках которых мы тоже пытаемся себя определённым образом идентифицировать, на нас влияют абсолютно новые направления этого псевдодемократического развития, на нас сказываются разного рода биологические вещи и т. д. Как вы рассматриваете важность этого динамичного и совместного исследования той и другой стороны идентичности как необходимого средства и метода поиска правильного определения того, что вы поставили во главу угла в своём докладе?

А. М. Кузнецов. Вы задали очень непростой вопрос! В целом я солидарен с вашей постановкой проблемы, однако в контексте своего доклада я категорически против использования концепта идентичность за пределами уровня конкретных индивидов. Нам уже пора принять, что это «Иное». Поэтому мы должны говорить об этих явлениях как образованиях особого порядка. В связи с этим я хочу спросить: почему мы отказались от нашего достижения в виде теории

этнуса? Ведь, обращая внимание, в отличие от западных наработок с их методологическим индивидуализмом, наши авторы, включая Ю. В. Бромляя, Л. Н. Гумилёва и С. М. Широкогорова, описывали этническую общность/этнос именно как группу людей, как коллектив, а не проекцию свойств индивидов. Ведь для наших российских и не только реалий этнос – это более адекватное описание, чем просто индивидуалистическая «натяжка» на наши и не только наши обстоятельства. К тому же идея этнической общности – это именно объединение конкретных людей – индивидов и она не является отрицанием существования этого уровня реальности, акцентируя внимание на коллективном её измерении. Вы правы и в том, что, действительно, сегодня всё у нас сейчас очень быстро меняется и у отдельного человека какого-то целостного взгляда, целостного представления о том, что происходит, конечно же, не существует. Не случайно, мы обсуждаем «клиповое мышление» и т. д. Но проблема заключается в том, что эти современные проблемы необходимо осознать на более общем уровне, чтобы реально понимать, что у нас происходит в обществе, государстве и на международной арене, а не говорить, что просто у нас полетели чёрные лебеди и непонятно почему. А летят они потому, что на этом уровне сложности мы имеем дело с особыми явлениями, которые надо анализировать с иных позиций, на основе других подходов. Если же мы будем исходить только из того, о чём думают отдельные индивиды, мы не продвинемся сколько-нибудь в понимании нашего усложняющегося мира. При этом, конечно же, уровень индивидов с их идентичностями и уровни групп, обществ и государств связаны между собой, так как все эти более сложные образования существуют благодаря совместным усилиям людей.

С. Е. Ячин. Не могли бы вы привести пример индивидуальной идентичности, которая не была бы одновременно групповой. Например, я – «русский», я – «мужчина»: это какие идентичности?

А. М. Кузнецов. В первом случае – это этническая/национальная идентичность, во втором – половая, обращаю внимание, – не гендерная идентичность.

С. Е. Ячин. И они являются индивидуальными?

А. М. Кузнецов. Когда об этом нам говорит конкретный человек – это его индивидуальные идентичности. Когда же мы обсуждаем проблемы «русскости» или кто может считаться «русским» – это уже другой уровень. Я знаком с вашей философской постановкой вопроса о диалектике единичного, особенного, общего. Проблема же заключается в том, что индивидуальные идентичности зачастую лабильны и ситуативны. Общие же категории, включая нацию, этническую общность и т. д., у нас остаются дискуссионными, т. к. теоретически ещё неудовлетворительно разработаны.

Общая дискуссия

С. Н. Федорченко в своём выступлении обратил внимание на такие варианты идентичности, как макрополитическая (О. Ю. Малинова) и сетевая (Л. А. Фадеева). Кроме того, он отметил возрастающую роль и значение слабого искусственного интеллекта в формировании идентичностей, в том числе и ложных. Они прямо направлены на формирование индивидуализма и создание в нашей цифровой реальности цифрового аватара. Сегодня стало очевидным, что наше право на коммуникации друг с другом тотально зависит от цифровых кор-

пораций. Подобные нововведения актуализируют вопрос: кто будет формировать идентичности в будущем и какие – коллективные на основе этно-ментальных ценностей или сугубо индивидуальные.

Д. М. Бондаренко. Мои комментарии являются непосредственной реакцией на то, о чём говорил Анатолий Михайлович. Как я понял, смысл его доклада заключается в деконструкции и дискредитации теории идентичности с позиции отрицания её существования как коллективной реальности. При решении таких проблем следует обратиться к философским, общенаучным и культурным истокам самого понятия идентичность и постановки вопроса о соотношении индивидуального и коллективного. В связи с этим мы можем вспомнить ещё диспуты в средневековой философии: номинализм и реализм, существуют ли только единичные явления или общие понятия. Собственно, об этом говорил докладчик. Как уже поставили вопрос коллеги, когда человек говорит, например: «Я – русский», это является выражением индивидуального или проявлением коллективного начала? Анатолий Михайлович, как я понимаю, отрицает коллективную идентичность, но тогда он, вольно или невольно, вступает в противоречие с огромной научной традицией в разных её аспектах связанной, в частности, с именами Э. Дюркгейма (теория коллективных представлений), К. Г. Юнга (концепция коллективного бессознательного). Для меня в позиции Дюркгейма ценно то, что он констатировал: всё происходящее с человеком происходит с ним как с **членом общества**. На сходных идеях основывался и Юнг. Вот здесь я вижу противоречие в рассуждениях докладчика: он говорил об общности, об этносе как примере общности и как альтернативе идентичности. Противоречие же я вижу в следующем: можно ли утверждать, что человек не отражает какие-то коллективные представления, не вытекающие из его личного опыта, но навязанные ему обществом? Возможны ли тогда вообще индивидуальные идентичности? Мне кажется, что нет!

Анатолий Михайлович высоко оценивает теории этноса С. М. Широкогорова, Ю. В. Бромлея, Л. Н. Гумилёва, хотя они и очень разные. Но и здесь возникает вопрос: говоря об этносе как примере коллективного объединения, на каких основаниях людей можно объединить в этнос? Ведь те признаки, по которым определяется этнос, приведенные ещё Сталиным и не только им: общность территории, языка, культуры... – встречают массу исключений. Что реально остаётся, так это только самосознание, т. е. кто кем сам себя считает, тот тем на самом деле и является. Если человек считает себя русским, то, значит, так оно и есть. Докладчик чётко поставил вопрос об индивидуальных истоках идентичности. Это правильно, и здесь Анатолию Михайловичу есть ещё над чем подумать. В свою очередь, чтобы проследить истоки таких представлений, необходимо продолжить погружение вглубь истории. В частности, обратиться к новоевропейской концепции личности, которая начала формироваться с эпохи Возрождения. Личность здесь понимается как способность выделяться, отличаться от общества, противостоять обществу. Из этой концепции можно выводить индивидуалистские истоки теории идентичности.

Следует признать, что, несмотря на широкое признание концепта идентичности, Анатолий Михайлович не один критикует его, но не просто потому, что он ему не нравится, а на более содержательной ос-

нове. Но если принять его точку зрения, тогда возникает вопрос: а чем мы можем заменить коллективную идентичность? Конечно, когда мы по определенному поводу говорим: «здесь проявилась такая-то идентичность», мы ничего реально не объясняем. Докладчик предложил нам обратиться к наработкам школы Анналов, теории психоментального комплекса С. М. Широкогорова. Действительно, менталитет как теоретический концепт уже более разработан и, если хотите, менее мистичен. Но попытка заменить поиск, например, французской идентичности на выяснение соответствующего менталитета тут же провоцирует ещё один вопрос: а что представляет собой французский менталитет? В попытках дать определение искомой категории, можно будет убедиться, что оно окажется, скорее, отражением наших стереотипов о французах или будет присуще не только французам или же не всем, кого принято считать и кто сам считает себя французами. Поэтому моё более пессимистическое заключение сводится к следующему. Существуют такие «неуловимые» концепты, как идентичность, менталитет этничность и ряд других. То, что они отражают некие реальности, мы чувствуем, но проблема в том, что вербализировать и научно выразить эти реальности чётким языком оказывается практически невозможно. Вспомним слова Тютчева: «Мысль изреченная есть ложь». Мне представляется, что принципиально не получается эти эфемерные, невидимые категории определить, не упростив их до утраты смысла.

А. Л. Лукин. Спасибо, Дмитрий Михайлович, за Ваш столь развёрнутый комментарий! Мне показалось, что у вас проявился кантианский подход к проблеме – идентичность как вещь в себе, ноумен. Но это предмет обсуждения для философов.

С. Е. Ячин. В чём я солидарен с докладчиком, так это с необходимостью чётко осознавать антропологические основания наших утверждений, констатацией сложности идентичности и необходимости системного рассмотрения данного явления. Вместе с тем хочу отметить, что в данном случае мы работаем не с предметами, а с понятиями. Привычка же предметника, когда он смещает своё внимание с предмета на понятие, приводит к ряду методологических затруднений, т. к. реальность, которую выражает понятие, она всё-таки особого рода. Я солидаризируюсь с выступлением коллеги Д. М. Бондаренко и выдвигаю свой контр-тезис – мы не можем помыслить индивидуальную идентичность вне какой-то коллективной идентичности. Методологически – это тупик. Вы не сможете инструментально на уровне исследований, при опросах провести это самое различие. Вы всегда будете упираться в диалектику соотношения того и другого.

Моё определение идентичности – это *ментальная форма соотношения или причисления себя к определённой общности, группе или классу*. В то же время никакое обозначение самого себя невозможно без того, чтобы вам кто-то не сказал: кто ты есть. Крайне универсальной формой причисления является название себя я – просто человек. И все! «Я – личность» – это тоже форма причисления. Отсюда вытекает, в чём здесь проявляется сложность с современным пониманием идентичности – она действительно становится множественной. Человек завоевал себе право обозначать свою принадлежность. Так возникают гендерная, политическая, этническая, возрастная, профессиональная и прочие идентичности. Попробуйте разорвать эти вещи.

Невозможно! Вы всегда будете находиться в полярности определений – кто есть я. Вот здесь я хотел напомнить два простых психологических теста, которые очень ясно показывают связь между кто «Я» и кто «Мы». Известный простой тест «20 Я». Человеку предлагают назвать: «Ты кто». В порядке с 1 по 20 и иерархия, в которой он будет указывать свои предпочтения, очень показательна. Параллельно делается 2-й тест «20 Мы». При сравнении результатов тестов вы увидите там очень тесную корреляцию. Фактически окажется, несмотря на некоторые расхождения, у нас будет два параллельных ряда. Мы увидим, что то, как я себя определяю и к кому я себя причисляю, эти вещи настолько близки, что разорвать их нельзя. Это первое.

Второе. Я хотел бы отметить предметников, у которых есть корректная практика работы с понятиями. Так, в когнитивной лингвистике они работают с семантическими полями. Известно, что любое понятие образует определённую структуру, например, четырехугольник Греймаса. Они достаточно ясно показывают, как в данной культурной общности складывается некоторое понимание термина. Когда мы говорим идентичность, мы это понимаем, хотя вкладываем разное значение именно потому, что так сложилась наша культурная универсалия, очень тесно зависящая от структурных оппозиций. Короче, приветствуя саму постановку данного вопроса, методологически правильно понимать диалектику индивидуальной и групповой идентичности и неразрывность этих образований, чтобы проводить дальнейшие исследования.

Р. Р. Назаров. Когда мы употребляем термин идентичность, то получается, что мы априори предполагаем, что мы точно знаем, о чём говорим. Когда же мы начинаем углубляться в осмысление данного концепта и явления, то каждый раз оказывается, что незнакомого или мало известного здесь гораздо больше, чем известного или привычного. Я здесь хочу напомнить пример из фильма «Кин-дза-дза». Когда его земных персонажей спросили: «Кто вы»? – первый ответил: «прораб», другой – «грузин». Это происходит по причине контекста иерархий таких самоопределений. Уже достаточно давно утвердилось понятие «матрёшечная идентичность», т. е. любой индивид находится в некоей «матрёшке» идентичностей, и какая из них оказывается более существенная для него – не обязательно самая глубокая. Ведь человек в одном контексте может декларировать: я – русский, при этом одновременно или в других обстоятельствах он может ощущать себя как евразиец, православный, или христианин вообще. А уж в контексте изменения идентичностей... Мы живём в XXI в., когда меняется даже святая святых – гендерные нюансы, а уж с изменениями этнической, лингвистической получается совсем интересно. Напомню, что один из классиков французской литературы, поэт Гийом Апполинер не знал до 18 лет ни слова по-французски, т. к. его родной язык – польский. Или родившаяся в Узбекистане русская немка Анна Герман всему миру известная как польская певица и т. д. Тот же пример Макдональда – основателя сети Макдональд и родного правнука маршала эпохи империи Наполеона, которого во Франции считали шотландцем, его потомков в Америке – французами, а сейчас мы его знаем как американца. Точно так же попытки применения в Афганистане традиционной концепции этнической идентичности оказываются бесполезными и бессмысленными. Здесь она является одним из факторов, далеко не всегда являющимся ключевым, так как огромную роль играют родо-племенная,

локально-групповая и конфессиональная принадлежность и т. д. Самый размытый термин в Афганистане – это пуштун, т. к. никаких пуштунов реально не существуют, они возникают лишь в оппозиции с непуштунами. Это совокупность родов, племен и т. д. Гражданская война в Таджикистане тоже во многом происходила по субэтническим обстоятельствам. Точно так же бессмысленно определение грузин в Грузии, так как там все чётко знают: это – кахетинец, это – сван, это – менгрел, это – гуриец... Подобные сложности характерны для многих стран. Наглядный пример – ситуация в Узбекистане. Меньше ста лет назад половину узбеков составляли сарды. Сегодня сардов уже нет, есть только воспоминания – мои предки были сардами. По этой причине национализм в Центральной Азии – это нововед, и попытки подвести под него многовековую базу – это совершеннейший абсурд. Извините, но перед Великой французской революцией во Франции не было французов. Вспомним известного персонажа Д'Артаньяна – гасконца. В Италии также ещё и сегодня не всегда значима категория итальянец. Подобное можно обнаружить и в Германии. Поэтому, проблемы идентичности, этничности – это не только вопросы теории, но и повседневной практики, живой политики. Подвёл меня ко всему этому доклад Анатолия Михайловича. Более того, он представил настоящий научный доклад, в котором поставил больше вопросов, чем дал ответов, а это, видимо, самое важное в дискуссиях учёных.

В. Н. Коньшев. Коллеги, я бы хотел немного вернуться к истокам. Всё-таки Анатолий Михайлович завёл речь об идентичности, говоря о теории международных отношений. В связи с этим я хотел бы заметить, что рассуждать об идентичности, не обозначив предметное поле науки – это несколько такой абстрактный, общий разговор. Поэтому я призываю вернуться обратно, т. е. к теории. Во-первых, не соглашусь с докладчиком, с его позицией сводить это, например, к антропологии, но мы же ведём обсуждение применительно к теории международных отношений. Здесь, начиная с А. Вендта, есть устоявшееся понятие идентичности. В упрощенной форме – это самосознание, как человек или группа людей воспринимают себя, и второе, что об этом думают другие. В этом смысле, как уже упоминалось, понятие русский – это и то, что я думаю, и как это воспринимают другие. Если же рассуждать в терминах теории международных отношений, мы не можем игнорировать категорию политическое взаимодействие. Почему это именно так? Как ещё можно ввести в научный аппарат концепт «индивидуум», если вы выбрасываете коллективную идентичность и восприятие Другими. При этом возникает ещё одна принципиальная сложность: мне кажется, что категория идентичности в том виде, как она введена в теорию международных отношений, остаётся на самом деле ущербной. Почему? Потому что до сих пор нет внятного определения идентичности кроме отсылок к ментальности, к совокупности ещё чего-либо. Все это предельно абстрактно. Второй момент. Как мы или вы будете выявлять идентичность, каким научным инструментарием? Мы тут же попадаем из теории международных отношений в область когнитивных исследований, т. е. в психологию по большому счёту, либо в нейролингвистику и в лучшем случае в более родную нам социологию. Но покажите мне работу в области теории международных отношений, например, у конструктивистов, кто бы там дал инструментарий, как он определил идентичность. Это всё интерпре-

тациями, разговорами ограничивается, если подходить с научной точки зрения. Поэтому проблема то действительно глубокая, но лично я считаю, что в настоящее это термин, который все употребляют по поводу и без повода лишён научной составляющей. Это всё ещё впереди. В этом смысле я разделяю пессимизм Анатолия Михайловича о применимости концепта идентичности для международных отношений. У меня вот такие есть соображения. Спасибо.

В. В. Малявин. Кажется, наше обсуждение доклада А. М. – превосходного и провокативного в хорошем смысле – свелось к разговору о том, чем надо заниматься, чтобы найти идентичность. Ответ простой: надо заниматься собой. Но этот ответ столь же прост, сколь и загадочен. Идентичность не дана нам готовой, здесь требуется, как сказал бы Гегель, работа понятия или, говоря точнее, мы должны перейти от идентичности в себе к идентичности для нас. По моему мнению, это может произойти только в форме школы, где учение равнозначно жизни, и оно гораздо важнее какого-то предметного знания. Идентичность открывается практикой, а не социологическими опросами и притом практикой жизненной, конкретной, даже телесной. Недаром самый надёжный способ удостоверения идентичности – это скан сетчатки глаза или отпечатки пальцев. Так что прав был Николай Гумилёв: «Мы меняем души, не тела».

Мой подход к проблеме идентичности можно сформулировать так: «от невроза идентичности к правде всечеловеческого» Он имеет мало общего с тем, что было здесь озвучено; подробнее см. [8]. Очевидно, что современный человек носит в себе целый букет идентичностей, но любит жаловаться – причём повсюду в мире – на «слабую идентичность» своих соотечественников и завидует народам, которые обладают, как ему кажется, «сильной» идентичностью. Впору говорить о настоящем *неврозе идентичности*.

Откуда такая параноидальная озабоченность своей идентичностью? Ответ надо искать в природе современного «капитализма знания». Буржуазия вышла на авансцену истории с идеей абсолютной ценности индивида и права каждого человека на свободу выбора, превыше всего выбора *себя*, что в действительности означает выработку своего стиля и публичного образа. Человек – это стиль, говорят французы. Капитализм превращает стиль в бренд, делает его товаром. Притом бренд – это легенда, стилистически выдержанная компоновка образов, сложенная из пустоты желания. Пустота – самая капиталистическая субстанция: она позволяет извлекать максимальную прибыль при минимуме затрат. Но за это счастливое (для буржуазии) сочетание приходится дорого платить: в отношениях обмена любой самообраз человека из личного становится публичным, отчуждённым от его носителя. В рамках этой публичности я могу быть кем угодно, но только не самим собой. Противоречие между искусностью выделки бренда и внушаемой тем же капитализмом жаждой быть собой или, другими словами, ориентированной вовне искренностью исполнения роли и обращённой к себе подлинностью существования заставляет воспринимать идентичность только в негативном ключе. Быть собой в современном мире означает не быть таким, каким тебя видят другие, т. е. быть асоциальным. Заклинания власти против «экстремистов», к которым относят несогласных с официозом (но, заметим, не демонстративно асоциальные группы вроде байкеров, уличных шаек

и т. п.) – что-то вроде обряда изгнания злого духа нигилизма, сидящего в самой власти. Но из ловушки негативной идентичности нет выхода. В ней бесследно пропадают и социально ориентированная искренность, и удостоверяемая внутренним опытом подлинность. Такая *смертельная* идентичность становится главным брендом фейковой жизни капитализма.

Сейчас нет возможности подробно разбирать «невроз идентичности». Замечу только, что перед нами симптом не просто кризиса общества, но, по сути, его полного распада. Сто лет назад общество связывали с коллективизмом, институтами, ценностями, идеями и формами организации жизни. С тех пор социологическая мысль, совершив поразительное сальто-мортале, пришла к пониманию, что социальность выявляется как раз в отсутствие общества, по ту сторону всех общественных укладов, относится к «воображаемой», виртуальной реальности. Вспомним «недостижимое сообщество» Бланшо, «непроизводимое сообщество» Нанси, «грядущее сообщество» Агамбена и другие подобные теории. Если капитализм эпохи Маркса «растворял всё твердое в воздухе», то информационный капитализм наших дней перемалывает вещи в цифровую труху. В этом мире обычаи и ценности теряют связь с физической и даже умственной реальностью, люди не имеют ни почвы под ногами, ни крыши дома над головой, они беззащитны перед биотехнологиями власти. В таких условиях идентичность может быть только инструментом манипуляций властных структур.

Попытки противопоставить фейковым идентичностям некий «подлинный» образ себя будут только продлевать дурную бесконечность обмана и самообмана. Человечество стоит перед небывалым в своей истории выбором: покориться мороку информационной технологии или найти в себе силы жить *вровень* с её задачами. Это требует новой метанойи, кардинального переворота сознания. Говоря в терминах восточных традиций, люди должны «прозреть», «пробудиться». Примечательно, что власть нынче апеллирует как раз ко «сну», «дреме»: «американская дрёма» (англ. dream), «китайская дрёма», теперь и в России есть поборники «русской дрёмы». Тем не менее открытая конфронтация с «царством сна» невозможна, хотя бы потому что, как заметил ещё древний даос Чжуан-цзы, тот, кто говорит, что все мнения – сон, сам видит сон.

Чтобы пробудиться, нужно вернуться к истоку восприятия, где мир ещё не распался на жизнь и сознание, субъект и объект, материю и дух, воображение и действительность, – туда, где скрываются недоступные рефлексии семена сновидений. Это значит: *оставить* себя, чтобы всё осталось мне, открыться миру, чтобы укрыть его в себе. Это трудная, долгая, но в принципе доступная человеку работа выявления первозданной ясности духа, в которой знание есть именно со-знание, безупречное соответствие всему происходящему, доходящее до нравственной со-ответственности всего сущего. Речь идёт об открытии совместности всего в моменте само-превосхождения, т. е. в пределе собственной единственности. Природа этой совместности – врождённая интуиция одухотворённой телесности, вместилище повсеместного разрыва. Это интуиция слитая с динамизмом самой жизни, и потому она действует быстрее и точнее рефлексии. Так глаз непроизвольно закрывается перед летящей в него соринкой. О том

же свидетельствует старинное изречение китайских мастеров боевых искусств: «Он не двигается, и я не двигаюсь. Он едва двинулся, а я двинулся прежде него».

Пространство совместности – это *семья одиноких*, внутренняя преемственность всегда разных, даже несопоставимых моментов опыта, что и составляет школу духовного совершенствования (на Востоке семья и школа обозначались одним словом). К этой новой социальности ведет не изучение внешних явлений, а учение как превосхождение предметного знания и возвращение к своему «изначальному лику», глубинной «подлинности» существования. Эта «подлинность» есть, в сущности, «сообщительность» (кит. *тун*), точная соотносительность с инобытием (иным и одним бытием) как повторение неповторяемого (суть традиции), чистое различие вне различий. Смысл учения в таком случае состоит в том, чтобы внести чистое различие в первичную цельность мира, придать качественную определенность первоначальному мареву жизни, соотнести предел и начало опыта, стать Альфой и Омегой. Так единство становится всеединством, а человеческое – всечеловеческим.

Мы приходим к идеалу «недостижимого сообщества». О нём говорил уже упоминавшийся Чжуан-цзы, проповедовавший «небесную оставленность» человечества, столь же таинственное, сколь и бесхитростное «искусство повседневной жизни», когда всё делается как бы само собой и... с безупречной точностью. Общество совместности даётся или, лучше сказать, тайно узревается в соположении двух контрастных планов: оно словно погружено в забытьё, но предстает россыпью импрессионистски ярких моментов жизни. «Пусть люди радуются своей еде и любят свои наряды» – благословляет человечество, свидетельствует Лао-цзы из своего непоправимого уединения. И мареву жизни в нестижимой дали, и вспышки жизни перед глазами одинаково принадлежат безмерности Неба, они лишены предметного содержания. Постигший совместность, говорит Чжуан-цзы, умеет жить так, что в нём «небесное соединяется с небесным», одно неведомое поразительно точно сходится с другим. Жизнь оказывается «счастливой ошибкой» и именно поэтому поводом для радости и любования.

Прототипом общества совместности в Азии выступала школа как духовная семья: прообраз неповторимой, но *сверхиндивидуальной личности*, прорастающей сквозь время поколениями учеников. Именно принцип семьи-школы повсюду на Востоке был подлинной основой человеческой социальности. В христианском мире ему близка традиция Фиваиды – пространства безмолвного единения пустынножителей, структурируемого, подчеркнуто, духовной иерархией.

Физическая отделённость православного пустынножества или азиатских ашрамов от мира – черта необязательная и преходящая, ведь осознание сознания есть момент творческой метаморфозы, не имеющей формальных признаков. Восток в особенности выработал утончённый синтез духовных и светских форм общежития, где трансцендентное начало Неба наполняет земное бытие согласно древнему китайскому изречению: «среди людей на небесах». Давно замечено, что «бытовое исповедничество» составляет едва ли не самую примечательную черту жизненного уклада Востока. Но нужно помнить, что речь не идёт (и не может идти) о тождестве небесного и мирского

или «сакрализации» быта: то и другое означает забвение дистанции «чистого различия». Такое тождество ведёт к соперничеству и конфронтации разрушительных для общества. Небо и человек сходятся в восточных традициях в до-мыслимом истоке бытийного опыта – в том, что «покойнее покоя», «постоянное постоянства», «сокровеннее сокрытости», «текущее текучести» и т. п. Об этой обращенности к глубине опыта как раз и свидетельствуют отмеченные выше наложения, взаимные переходы несходных перспектив, ближнего и дальнего планов, макро- и микро-масштабов воспринимаемого мира. Когда мы оставляем себя ради покоя духа, вещи сами приходят к нам мимолетно-яркими мгновениями жизни, и мир предстает «множеством чудес» (Лао-цзы). Здесь же лежит ключ к успеху, который предполагает как раз отстранённость от всего наличного и знание нюансов.

Конечно, европейские философы не могли не заметить, что наша идентичность открывается в опыте встречи, что мы существуем в той мере, в какой соотносим себя с другими и вечно Иным. Их ошибка (теперь уже слишком очевидная) состояла в стремлении определить содержание встречи и свести её к коммуникации между индивидами. Ведь сознание, как принято считать в Европе, должно быть предметным. Вся тонкость этой темы заключается в том, что встреча всегда случается «здесь и сейчас», но никогда не сводится к её обстоятельствам. Последние обманывают нас, как только мы придаём им самостоятельное значение и уже неспособны видеть в них только «тень», «след», «сон» реального. Чжуан-цзы утверждал, что, стоя у реки, он «узнал радость рыб». Он говорил, конечно, о радости открытия подлинности в существовании, столь же всеобщей, сколь и уникальной. Самая безыскусная и самая невероятная истина жизни, выраженная в суждении столь же шутилом, сколь и серьезном. Как ни скандально это звучит для «серьёзных мыслителей», мы говорим правду о себе, когда отдаёмся игре воображения.

Открывать безграничную радость в каждый момент существования – вот занятие для человека, уже освобождённого техникой от «материальных забот», целиком предоставленного (именно: предоставленного) себе. В конце концов, мы пробуждаемся не от снов, а к открытию их неизбежности. Так мы обретаем способность просто «жить жизнью», что значит на самом деле: жить не живя, говорить без слов.

Бдение как действие без действующего, действенность без действия – вот что отличает пробудившегося от спящих. Мы наталкиваемся здесь на главный рубеж или, если угодно, вызов в общественном бытии: как определить границу между спящим и бодрствующим, знанием и сознанием? Эта граница столь же неопределима, сколь и неустраима. Ответ Чжуан-цзы: делайте, ничего не делая, «следуйте этому», т. е. чистой актуальности практики. Вот наука всечеловеческой простоты: кто оставляет себя, освобождает мир; кто забывает жизнь, воскреснет в небесных селениях. Правда «небесной» идентичности не знает разделений и вражды. Лёгкой тенью скользит она за всяким «социальным телом». Из неё не построишь дворцов власти, но она долговечнее любых дворцов.

А. М. Кузнецов. Прежде всего я хотел бы поблагодарить участников семинара, которые задали вопросы и приняли участие в дискуссии. Понятно, что за отведенное мне время я не мог охватить все

вопросы непростой проблемы идентичности и расставить все необходимые акценты. Коллеги частично помогли мне устранить некоторые пробелы. Пользуясь этой дополнительной возможностью, я попробую более конкретно выразить мою позицию, а заодно отреагировать на поступившие критические замечания. С. Н. Федорченко затронул важную проблему влияния интернет-ресурсов на формирование взглядов людей. Я намеренно не касался этой темы, т. к. недостаточно ещё готов к её освещению. Вместе с тем хотел бы отметить, что озвученная им идея макрополитической идентичности О. Ю. Малиновой, с одной стороны, остаётся на индивидуальном уровне рассмотрения проблемы. С другой, – эта идея наряду с концепцией сетевой идентичности Л. А. Фадеевой, во многом соответствуют феномену политики идентичности, которого я тоже не касался, т. к. эта проблема предполагает специальное обсуждение.

Боюсь, мне не удалось в докладе чётко обозначить своё отношение к явлению, которое я противопоставляю коллективному, а на самом деле индивидуалистическому пониманию идентичности. Поэтому я и спровоцировал критическое замечание Дмитрия Михайловича о том, что я игнорирую этот коллективный уровень, вступая в противоречие с научной традицией, представленной Э. Дюркгеймом и К. Г. Юнгом. На самом деле я как раз стремлюсь продолжить эту традицию и идея «коллективного реализма» Дюркгейма, в современном варианте известная как «методологический коллективизм», противостоящий методологическому индивидуализму, для меня является одной из базовых в моих рассуждениях. Я выступаю против формулы «коллективная идентичность», являющейся неоправданным переносом на коллективный уровень представлений и характеристик индивидов. Я согласен с Дмитрием Михайловичем, что при таком подходе особое значение приобретает вопрос об альтернативе такой позиции в отношении «коллективной идентичности». Я признаю правомерность этой дефиниции применительно к представлениям индивида о своей группе, обществе, стране и о «Других». Я не случайно в качестве одной из альтернатив методологическому индивидуализму назвал теорию этноса. Я знаю о проблемах с определением этноса, а точнее этнической общности по нормативным признакам. Не случайно, ещё Ю. В. Бромлей говорил об этническом парадоксе. Но я не могу согласиться, что решение проблемы заключается в этнической самоидентификации. Во-первых, она ситуативна и может меняться в зависимости от обстоятельств. Эти моменты уже наглядно продемонстрировал в своём выступлении Р. Р. Назаров. С другой стороны, такой подход всё равно нас ограничивает уровнем индивидов, но не позволяет выходить на собственно коллективный уровень, определяемый как менталитет, коллективное бессознательное и т. д. Я же придерживаюсь теории этноса С. М. Широкогорова, где этнос – это процесс, в который включены этнические общности. Главным их достоянием и характерным свойством является психо-ментальный комплекс. Но я солидарен с Вами в том, что все это – очень сложные «материи», которые мы плохо понимаем. Но заниматься ими всё равно необходимо!

Сергей Евгеньевич был солидарен с Д. М. Бондаренко в том, что главное в рассматриваемой проблеме самоидентификация индивида: как он говорит, так оно и есть. Я прекрасно понимаю, что у индивида много идентификаций (матрёшечный вариант, как напомнил

Р. Р. Назаров) и это создаёт свои сложности. Есть у нас и свои представления о разных коллективных обстоятельствах. Концепция нации как воображаемого сообщества британца Б. Андерсона очень показательна в этом отношении. Но всё это по-прежнему остаётся индивидуальным достоянием, которое не может заменять реальные коллективные феномены. Как «предметник», правильнее учёный-теоретик, хочу вернуть философу, что признавая за индивидом возможность отражения таких коллективных обстоятельств, диалектика единичного общего здесь не срабатывает по той причине, которую отметили и Дмитрий Михайлович, а затем и Валерий Николаевич, что мы это общее ещё толком не знаем. И психологическое тестирование индивидов здесь ничего не решает! Поэтому мой доклад и был направлен на обоснование сложившейся ситуации и призывом к реальному, а не на словах изучению таких «эфемерных» по природе коллективных образований.

Я признателен Р. Р. Назарову за высокую оценку моего доклада и приведенные им конкретные примеры. Вместе с тем обращаю внимание, что в теории этноса С. М. Широкогорова уже сняты все противоречия, которые вы тоже обозначили вместе с С. Н. Абашиним. Поэтому тот факт, что в Узбекистане исчезла идентификация «сард», вполне объясняется идеей этноса-процесса, в котором одни этнические общности сохраняются, другие исчезают, но вместо них появляются новые, в том числе и в результате этнического замещения. Здесь важны критерии собственно этнической общности. Повторю ещё раз для нее важны эндогамия и особый психо-ментальный комплекс. Но это отдельная серьезная проблема, выходящая за рамки нашего семинара. Тем более что, как вы верно отметили, я хотел показать проблему и поставить вопросы, а не давать ответы, которых часто ещё и меня нет.

Я благодарен Валерию Николаевичу за высказанную им позицию, тем более что оказалось, наши взгляды в отношении обоснованности использования концепта идентичность для решения международных проблем совпадают. Но я уже не раз сталкивался с мнением специалистов-международников, что продвигаемый мною полидисциплинарный подход к развитию теории международных отношений грозит размыванием предметного поля этой области исследований. Примерно в этом же духе высказался и В. Н. Коньшев. На мой взгляд, не будет никакой угрозы «чистой» науке о международных отношениях, если для понимания позиций акторов и процессов происходящих в них, мы будем использовать аналитический потенциал других отраслей знаний. Поскольку международные отношения – это одно из наиболее сложных явлений, то для адекватного их понимания необходима теория, основанная на полидисциплинарных началах. При этом сами эти отношения остаются такими, как они есть. Своими «интервенциями» в антропологию, когнитивные науки и т. д. я хочу показать именно научную несостоятельность неоправданного проецирования свойств, присущих индивидам, на коллективные образования, которые мы, в том числе и по этой причине, плохо ещё понимаем. Поскольку категория идентичность – это тоже сложное образование, которое входит в поле исследований разных наук, то для оценки её реальных возможностей и ограничений арсенала средств науки о международных отношениях недостаточно. Да, предлагаемый

мой подход – более трудный, а кто говорил, что научное познание это просто?

Я считаю большой удачей нашего семинара, что на нём оказались представлены два очень разных дискурса обсуждения научных проблем. Первый, по сути, теоретико-дисциплинарный представил В. Н. Коньшев. Полярный ему озвучил В. В. Малявин. В то время как мы ещё только ведем дискуссии, например, на тему: нужны ли нам незападные теории в тех же международных отношениях, – Владимир Вячеславович продвинулся далеко вперёд, синтезировав западную и восточные традиции познания тех самых «эфемерных», как высказался Д. М. Бондаренко, явлений. В силу специфики этих явлений здесь стирается условная граница между наукой и искусством, которые являются разными формами познания. Об этом уже много говорят, но мало кто понимает, как с этим «кентавром» работать. На определённом этапе своего развития как учёного В. В. Малявин смог найти ключ к этой проблеме, для описания которой не подходят те дискурсы, в рамках которых я и другие участники семинара вели дискуссию. Это уже совсем другой уровень видения обстоятельств. Он очень непривычный и непростой и нам ещё надо проделать непростой путь, чтобы выйти на него.

В заключении хочу ещё раз поблагодарить всех участников нашего семинара, который, как мне кажется, смог представить основную палитру обсуждения и осмысления концепта идентичность.

Литература

1. Акопов С. В. Человек многомерный: транснациональная модель идентификации с макрополитическими сообществами (метатеоретический анализ). СПб.: Алетейя, 2015.
2. Брубейкер Р., Купер Ф. За пределами «идентичности» // *Ab Imperio*. 2002, № 3, с. 61–115.
3. Гринфельд Л. Национализм и разум // *Национализм в мировой истории* / Под ред. В. А. Тишкова, В. А. Шнирельмана. М.: Наука, 2007.
4. Гуревич А. Я. Проблема ментальностей в современной историографии // *Всеобщая история: Дискуссии, новые подходы*. Вып. 1. М., 1989, с. 75–89.
5. Дробижева Л. М. Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность // *Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России*. М.: Изд-во Института социологии РАН. 2006. С.10–29.
6. Малахов В. С. Проблема с идентичностью в постсоветском контексте // *Вопросы философии*. 1998. № 2. С. 43–53.
7. Малахов В. С. Понаехали тут... Очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме. М.: Новое литературное обозрение, 2007.
8. Малявин В. В. Экономика жизни. Менеджмент и стратегии бизнеса в Китае. Раздел «Идентичность и восприятие. К социологии предпринимательства». М.: Феория, 2013. С. 346–365.
9. Морозов В. Понятие государственной идентичности в современном теоретическом дискурсе // *Международные процессы*. 2006. Т. 4. № 2 (11).
10. Тимофеев И. Н. Политические идентичности России в постсоветский период: альтернативы и тенденции. М.: Изд-во МГИМО-Университет, 2008.
11. Тимофеев И. Проблемы страновой идентичности в зарубежной политологии // *Международные процессы*. 2010. Т. 6. № 2 (23).
12. Филиппова Е. И. Территория идентичности в современной Франции. М.: ФГНУ Россинформагротех, 2010.
13. Эриксон Э. Детство и общество. Изд. 2-е, перераб. и доп. СПб.: Ленато, АСТ, Фонд «Университетская книга», 1996.

14. Campbell D. *Writing Security: United States Foreign Policy and the Politics of Identity*. Manchester: Manchester University Press. 1992.

15. Fukuyama F. *Identity: Contemporary Identity Politics and the Struggle for Recognition*. London, Profile Books, 2018.

16. Kwame A. A. *The Lies That Bind. Rethinking Identity*. Profile Books, 2018.

17. L'identite. *Seminar interdisciplinaire dirige par C. Levi-Strauss / Benois J.-M.* (ed.). Paris. 1977.

18. Tajfel H., Turner J. C. The social identity theory of inter-group behavior in S. Worchel, W. Austin (eds.). *Psychology of Intergroup Relations*. Chicago: Nelson-Hall. 1986. P. 7–24.

19. Wendt A. *Anarchy is what States Make of it: The Social Construction of Power Politics // International Organization*. Vol. 46, No. 2 (Spring, 1992), pp. 391–425.

20. Wendt A. *Social Theory of International Politics*. Cambridge University Press. 1999.

Anatolij M. KUZNETSOV,

Ph. D. (in History), Professor, International Relations Department, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

E-mail: kuznetsov.2012@mail.ru

Dmitri M. BONDARENKO,

Ph. D. (in History), The Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: dmitrimb@mail.ru

Viatcheslav V. GAVRILOV,

Ph. D. (in Law), Law School, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

E-mail: gavrilov.vv@dvf.ru

Valery N. KONYSHEV,

Ph. D. (in Political Science), Professor, Department of Theory and History of International Relations, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia).

E-mail: konyshev06@mail.ru

Artyom L. LUKIN,

Ph. D. (in Political Science), Associate Professor of International Relations Department, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

E-mail: artlukin@mail.ru

Vladimir V. MALYAVIN,

Ph. D. (in History), Professor-Researcher, School of International Regional Studies, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia).

E-mail: vmalyavin@hse.ru

Ravshan R. NAZAROV,

Ph. D. (in Philosophy), Associate Professor, Department of Foreign languages and humanitarian disciplines. Tashkent Branch of Plekhanov Russian University of Economics (Tashkent, Republic of Uzbekistan).

E-mail: shon2002@yandex.ru

Sergey N. FEDORCHENKO,

Ph. D. (in Political Science), Associate Professor, Moscow State Regional University (Moscow, Russia).

E-mail: s.n.fedorchenko@mail.ru

Sergei E. YACHIN,

Ph. D. (in Philosophy), Professor, Department of Philosophy and Religion Studies, School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

E-mail: yachin.se@dvf.ru

The Splendors and Miseries of Identity: What Are the Pitfalls of Theoretical Negligence?

UDC 303(327)

DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-2/85-107>

*identity,
collective identities,
methodological
nationalism,
methodological
individualism,
methodological
collectivism,
complexity principle.*

On May 20th, 2021, the Department of International Relations of the Oriental Institute – School of Regional and International Studies, FEFU, conducted a theoretical workshop under the theme “The splendors and miseries of identity: what are the pitfalls of theoretical negligence?” The workshop was attended by both FEFU faculty and scholars from other universities and research organizations. The keynote presentation was delivered by Professor Anatoly Kuznetsov, who analyzed the general aspects of the concept of identity and its meaning regarding international relations. As the presenter pointed out, although the concept of identity is now firmly established in the international-political discourse, the absolutization of its applicability in the domain of international relations raises serious doubts.

For citation: Kuznetsov A. M., Bondarenko D. M., Gavrilov V. V., Konyshev V. N., Lukin A. L., Malyavin V. V., Nazarov R. R., Fedorchenko S. N., Yachin S. E. The Splendors and Miseries of Identity: What Are the Pitfalls of Theoretical Negligence? // Oriental Institute Journal. 2021. № 2. P. 85–107. DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-2/85-107>

References

1. Akopov S. V. *Chelovek mnogomernyj: transnatsional'naya model' identifikatsii s makropoliticheskimi soobshhestvami (metateoreticheskij analiz)*. SPb.: Aletejya, 2015.
2. Brubejker R., Kuper F. *Za predelami «identichnosti»* // *Ab Imperio*. 2002, № 3, s. 61–115.
3. Grinfel'd L. *Natsionalizm i razum // Natsionalizm v mirovoj istorii / Pod red. V. A. Tishkova, V. A. SHnirel'mana*. M.: Nauka, 2007.
4. Gurevich A. YA. *Problema mental'nostej v sovremennoj istoriografii // Vseobshhaya istoriya: Diskussii, novye podkhody*. Vyp. 1. M., 1989, s. 75–89.
5. Drobizheva L. M. *Gosudarstvennaya i ehtnicheskaya identichnost': vybor i podvizhnost' // Grazhdanskije, ehtnicheskije i religioznye identichnosti v sovremennoj Rossii*. M.: Izd-vo Instituta sotsiologii RAN. 2006. S.10–29.
6. Malakhov V. S. *Problema s identichnost'yu v postsovetskom kontekste // Voprosy filosofii*. 1998. № 2. S. 43–53.
7. Malakhov V. S. *Ponaekhali tut...* Ocherki o natsionalizme, rasizme i kul'turnom plyuralizme. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2007.
8. Malyavin V. V. *EHkonomika zhizni. Menedzhment i strategii biznese v Kitae. Razdel «Identichnost' i vospriyatie. K sotsiologii predprinimatel'stva»*. M.: Feoriya, 2013. S. 346–365.
9. Morozov V. *Ponyatie gosudarstvennoj identichnosti v sovremennom teoreticheskom diskurse // Mezhdunarodnye protsessy*. 2006. T. 4. № 2 (11).
10. Timofeev I. N. *Politicheskie identichnosti Rossii v postsovetskij period: al'ternativy i tendentsii*. M.: Izd-vo MGIMO-Universitet, 2008.
11. Timofeev I. *Problemy stranovoj identichnosti v zarubezhnoj politologii // Mezhdunarodnye protsessy*. 2010. T. 6. № 2 (23).
12. Filippova E. I. *Territoriya identichnosti v sovremennoj Frantsii*. M.: FGNU Rossinformagrotekh, 2010.
13. EHrikson EH. *Detstvo i obshhestvo*. Izd. 2-e, pererab. i dop. SPb.: Lenato, ACT, Fond «Universitetskaya kniga», 1996.

14. Campbell D. *Writing Security: United States Foreign Policy and the Politics of Identity*. Manchester: Manchester University Press. 1992.
15. Fukuyama F. *Identity: Contemporary Identity Politics and the Struggle for Recognition*. London, Profile Books, 2018.
16. Kwame A. A. *The Lies That Bind. Rethinking Identity*. Profile Books, 2018.
17. *L'identite. Seminar interdisciplinaire dirige par S. Levi-Strauss / Benois J.-M. (ed.)*. Paris. 1977.
18. Tajfel H., Turner J. C. The social identity theory of inter-group behavior in S. Worchel, W. Austin (eds.). *Psychology of Intergroup Relations*. Chicago: Nelson-Hall. 1986. P. 7–24.
19. Wendt A. Anarchy is what States Make of it: The Social Construction of Power Politics // *International Organization*. Vol. 46, No. 2 (Spring, 1992), pp. 391–425.
20. Wendt A. *Social Theory of International Politics* Cambridge. Cambridge University Press. 1999.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

ТОЩЕНКОВА Виктория Андреевна,

аспирант Департамента исторических наук и археологии ДВФУ (г. Владивосток); старший лаборант Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток).
Электронная почта: ekimova_va@dvfu.ru

«Жёлтый труд» в восприятии сельскохозяйственных обществ Приамурья (конец XIX-начало XX в.)

УДК 94(571.6)

DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-2/108-117>

*Дальний Восток,
Приамурье,
«жёлтый вопрос»,
сельскохозяйственные
общества,
рынок труда*

В данной статье проведен сравнительный анализ восприятия «жёлтого вопроса» представителями власти Приамурья и сельскохозяйственными обществами в конце XIX-начале XX в. Были выявлены причины настороженного отношения к «жёлтому труду» со стороны чиновничества (боязнь шпионажа; конкуренция; туеядство крестьян как следствие присутствия корейцев и китайцев и др.) и охарактеризованы причины положительного отношения со стороны аграрных обществ (отсутствие земельных рабочих; необходимость усовершенствования сельского хозяйства; слабое развитие территории).

«Жёлтый вопрос», «жёлтая угроза», «жёлтая опасность» – эти термины распространились в европейском общественно-политическом дискурсе на рубеже XIX – XX веков. В основе представлений о «жёлтой угрозе» лежали идеи несовместимости «белой» и «жёлтой» рас, неизбежности борьбы за выживание европейцев и азиатских народов [5, с. 24]. В широком смысле «жёлтую угрозу» можно понимать, как страх европейца перед «пробуждением Востока» народами Восточной Азии в целом [22, с. 64]. В контексте изучаемого вопроса «жёлтая угроза», «жёлтая опасность» – проявлявшееся на разных уровнях управленческой вертикали, в общественном мнении Приамурья отношение к мигрантам из сопредельных стран Восточной Азии, прежде всего китайцев, порождённое боязнью того, что «земледельцы и арендаторы с жёлтыми лицами» со временем заменят русских крестьян [11, с. 580].

В современной историографии изучается целый комплекс проблем, связанных с китайскими иммигрантами в России, в частности, процесс и причины их переселения, культурные особенности мигрантов, их занятия и быт, отношения с местными властями и жителями, хозяйственная деятельность. Развитию миграционного законодательства, взаимоотношению китайцев с местными властями посвящены работы Т. З. Позняк [13], Е. И. Нестеровой [12], Т. Н. Сорокиной [19]. Изучена и экономическая деятельность китайцев на Дальнем Востоке – проблемы китайского отходничества исследовал Ф. В. Соловьёв [20]; экономическую деятельность китайских мигрантов в земледелии и предпринимательстве на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. изучала Г. Н. Романова [15]. А. А. Кружалаина [8] проанализировала восприятие ки-

Для цитирования:
Тощенко В. А. «Жёлтый труд» в восприятии сельскохозяйственных обществ Приамурья (конец XIX – начало XX в.) // Известия Восточного института. 2021. № 2. С. 108–117. DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-2/108-117>

тайской миграции в сибирской газетной прессе конца XIX в., которая была главным транслятором общественного мнения.

Одним из перспективных направлений разработки данного сюжета является изучение отношения к проблеме «жёлтой опасности» разных слоёв дальневосточного общества. В статье предпринята попытка показать особое отношение к этой проблеме сельскохозяйственных обществ Приамурья, всерьёз озабоченных поиском путей развития аграрного производства на далёкой окраине.

Дореволюционные словари и энциклопедии понимали под обществами сельского хозяйства одну из форм объединений сельских хозяйств и проявление «их агрикультурной самодеятельности» [21, с. 11], считая их проводниками улучшений в земледельческой области, которые осуществляют «общую пользу в сфере сельского хозяйства обслуживаемой ими местности, будь то в области просветительных мероприятий... или мероприятий чисто экономического характера» [1, с. 110, 190]. Помимо носящих уставное название «сельскохозяйственные общества», в Приамурье существовал широкий спектр данных организаций. В эту категорию также относились и общества любителей садоводства и огородничества, птицеводства, животноводства. Цель данных организаций – развитие сельского хозяйства или отдельной его отрасли путём раздачи отборных семян и саженцев населению, распространением литературы по сельскому хозяйству, устройством выставок, съездов и проч.

По официальным данным департамента земледелия в Приамурском крае в начале XX века действовало 24 сельскохозяйственных общества, 7 из них – в Амурской области и 17 – в Приморской [21, с. 80]. Из них самими крупными и влиятельными обществами были Приморское и Амурское общества сельского хозяйства.

Амурский областной агроном В. С. Воротников, анализируя деятельность Амурского общества сельского хозяйства, отмечал, что по отношению к государственными мероприятиям «особенно к сокращению жёлтых обществ заняло антиправительственное положение» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 352. Л. 46 об.) и что при всяком удобном случае обществом велась пропаганда «с самой тенденциозной критикой действий Правительства» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 352. Л. 46 об.). Также и в представлении региональной власти китайское и корейское население несло «жёлтую опасность». Приамурский генерал-губернатор П. Ф. Унтербергер считал крайне вредным в колонизационном отношении применение труда китайцев и корейцев, настаивая на запрещении частным лицам использовать иностранную рабочую силу на сельскохозяйственных работах [23, с. 94].

В чём же виделась представителям администрации опасность применения «жёлтого труда» в сельском хозяйстве Приамурья? Прежде всего главную опасность чиновники видели в разлагающем влиянии дешёвой рабочей силы на только формирующееся крестьянское население. Ещё в 1908 г. П. Ф. Унтербергер в отношении на имя Министра внутренних дел писал об огромной опасности для Приамурья, происходящей от пребывания здесь корейцев: «характерным свойством корейцев является то, что они при первой возможности оседают на земле... Борьба с этим чрезвычайно осложняется, так как нельзя рассчитывать на содействие русского населения, которое, видя в корейцах удобную и дешёвую рабочую силу или выгодных арендаторов, весьма охотно принимает их на свои земли» [7, с. 134]. Член Амурской экспедиции В. В. Граве отмечал, что корейцы «развращают наше сель-

ское население, которое, отвыкая от самостоятельного крестьянского труда, предаётся безделью и пьянству» [7, с. 135].

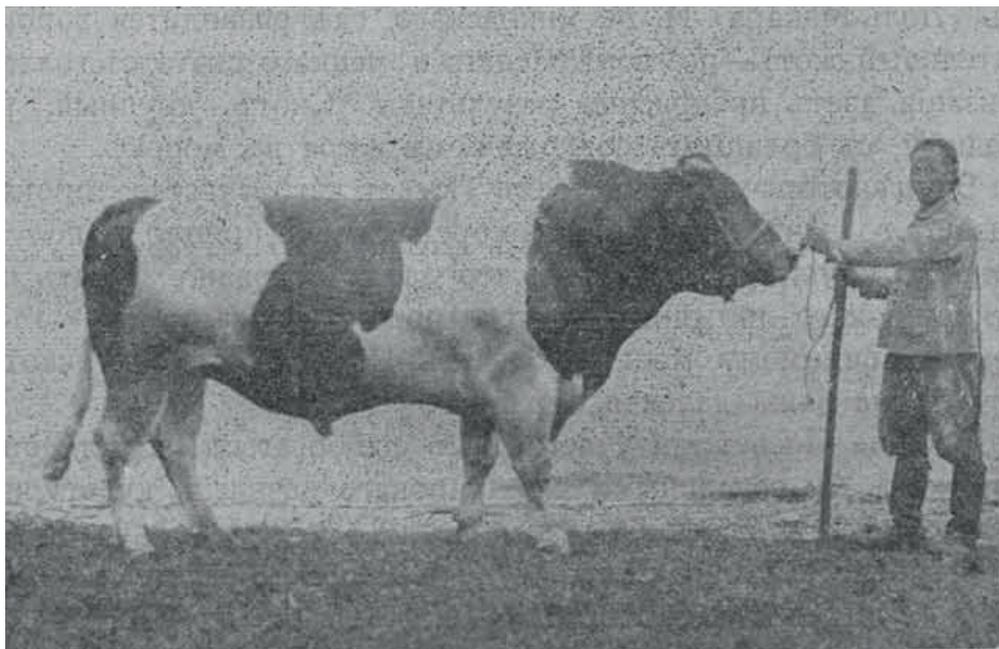
Крестьяне, по мнению властей, паразитировали, применяя труд «жёлтых» рабочих. Такое мнение высказывал агроном Н. А. Крюков: «деньги, заработанные сравнительно легким трудом (арендой – В. Т.), тотчас же стали отучать крестьян от систематического труда земледельца; получилась масса свободного времени, которое лучше всего было убить в кабаке» [9, с. 30], таким образом, по его мнению, в виде «жёлтых» рабочих в деревне появлялся неблагоприятный сельскохозяйственный элемент.

Конкуренция со стороны китайцев в промышленности была важным фактором, влиявшим на отношение к ним. 21 июня 1910 г. император утвердил принятый Государственной Думой закон «Об установлении в Приамурском генерал-губернаторстве и Забайкальской области Иркутского генерал-губернаторства некоторых ограничений для лиц, состоящих в иностранном подданстве». 25 февраля 1911 г. Приамурский генерал-губернатор издал обязательное для всех городов постановление, запрещающее иметь в качестве прислуги, низших служащих и домашних рабочих китайцев без личных наёмных книжек [14, с. 178]. В обществе активно обсуждается «жёлтый вопрос» и «жёлтая угроза».

Анализ материалов заседаний сельскохозяйственных обществ позволяет увидеть, что они обращали особое внимание на развитие новых, усовершенствованных отношений в сельском хозяйстве, которые выражалась в стремлении модернизировать производство, получать прибыль. Достижение этих целей было тесно связано с применением наёмного труда. Этот вопрос появился в повестках дня совещаний Приморского общества в связи с принятием Закона от 21 июня 1910 г. Опасаясь, что запрет коснётся и сельского хозяйства, сельскохозяйственные общества постарались выработать собственную позицию по отношению к применению «жёлтого труда». Весной 1912 г. Приморское общество сельского хозяйства трижды обсуждало этот вопрос на своих совещаниях. В докладах членов правления общества А. В. Суханова и С. И. Конрада применение дешёвых «жёлтых» рабочих рук в сельском хозяйстве рассматривалось как важное условие развития находившегося «в зачаточном состоянии» сельского хозяйства Приамурского края (РГИА ДВ. Ф. 55. Оп. 1. Д. 15. Л. 13).

Члены сельскохозяйственных обществ понимали, что модернизация сельского хозяйства была невозможна без создания рынка труда. Для малозаселённого, аграрного Дальнего Востока эта проблема стояла особенно остро. Созданию здесь устойчивого рынка труда препятствовало прежде всего то, что переселенец практически не шёл в земледельческие рабочие. Во-первых, этот труд мало оплачивался, а потому был не выгодным для переселенца, который скорее пошёл бы в промышленные рабочие. Во-вторых, основные работы в сельском хозяйстве приходились на летнее время, когда все крестьяне-переселенцы были заняты в собственном хозяйстве. Это ограничивало использование труда наёмных работников в «крепких» хозяйствах крестьян-старожилов.

Важно отметить, что из только что переселившихся в Приамурский край из Европейской России крестьян не могло получиться хороших работников, поскольку они не были знакомы с местными кли-

матическими условиями и правилами ведения сельского хозяйства. Напротив, нанимавшиеся же в качестве сезонных сельскохозяйственных рабочих китайцы и корейцы были хорошо знакомы с местными условиями, и земледельцы, желающие строить хозяйство на современной основе, нуждались в них. Такая аргументация объясняет, почему общества сельского хозяйства негативно отнеслись к закону 21 июня 1911 г., опасаясь, что и без того малоразвитый край перестанет развиваться, прежде всего в аграрной сфере.

Формируя отношение к использованию «жёлтого труда», члены сельскохозяйственных обществ исходили из собственного опыта его использования. Об этом говорят публиковавшиеся на страницах журнала Приморского общества сельского хозяйства «Приморский хозяин» многочисленные фотографии, на которых на фоне образцовых ферм можно заметить сельскохозяйственных рабочих – китайцев и корейцев. На фотографиях лучшего племенного питомника Приморской области «Конрадовка» можно увидеть здание фермы и племенных быков, а рядом ухаживающих за ними работников-китайцев (рис. 1).

В том же ключе рассматривали проблему наёмного труда и члены Амурского общества сельского хозяйства. Его председатель А. В. Ланкин писал в 1912 г. в журнале «Амурский земледелец»: «Русские рабочие для земледельческих работ очень желательны ...но при всём желании русских рабочих не хватает: если они когда и находятся, то далеко не отвечают земледельческой работе: часто впадают в пьянство, бросают работу безвременно и уходят, когда земледельцы в них нуждаются, отчего хозяин терпит убытки» [10, с. 18].

Несомненно, присутствие китайских и корейских сельскохозяйственных рабочих обуславливалось и спецификой освоения и раз-

Рис. 1. Работник-китаец демонстрирует быка-производителя, ферма «Конрадовка», ок. 1916 г. Источник [18, с. 21].

вития Дальнего Востока, территория которого вошла в состав российского государства только в середине XIX века. Новое население региона в подавляющем большинстве составляли крестьяне, которые перенесли с собой образ жизни, сохранив традиции, характерные для областей и губерний, откуда они переселялись в Приамурский край. На новой территории они попадали в совершенно непривычные для них условия. Так, выходцы из южных губерний, которые привыкли к глубокому чернозёму, «пробовали на первых порах и здесь пахать землю глубоко, но, благодаря мелкому слою плодородной почвы, они таким способом только запахивали вглубь этот слой, выворачивая на поверхность бесплодную глину» [6, с. 45], – отмечал на общем собрании членов Приморского общества сельского хозяйства почётный председатель общества, Приамурский генерал-губернатор Н. Л. Гондатти. Большинство переселенцев были не знакомы с почвенными и климатическими условиями, особенностями выращивания здесь зерновых культур. Переселенец привёз с собой ту технику хозяйства, которую выработали его деды и прадеды и которая отвечала и климатическим, и экономическим условиям его малой родины, «но эта техника здесь, при других климатических, и экономических условиях, совершенно не применима и не пригодна», – отмечал автор «В. С.» на страницах журнала «Приморский хозяин» [6, с. 45].

Второй проблемой, которая побуждала общества сельского хозяйства положительно относиться к использованию «жёлтого труда», была необходимость усвоения опыта хозяйствования в условиях рискованного земледелия. Таким опытом обладали сельскохозяйственные рабочие-китайцы и корейцы. Одной из неразрешимых проблем в традициях крестьянского землепользования на Дальнем Востоке были частые наводнения. Для уроженцев западных районов страны характер дальневосточных паводков был неожиданным и непонятным. Если в европейской России причиной наводнений чаще всего выступали талые снеговые воды, то в Приамурье наиболее сильные наводнения вызывались летними муссонными дождями. Последствия стихийных бедствий были разрушительными. Приведем в качестве примера рапорт чиновника особых поручений Иманского подрайона при Приамурском генерал-губернаторе А. М. Казаринова: «...по самому берегу было устроено 8 семей ... Осенью в конце сентября их наводнением затопило. Унесло и затопило, припасенное ими для корма лошадей, сено. Много пропало, а остальное сгнило. Большая часть лошадей, полученных новосёлами за ссуды и по дорогой цене от Переселенческого управления подрайона – передохли от бескормицы... Новосёлы сейчас: 1/5 – без куска хлеба, побираются у соседей, а часть ушли на сбор кусочков в старые селения. 3/5 – кое-как бьются мукой до ближайшей обещанной им ссуды и только у 1/5 – есть настолько муки, что могут пробиться без ссуды до весны...» (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2146. Л. 234). О катастрофических последствиях наводнений для населения говорят и прошения крестьян деревни Беневской Сучанской волости: «Честь имею покорнейше просить Ваше Превосходительство о выдаче нам пособия, так как по случаю наводнения... что было засеяно, то унесло водою...» (РГИА ДВ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 13а. Л. 120).

Для того чтобы освоиться в новых условиях, необходимы время, опыт, знания и навыки, которые можно было перенять лишь у жи-

вущих рядом и занимавшихся сельским хозяйством корейцев и китайцев. Об этом прямо писали авторы статей, публиковавшихся в журнале «Приморский хозяин»: «прежде всего следует обратиться к местным аборигенам – китайцам и корейцам, которые за многие годы приспособились к местным условиям, как в отношении обработки почвы, так равно и по части тех злаков, которые они сеют» [2, с. 48]. На страницах «Приморского хозяина» неоднократно освещался подобный опыт.

Сельскохозяйственные общества Приамурья внесли вклад в популяризацию способов систематической борьбы с наводнениями, многие из которых были заимствованы именно у корейских и китайских крестьян. В 1914 г. в статье «Наводнения в долине Суйфуна» крестьянином И. Худяковым были описаны щиты из травы, с помощью которых корейцы предотвращали наводнения [24]. В 1916 г. инженер А. Булгаков описал опыт посадки корейцами растений для предотвращения этого стихийного бедствия [2].

Обилие дождей при высокой влажности воздуха создавало ещё одну невиданную для выходцев из европейской части страны проблему – поражение посевов грибом фузарием. «Пьяный хлеб», как называли его крестьяне, зараженный этим грибом, вызывал острое отравление. И в борьбе с этой напастью также мог пригодиться опыт корейских и китайских крестьян. Директор Владивостокской метеорологической обсерватории С. Грибоедов в опубликованной в 1916 г. статье «В чем будущность Уссурийского края?» предлагал решать проблему кардинально, а именно введением в обиход новых злаковых культур. Автор изучил хозяйства корейцев сел Табани Киинской волости и Лукьяновки Ново-Покровской волости Иманского уезда, которые не пострадали от наводнения 1915 г. и «обошлись без продовольственной помощи, а волостные и земские повинности выполнили исправно» [4, с. 6]. В этих селениях корейцы выращивали бобы, чумизу, кукурузу, пайзу, гаолян, т. е. те злаки, которые хорошо переносят сырой климат. С. Грибоедов подчёркивал необходимость перенятия опыта и земледельческой культуры корейцев и активного внедрения новых сельскохозяйственных культур. Поддерживая идею введения новых культур в оборот, в 1917 г. Приморское общество сельского хозяйства организовало раздачу крестьянам семян масленичных бобов.

Владелица хутора «Ольгин Кут» О. Савицкая писала в редакцию журнала «Приморский хозяин»: «крестьяне, более сознательно относящиеся к хозяйству, высказывают желание... о применении китайской культуры посевов хлебов» [16, с. 27]. Учитывая заинтересованность подписчиков, журнал периодически публиковал статьи на эту тему. В № 1–2 журнала за 1916 г. И. М. Круковский рассмотрел китайский способ посева злаков (гребневая культура); в этом же номере А. В. Гребенщиков в статье «К вопросу о новых культурах в Южно-Уссурийском крае» изучил культуру бобов у китайцев и то, как они её выращивают и пришёл к выводу о том, что в Приморской области необходимо «для лучшей утилизации земельных угодий – принять меры к использованию лучших примеров китайских земледельцев Маньчжурии» [2, с. 40].

Усилия сельскохозяйственных обществ не прошли даром. Вопрос о необходимости решения проблемы с наёмными сельскохозяйственными рабочими рассматривался на совещаниях у Военного губер-

натора Приморской области в 1916 г. Обсуждения вылились в ряд важных решений: для удовлетворения потребности земледельцев в рабочих руках им разрешалось иметь в хозяйстве «жёлтых рабочих»; упразднены все ограничения в использовании труда корейцев-русских подданных; для пограничных жителей Кореи и Маньчжурии продлить до конца сельскохозяйственных работ (до января) срок легитимационных билетов; вдвое уменьшался паспортный сбор с иностранных рабочих; от иностранцев-корейцев не требовать отдельных паспортов для членов семьи – женщин и детей [3, с. 75–76]. Этот вопрос поднимался и в 1917 г. Приморским обществом сельского хозяйства, которое возбудило ходатайство о привлечении в край большего числа сельскохозяйственных рабочих-корейцев: об отмене для них паспортного сбора и необходимости получения визы [17, с. 89].

Подводя итоги, необходимо отметить, что коренной ошибкой со стороны властей являлось убеждение, что китайские рабочие используются в сельском хозяйстве лишь из-за их дешевизны, из-за чего русские не могут с ними конкурировать, поэтому местные власти всячески содействовали ограничению «жёлтого труда». Важность «жёлтого труда» в земледелии на юге Дальнего Востока была вызвана нехваткой рабочих рук в сельском хозяйстве края в целом, отсутствием подходящих агрономических знаний у населения, а также необходимостью применения новых для русских крестьян технологий сельскохозяйственного производства, позволяющих ему благополучно развиваться в совершенно новых условиях, в которых традиционные подходы к сельскохозяйственному труду оказались неэффективными. Позиция властей по отношению к применению «жёлтого труда» в сельском хозяйстве несколько смягчилась лишь в условиях военного времени, когда деревня из-за призыва мужского населения в войска лишилась большей части рабочих рук.

Литература

1. Агрономическая помощь в России / Под ред. В. В. Морачевского. Пг.: Деп. земледелия, 1914. 653 с.
2. Булгаков А. Задачи сельского хозяйства в области в связи с наводнением и заболоченностью // Приморский хозяин: ежемесячный сельскохозяйственный журнал (далее Приморский хозяин). 1916. № 1–2. с. 40–49.
3. В. С. К вопросу о некоторых задачах местного сельского хозяйства // Приморский хозяин. 1916. № 3–4. с. 21–25.
4. Грибоедов С. Д. В чем будущность Уссурийского Края // Приморский хозяин. 1916. № 10. С. 1–13.
5. Дятлов В. И. Экзотизация и «образ врага»: синдром «жёлтой опасности» в дореволюционной России // Идеи и идеалы. 2014. № 2. С. 23–41.
6. Журнал годовичного Общего Собрания Приморского общества сельского хозяйства // Приморский хозяин. 1916. № 7–8. С. 44–51.
7. Китайцы, корейцы и японцы в Примурье: Отчет уполномоченного М-ва ин. дел В. В. Граве: [С прил. 1-46, 48-51]. СПб: тип. В. Ф. Киршбаума, 1912. 489 с.
8. Кружалина А. А. От «китайского гостеприимства» до «жёлтой угрозы»: формирование внутрироссийского китайского вопроса на страницах сибирской газетной прессы второй половины XIX века // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 6. Ч. 1. С. 73–79.
9. Крюков Н. А. Опыт описания землепользования у крестьян-переселенцев Амурской и Приморской областей. М.: тип. Т. И. Гаген, 1896. 214 с.
10. Ланкин А. В. Жёлтый вопрос // Амурский земледелец. 1912. № 9. С. 18–20.

11. Ларюэль М. «Жёлтая опасность» в работах русских националистов начала века // Ларюэль М. Русско-японская война (1904–1905). Взгляд через столетие. М.: Три Квадрата, 2004. С. 579–592.
12. Нестерова Е. И. Русская администрация и китайские мигранты на юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX вв.). Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2004. 372 с.
13. Позняк Т. З. Российская иммиграционная политика в отношении выходцев из Китая на Дальнем Востоке во второй половине XIX – начале XX в // Известия Восточного института. 2013. № 2. С. 7–21.
14. Позняк Т. З. Миграционные режимы Российско-китайской границы на Дальнем Востоке во второй половине XIX – начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 4. Ч. 1. С. 174–179.
15. Романова Г. Н. Предпринимательство, земледелие и промыслы китайских мигрантов на Дальнем Востоке России (конец XIX – начало XX вв.) // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 6. С. 119–130.
16. Савицкая О. Причины, тормозящие развитие сельского хозяйства у крестьян северного района Приморской области // Приморский хозяин. 1917. № 1–2. С. 26–28.
17. Сельскохозяйственная хроника Приамурского края // Приморский хозяин. 1917. № 3–4. С. 89–92.
18. Суханов Г. А. Скотоводство и молочное хозяйство на побережье залива Петра Великого // Приморский хозяин. 1916. № 5–6. С. 19–28.
19. Сорокина Т. Н. Хозяйственная деятельность китайских подданных на Дальнем Востоке России и политика администрации Приамурского края (конец XIX – начало XX в.). Омск: Изд-во ОмГУ им. Ф. М. Достоевского, 1999. 264 с.
20. Соловьёв Ф. В. Китайское отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма (1861–1917 гг.). М.: Наука, 1989. 124 с.
21. Справочные сведения о сельскохозяйственных обществах по данным на 1915 год / М. З.; Справ.-изд. бюро при Депте земледелия. Пг.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1916. 91 с.
22. Титаренко А. С. Теория «жёлтой опасности» в России на рубеже XIX – XX вв. // Китай: история и современность: мат-лы VI междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013. С. 64–71.
23. Унтербергер П. Ф. Приамурский край. 1906–1910. СПб.: тип. В. Ф. Киршбаума, 1912. 428 с.
24. Худяков И. Наводнения в долине Суйфуна // Приморский хозяин. 1914. № 11. С. 8–9.

Viktoriya A. TOSHCHENKOVA,

Post-Graduate Student of the Department of Historical Sciences and Archeology, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia); Senior Laboratory Assistant, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East (Vladivostok, Russia).
E-mail: ekimova_va@dvfu.ru

«Yellow labor» in the Perception of Agricultural Societies of the Amur Region (Late 19th – early 20th Centuries)

UDC 94(571.6)

DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-2/108-117>

This article provides a comparative analysis of the perception of the «yellow question» by representatives of the Amur region authorities and agricultural societies in the late 19th and early 20th centuries. The reasons for the suspicious attitude towards «yellow labor» on the part of the bureaucracy (fear of espionage; competition; parasitism of peasants as a result of the presence of Koreans and Chinese, etc.) are revealed. The reasons for *Far East, Amur Region, «yellow question», agricultural society, labor market*

the positive attitude on the part of agrarian societies (lack of agricultural workers; the need to improve agriculture; poor development of the territory) are characterized.

For citation: Toshchenkova V. A. «Yellow labor» in the Perception of Agricultural Societies of the Amur Region (Late 19th – early 20th Centuries) // *Oriental Institute Journal*. 2021. № 2. P. 108–117. DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-2/108-117>

References

1. Agronomicheskaya pomoshh' v Rossii // Pod red. V. V. Morachevskogo. Pg.: Dep. zemledeliya, 1914. 653 s.
2. Bulgakov A. Zadachi sel'skogo khozyajstva v oblasti v svyazi s navodneniem i zabolochennost'yu // *Primorskij khozyain: ezhemesyachnyj sel'skokhozyajstvennyj zhurnal (dalee Primorskij khozyain)*. 1916. № 1–2. s. 40–49.
3. V. S. K voprosu o nekotorykh zadachakh mestnogo sel'skogo khozyajstva // *Primorskij khozyain*. 1916. № 3–4. s. 21–25.
4. Griboedov S. D. V chem budushhnost' Ussurijskogo Kraja // *Primorskij khozyain*. 1916. № 10. S. 1–13.
5. Dyatlov V. I. EHkzotizatsiya i «obraz vraga»: sindrom «zhyoltoj opasnosti» v dorevoljutsionnoj Rossii // *Idei i idealy*. 2014. № 2. S. 23–41.
6. ZHurnal godichnogo Obshhego Sobraniya Primorskogo obshhestva sel'skogo khozyajstva // *Primorskij khozyain*. 1916. № 7–8. S. 44–51.
7. Kitajtsy, korejtsy i yapontsy v Priamur'e: Otchet upolnomochennogo M-va in. del V. V. Grave: [S pril. 1-46, 48-51]. SPb: tip. V. F. Kirshbauma, 1912. 489 s.
8. Kruzhalina A. A. Ot «kitajskogo gostepriimstva» do «zhyoltoj ugrozy»: formirovanie vnutorirossijskogo kitajskogo voprosa na stranitsakh sibirskoj gazetnoj pressy vtoroj poloviny XIX veka // *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*. 2014. № 6. CH. 1. S. 73–79.
9. Kryukov N. A. Opyt opisaniya zemlepol'zovaniya u krest'yan-pereselentsev Amurskoj i Primorskoj oblastej. M.: tip. T. I. Gagen, 1896. 214 s.
10. Lankin A. V. ZHyoltoj vopros // *Amurskij zemledelets*. 1912. № 9. S. 18–20.
11. Laryuehl' M. «ZHyoltaya opasnost'» v rabotakh russkikh natsionalistov nachala veka // *Laryuehl' M. Russko-yaponskaya vojna (1904–1905). Vzglyad cherez stoletie*. M.: Tri Kvadrata, 2004. S. 579–592.
12. Nesterova E. I. Russkaya administratsiya i kitajskie migranty na yuge Dal'nego Vostoka Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.). Vladivostok: Izd-vo DVGU, 2004. 372 s.
13. Poznyak T. Z. Rossijskaya immigratsionnaya politika v otnoshenii vykhodtsev iz Kitaya na Dal'nem Vostoke vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v // *Izvestiya Vostochnogo instituta*. 2013. № 2. S. 7–21.
14. Poznyak T. Z. Migratsionnye rezhimy Rossijsko-kitajskoj granitsy na Dal'nem Vostoke vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. // *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2011. № 4. CH. 1. S. 174–179.
15. Romanova G. N. Predprinimatel'stvo, zemledelie i promysly kitajskikh migrantov na Dal'nem Vostoke Rossii (konets XIX – nachalo XX vv.) // *Problemy Dal'nego Vostoka*. 2013. № 6. S. 119–130.
16. Savitskaya O. Prichiny, tormozyashhie razvitie sel'skogo khozyajstva u krest'yan severnogo rajona Primorskoj oblasti // *Primorskij khozyain*. 1917. № 1–2. S. 26–28.
17. Sel'skokhozyajstvennaya khronika Priamurskogo kraja // *Primorskij khozyain*. 1917. № 3–4. S. 89–92.
18. Sukhanov G. A. Skotovodstvo i molochnoe khozyajstvo na poberezh'e zaliva Petra Velikogo // *Primorskij khozyain*. 1916. № 5–6. S. 19–28.
19. Sorokina T. N. KHozyajstvennaya deyatel'nost' kitajskikh poddannyykh na Dal'nem Vostoke Rossii i politika administratsii Priamurskogo kraja (konets XIX – nachalo XX v.). Omsk: Izd-vo OmGU im. F. M. Dostoevskogo, 1999. 264 s.
20. Solov'yov F. V. Kitajskoe otkhodnichestvo na Dal'nem Vostoke Rossii

- v ehpokhu kapitalizma (1861–1917 gg.). M.: Nauka, 1989. 124 s.
21. Spravochnye svedeniya o sel'skokhozyajstvennykh obshhestvakh po dannym na 1915 god / M. Z.; Sprav.-izd. byuro pri Dep-te zemledeliya. Pg.: Tip. V. F. Kirshbauma, 1916. 91 s.
22. Titarenko A. S. Teoriya «zhyoltoj opasnosti» v Rossii na rubezhe XIX – KHKH vv. // Kitaj: istoriya i sovremennost': mat-ly VI mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2013. S. 64–71.
23. Unterberger P. F. Priamurskij kraj. 1906–1910. SPb.: tip. V. F. Kirshbauma, 1912. 428 s.
24. KHudyakov I. Navodneniya v doline Sujfuna // Primorskij khozyain. 1914. № 11. S. 8–9.

ХУКАЛЕНКО Юлия Сергеевна,

канд. филол. наук, научный сотрудник Центра НТИ по нейротехнологиям, технологиям виртуальной и дополненной реальности на базе ДВФУ (г. Владивосток).

Электронная почта: khukalenko.ius@dvfu.ru

Обучение иностранным языкам (на примере английского) с помощью технологии виртуальной реальности: обзор основных разработок

УДК 81.33

DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-2/118-128>

*виртуальная
реальность,
информационные
технологии,
образовательные
технологии,
английский язык*

В данной работе представлен анализ инновационных решений с использованием виртуальной реальности для практики иностранных языков на примере английского языка. Выделены два типа программного обеспечения, применимых в рамках учебного процесса в школах и вузах: специализированные и смежные разработки. Результаты анализа демонстрируют, что виртуальная реальность как образовательная технология обладает потенциалом, однако всё ещё находится на начальном этапе своего развития, а существующие приложения нуждаются в методических доработках и дополнительных исследованиях эффективности.

Введение

В настоящий момент количество продуктов для обучения и практики иностранных языков в виртуальной реальности относительно невелико. Список научных исследований, посвящённых этой теме, также ограничивается небольшим количеством публикаций. Тем не менее в существующих работах говорится о плюсах виртуальной образовательной среды, таких как наглядность, вовлеченность, фокусировка, эффект присутствия, сверхстимуляция органов чувств, безопасность и многие другие [1; 4; 7; 9; 10; 12]. Разумеется, как любая новая технология, виртуальная реальность должна быть изучена гораздо полнее, и в ходе исследований должны быть выявлены её достоинства и недостатки по сравнению с другими инструментами. Однако потенциал технологии для образования не вызывает сомнений.

Оставляя терминологическую дискуссию за пределами данной работы, оговоримся, что в обзор попали лишь те приложения, которые предполагают использование шлема виртуальной реальности, поскольку для изучения языков принципиальным оказывается максимальный эффект присутствия [7]. Считается, что при экранном взаимодействии (так называемый desktop VR) иммерсивность снижается [5; 11].

Все приложения и платформы, на которых можно изучать иностранный язык, разделяются на две большие категории, которые мы назовём специализированными и смежными средствами. Под **специализированными** решениями мы будем понимать разработки, главной целью которых является непосредственно изучение языков, в то время как на **смежных** приложениях изучение языка является дополнительной возможностью.

Для цитирования:
Хукаленко Ю. С. Обучение иностранным языкам (на примере английского) с помощью технологии виртуальной реальности: обзор основных разработок // Известия Восточного института. 2021. № 2. С. 118–128. DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-2/118-128>

1 Специализированные разработки

1.1 MondlyVR [14]

MondlyVR от ATi Studios – это обучающее приложение виртуальной реальности, разработанное специально для изучения языков. Суть приложения в том, что учащийся «переносится» в виртуальную среду, где он или она может взаимодействовать с виртуальными персонажами посредством технологии распознавания речи.

Сразу после запуска программы учащийся указывает свой родной язык и выбирает один из тридцати языков для обучения (строго говоря, их там двадцать девять, т. к. британский и американский варианты английского даются как разные языки). Затем на выбор пользователю предоставляется две опции. Первая: можно выбрать коммуникативную ситуацию для практики речи, а именно, отработки определенного диалога и простых фраз. Таких ситуаций всего четыре: поезд, такси, стойка регистрации отеля и ресторан. Вторая опция – лексические мини-уроки по таким темам, как животные, овощи, фрукты, космос.

Несмотря на упрощение графических элементов (низкополигональная графика, примитивная анимация), дизайн не вызывает нареканий и способствует ощущению присутствия. Однако это ощущение исчезает при попытке речевого взаимодействия с персонажами. Во-первых, при обращении персонажа к учащемуся, последний может выбирать только из вариантов, предложенных программой. Эти варианты представляют собой достаточно громоздкий элемент интерфейса, который также негативно влияет на восприятие ситуации как реалистичной. Во-вторых, для записи голоса нужно навести указатель контроллера на элемент интерфейса, изображающего микрофон и нажать триггер, что делает речевое взаимодействие неспонтанным, а диалог – затянутым. И последнее, учащийся не может задавать вопросов собеседнику сам: инициатива в диалоге всегда принадлежит искусственному интеллекту.

Что касается лексических уроков, то в этой части программа проработана слабо. Используется технология speech-to-text, которая, несмотря на дешевизну, является неадекватной для целей обучения языку. Неправильные интонации, грубые грамматические ошибки («Я буду остаться в отеле до пятницы»), неузвальные употребления лексики и прочее делают робота не просто неэффективным, а скорее, вредным тренажером.

Таким образом, исключительно при условии улучшения и исправления ошибок, MondlyVR может быть встроен в образовательный процесс или рекомендован как дополнительный инструмент обучения. Такое приложение будет особенно полезно для учащихся с уровнем A2 (pre-intermediate) для практики элементарных диалогов, а также, возможно, для учащихся, испытывающих коммуникативные трудности, широко известные как «языковой барьер».

1.2 Virtual Speech [15]

В отличие от предыдущего приложения, виртуальная реальность на образовательных курсах от Virtual Speech (VirtualSpeech Ltd.) представляет собой дополнительный элемент в комплексной системе обучения. Так, дистанционный курс English for Business (английский для бизнеса) включает два компонента. Первый – стандартный онлайн курс с дизайном платформы FutureLearn (популярная образовательная платформа, на которой в основном размещаются массовые онлайн курсы) с видеолекциями, статьями для чтения, тестами и кейсами. Второй и не менее важный компонент курса – практика:

полученные теоретические знания предлагается применить в виртуальной реальности.

Курс включает сорок девять уроков и шесть VR-сценариев. Рассмотрим, как это работает на примере темы «бизнес нетворкинг». После видеолекции и чтения дополнительной литературы, учащемуся предлагается применить полученные знания на практике. Надев шлем, учащийся оказывается на типичном профессиональном мероприятии, где он или она может поговорить последовательно с каждым из коллег. К сожалению, ощущение погруженности в коммуникативную ситуацию пропадает из-за неинтерактивности персонажей: они лишь проговаривают записанную аудиозапись, разделенную паузами, во время которых может говорить учащийся. При этом содержание речи учащегося программой игнорируется. Чтобы собеседник продолжил разговор после паузы, нужно нажимать на специальную кнопку интерфейса.

После завершения такого «диалога» система оценивает степень поддержки визуального контакта и предлагает мини-тест по услышанному материалу в форме выбора правильного варианта ответа. Например, нужно ответить, откуда собеседник, в какой компании работает, почему решил посетить данное событие и т. д. Такое упражнение не только тренирует навыки восприятия на слух звучащей иностранной речи, но также развивает внимательность и память, необходимые в профессиональном общении.

Отдельно отметим, что неинтерактивность персонажей не принципиальна в других сценариях, например, на репетиции публичного выступления. Предварительно загрузив свою презентацию, учащийся должен говорить достаточно продолжительное время перед виртуальной аудиторией из девяти человек, стараясь не отвлекаться на тех, кто двигается, записывает или пьет кофе. Полезной функцией является возможность сохранить аудиофайл своего выступления и впоследствии проанализировать его, либо поделиться с коллегами или преподавателем.

С появлением курсов, подобных описанному, можно с осторожностью говорить о новом типе смешанного обучения (blended learning), где вместо очного компонента выступает компонент виртуальной реальности. Вопрос об эффективности дистанционных автономных методов обучения иностранным языкам всё ещё остаётся открытым [6; 8], но инструмент виртуальной реальности, правильно встроенный в систему языкового онлайн курса, может послужит серьезным подспорьем тем учащимся, кто предпочитает осваивать языки самостоятельно онлайн.

1.3 VARVARA [13]

VARVARA – разработанная методистами Центра НТИ по нейротехнологиям, технологиям виртуальной и дополненной реальности ДВФУ серия курсов и сценариев-модулей для изучения и практики английского языка на запатентованной платформе ООО «ВиАр Суперсоник». Приложение разработано для учеников, находящихся на начальном этапе изучения английского языка (A1–A2 по общеевропейской системе оценки уровня владения иностранным языком) в возрасте от 10–11 лет. Программное обеспечение VARVARA направлено на решение сразу нескольких задач учителя: разговорная прак-

тика иностранного языка в рамках урока, преодоление «языкового барьера» и боязни сделать ошибку, создание условий для повышения интереса к изучению английского. VARVARA соответствует требованиям ФГОС и содержанию учебного предмета «Иностранный язык (английский)».

В соответствии с концепцией разработчиков, диалоговый тренажёр не призван заменить учебник или учителя на уроке, а должен использоваться в качестве дополнения к традиционному уроку иностранного языка в школе. VR-сценарии сопровождаются руководством пользователя и методическими материалами для учителя и ученика.

Приложение основано на двух методических принципах: коммуникативности и ситуативности. Ученик получает разнообразные возможности для практики разговорной речи, и эта практика осуществляется в условиях, максимально приближенных к реальной коммуникативной ситуации. Всего разработано тринадцать сценариев в четырёх различных локациях: спортивный зал, кафе быстрого питания, галерея и отель. Помимо комплекса обстановки и предметов, коммуникативные ситуации включают ролевые, социально-статусные, деятельности и нравственные отношения говорящих.

С октября 2020 по апрель 2021 тренажёр участвовал во Всероссийской программе апробации образовательных приложений в виртуальной и дополненной реальности. Было получено 76 заявок от общеобразовательных организаций среднего образования. В тестировании разработки приняли участие более 800 учеников [13].

Обратная связь от участников Программы анализируется в рамках исследования Центра НТИ VR/AR ДВФУ совместно со специалистами Российской Академии Наук.

1.4 Приложения для изучения лексики

Существует несколько мобильных приложений для запоминания слов; не так давно к ним добавились подобные приложения с использованием технологии виртуальной реальности. Изучение вокабуляра здесь аналогично физическим словарным карточкам или изучению слов методом стикеров, который многим хорошо известен: на все объекты окружающего пространства (как правило, дом или офис) приклеиваются стикеры с названиями этих объектов (холодильник, зеркало, дверь). Так, надевая шлем для виртуальной реальности и загрузив приложение **VR Learn English** [16] от ProVR Games, учащийся попадает в виртуальную квартиру с крайне простым, схематичным дизайном. Учащийся двигается по квартире сообразно движению головы, при этом слышит звуковую репрезентацию окружающих объектов и письменные варианты соответствующих слов. Приложение интуитивное, быстро грузится, а примитивная графика не вызывает сильного отторжения, поскольку ее достаточно для реализации главной функции приложения: запоминания слов. С точки зрения методологии может вызвать вопрос эффективности изучения лексики в отрыве от контекста, но возможность обучения без использования родного языка учащегося является очень важным достоинством приложения с точки зрения коммуникативной методики обучения.

Приложение **PanoLingo** от ITgenerator [17], которое позиционирует себя как первое приложение для изучения языков, в своей задумке

не отличается от предыдущего: учащийся также находится в обстановке дома, также изучает написание и звучание окружающих объектов. В PanoLingvo добились большей реалистичности, используя панорамные фото на 360 градусов, но лишили учащегося возможности перемещения в пространстве (имитации перемещения). В программе, кроме дома, есть и другие локации, например, автобус, магазин или офис. Главным недостатком приложения на текущий момент является его недоработанность: начиная с официального сайта, где в текстах встречаются грамматические ошибки, заканчивая серьёзными ошибками в самой программе, которые, например, не дают передвигаться от одного слова к другому в процессе обучения.

Тем не менее можно констатировать, что техники запоминания новых слов в процессе изучения иностранного языка пополнились еще одним инструментом, который доступен с использованием технологии VR. Эффективность таких техник представляет собой перспективное направление для исследований.

Завершая обзор основных специализированных приложений для изучения иностранных языков, нельзя не упомянуть, что некоторые продукты находятся в процессе разработки. Например, **ImmerseME** от Immerseme Ltd. [18]. Здесь виртуальная реальность дополнит существующие курсы и логично встроится в систему обучения. Планируется, что это будут панорамные видео 360 с записью речи реального актёра, с которым учащийся сможет иметь нечто похожее на диалог. Другая интересная программа, находящаяся в разработке – игра в виртуальной реальности для изучения языков Argotian [19]. Создатели игры утверждают, что комбинация средств виртуальной реальности, искусственного интеллекта и WebXR позволит определить уровень владения языком конкретного пользователя и выстроить соответствующую индивидуальную траекторию обучения. Насколько успешной будет реализация этих идей, покажет будущее.

На данный момент отечественный рынок не предлагает готовых продуктов для изучения иностранных языков в виртуальной реальности. Тем не менее достойна упоминания разработка **Smart Education** [20] от красноярской компании «КТС». Планируется, что учащийся получит возможность отработать коммуникативные навыки, погрузившись в виртуальную среду. На данный момент компанией создано два виртуальных пространства: аэропорт и комната, причём в аэропорту, по утверждению разработчиков, есть возможность поддержать простой диалог с искусственным интеллектом. На данном этапе проект нуждается в серьёзных доработках.

Перейдем к приложениям, которые можно использовать для изучения языков, несмотря на то, что эта функция не является основной.

2 Смежные разработки

Список виртуальных пространств, где можно улучшить свои языковые навыки (в первую очередь, речь идёт об английском языке) гораздо шире, чем список специализированных средств. Здесь можно выделить три группы приложений: виртуальные социальные сети, образовательные платформы и игры. В рамках данного обзора основное внимание уделено первым двум.

2.1 Социальные сети

Виртуальных площадок для общения становится всё больше, например, различные VRChat [21], Altspace [22], VTime [23], Facebook Spaces [24], Recroom [25] и другие. В контексте данного обзора их объединяет одно: возможность языковой практики, а выбор конкретной платформы – вопрос предпочтений самого учащегося.

Рассмотрим, как это работает на примере программы Altspace, которая технически повторяет VRChat, за исключением некоторых технических ограничений, (например, меньшие возможности в выборе аватара). Слоган Altspace можно перевести как «Не виарь в одиночестве», и здесь всё направлено на общение. Есть три основные опции: 1) интерактивные игры с друзьями, 2) виртуальные события, 3) общение с друзьями и незнакомыми пользователями. Познакомиться с кем-то и поддерживать разговор на изучаемом языке можно как на виртуальном событии, так и присоединившись к открытой встрече. Участники сообщества, как правило, дружелюбны и сами инициируют общение, видя новичка. Если же какой-то из собеседников ведет себя некорректно или слишком активно, у его аватара можно отключить звук.

В схожей программе VTime сосредоточиться на практике языков легче: красиво отрендеренные пространства (у костра, в переговорной небоскрёба и даже в открытом космосе) рассчитаны на небольшое количество участников и располагают к спокойному общению. На платформе можно как встречаться с друзьями, так и знакомиться с новыми людьми. VTime – это кроссплатформенная социальная сеть, или, как они себя называют, cross-reality social network. Термин «кросс-реальность» используется не просто так. Vtime дает три опции для общения: VR, AR (нужен шлем) и экранная версия (шлем не нужен).

Некоторые преподаватели языков уже используют виртуальные социальные пространства для проведения различных разговорных клубов. Думается, что такой формат занятий подходит интровертам: некоторые учащиеся могут чувствовать себя спокойнее и безопаснее, используя аватар. Кроме того, есть студенты, которые официальному учебному классу предпочитают более неформальную и более естественную внеклассную обстановку, в которой им проще расслабиться, а это часто оказывается важным для практики разговорной речи.

2.2 Образовательные платформы

Если преподаватель хочет проводить уроки, приближенные к традиционному формату, и использовать на своих занятиях презентации, текстовые материалы, различные объекты, видео и прочее, то виртуальная реальность предлагает специально разработанные образовательные платформы.

EngageVR [16] от Immersive VR Education позволяет собирать аудиторию до шестидесяти человек, используя на занятиях не только стандартные инструменты типа доски, но и различные 3D-объекты, которыми можно манипулировать в виртуальном пространстве (например, увеличить молекулу до гигантских размеров, делая лекцию более живой и наглядной). Кроме того, платформа содержит несколько готовых обучающих уроков, а также серию видео 360°, которые можно встраивать в структуру урока. К сожалению, несмотря на амбициозность проекта и перспективность разработки, платфор-

ма всё ещё не готова к использованию. Во-первых, каждое учебное пространство загружается очень долго, в среднем 15–20 минут. Это можно было бы объяснить загрузкой всей сцены из сервера, но при закрытии сервера все загруженные данные удаляются. Во-вторых, использование функций программы, таких как манипуляция с объектами, требует дополнительных навыков со стороны преподавателя в силу неинтуитивности интерфейса.

Платформа **Rumii** [26] от Doghead Simulations, обладая тем же набором функций и инструментов (доска, 3D-объекты, демонстрация экрана, обмен файлами) работает быстрее и является более интуитивной в освоении, хотя отличается более простой графикой. Разработчики позиционируют себя как «иммерсивный офис», делая акцент на том, что Rumii – пространство для встреч, совместной удалённой работы и учёбы. Большим достоинством программы является кроссплатформенность, включая возможность работы на iOS. В случаях, когда учебное заведение не может приглашать на занятия преподавателя-носителя языка, использование Rumii видится наиболее оправданным.

Последняя разработка, стоящая упоминания, – **ClassVR** [27] от Avantis Systems Ltd. Компания выпускает собственный шлем виртуальной реальности, используемый исключительно для занятий по специально разработанным программам для нескольких школьных дисциплин (история, естественные науки, искусство и культура, основы безопасности и прочее). Такая автономность упрощает внедрение и использование технологии: приобретается набор из восьми или четырёх шлемов в специальном портативном ящике для хранения, и набор сразу готов к использованию. Помимо контента для виртуальной, дополненной и смешанной реальностей, материалы к занятиям включают планы уроков, тесты, игры, кейсы и другие задания. Разработчики, кроме того, предлагают бесплатную демонстрацию и обучение учителей. Минусом является высокая стоимость обучающих комплектов и ориентация на школьную программу Великобритании.

Заключение

Существующие средства изучения иностранных языков в виртуальной реальности представляет собой совокупность разрозненных разработок разной степени качества и завершенности. В отличие от рынка учебников по английскому языку, где есть свои лидеры и каноны, выработанные в ходе многочисленных исследований, в сфере виртуальной реальности таких лидеров нет. Пока только можно говорить о трёх главных направлениях использования VR-технологии для изучения иностранных языков. Это виртуальная реальность как:

1. Автономный инструмент для тренировки того или иного лингвистического навыка или навыков;
2. Компонент комплексной программы;
3. Образовательная среда, альтернативная физическому учебному пространству.

Заключительные комментарии

Техники и инструменты обучения иностранному языку, предлагаемые в виртуальной реальности, являются ещё одним инструментом, который дополняет существующий набор методических средств. Эф-

фективность данного инструмента по сравнению с другими способами дистанционного освоения языков (Skype, мобильные приложения, онлайн курсы) нуждается в дополнительных исследованиях.

Технология виртуальной реальности в обучении иностранным языкам может эффективно применяться для решения частных методических задач, таких как отработка элементарных диалогов, запоминание лексики, языковая разговорная практика и т. д. и должна встраиваться в более широкую методологическую систему.

В контексте коммуникативных ситуаций и практики речи, виртуальная реальность пересекается с технологиями искусственного интеллекта и распознавания речи.

Несмотря на то, что доступ к технологиям виртуальной реальности пока не является массовым, в будущем можно с осторожностью прогнозировать новый виток в развитии индустрии онлайн-курсов. VR, эффективно интегрированный в структуру онлайн курса, предоставляет больше возможности для практической отработки изученных материалов. Возможно, такой вектор развития выведет языковые онлайн курсы на качественно новый уровень.

Несмотря на все достоинства и потенциал, следует помнить, что использование технологии виртуальной реальности должно быть разумным и соответствовать принципу дидактической целесообразности, который предполагает интеграцию новых технологий только в тех ситуациях, когда решение учебной задачи будет эффективнее с этой технологией, нежели при помощи традиционных методов [2]. Думается, что следует избегать внедрения «VR ради VR», как бы много надежд на эту технологию ни возлагалось.

Литература

1. Доброва В. В., Лабзина П. Г. Виртуальная реальность в преподавании иностранных языков // Вестник Самарского государственного технического университета. 2016. № 4. С. 13–20
2. Скакунова В. А. Дидактические принципы создания информационно-коммуникационной среды в обучении английскому языку (на высшей ступени образования) // Лингвистика, лингводидактика, лингвокультурология: актуальные вопросы и перспективы развития. 2019. № 102. С. 263–266.
3. Blyth C. Immersive technologies and language learning // Foreign Language Annals. 2018. № 51 (1). P. 225–232.
4. Bonner E., Reinders H. Augmented and Virtual Reality in The Language Classroom: Practical Ideas // Teaching English with Technology. 2018. № 18 (3). P. 33–53.
5. Mabrook R., Singer J. Virtual Reality, 360° Video, and Journalism Studies: Conceptual Approaches to Immersive Technologies // Journalism Studies. 2019. P. 1–17.
6. Nicosia G. Developing an online writing intensive course: will it work for public speaking? // International Journal of Instructional Media. 2005. № 32 (2). P. 163.
7. Peeters D., Dijkstra T. Sustained inhibition of the native language in bilingual language production: A virtual reality approach // Bilingualism: Language and Cognition. 2018. № 21 (5). P. 1035–1061.
8. Rubio F. Assessment of oral proficiency in online language courses: Beyond reinventing the wheel // The Modern Language Journal. 2015. № 99 (2). P. 405–408.
9. Russell D. The Design of Immersive Virtual Learning Environments Utilizing Problem-Based Learning Templates // Computer-Assisted Language Learning: Concepts, Methodologies, Tools, and Applications – IGI Global, 2019. P. 430–449.
10. Scrivner O., Madewell J., Buckley C., Perez N. Best Practices in the Use of

- Augmented and Virtual Reality Technologies for SLA: Design, Implementation, and Feedback // *Teaching Language and Teaching Literature in Virtual Environments* – Springer, Singapore. 2019. P. 55–72.
11. Slater M. Immersion and the illusion of presence in virtual reality // *British journal of psychology*. 2018. № 109 (3). P. 431.
12. Zou D., Xie H., Wang F. L. Future trends and research issues of technology-enhanced language learning: A technological perspective // *Knowledge Management & E-Learning: An International Journal*. 2018. № 10 (4). P. 426 – 440.
13. Центр НТИ ДВФУ: Официальный сайт. – Владивосток, 2017-2020. – URL: <https://edu.vrnti.ru/varvara> (дата обращения: 18.05.2021).
14. Официальный сайт MondlyVR. URL: <https://www.mondly.com> (дата обращения: 18.05.2021).
15. Официальный сайт VirtualSpeech Ltd. URL: <https://virtualspeech.com> (дата обращения: 18.05.2021).
16. Официальный сайт Varwin. URL: <https://varwin.com> (дата обращения: 18.05.2021).
17. Официальный сайт ITgenerator. All rights reserved. URL: <https://www.itgenerator.com> (дата обращения: 18.05.2021).
18. Официальный сайт ImmersemeVR. URL: <https://immerseme.com> (дата обращения: 18.05.2021).
19. Официальный сайт Vistro Entertainment Inc. URL: <https://www.argolingo.com> (дата обращения: 18.05.2021).
20. Официальный сайт Красноярск Техно Сервис. URL: <http://ktservice.ru> (дата обращения: 18.05.2021).
21. Официальный сайт VRChat Inc. URL: <https://hello.vrchat.com> (дата обращения: 18.05.2021).
22. Официальный сайт AltspaceVR. URL: <https://altvr.com> (дата обращения: 18.05.2021).
23. Официальный сайт vTime Holdings Limited. URL: <https://vtime.net> (дата обращения: 18.05.2021).
24. Официальный сайт Facebook Spaces. URL: <https://www.facebook.com/spaces> (дата обращения: 18.05.2021).
25. Официальный сайт Rec Room (Junior Mode). URL: <https://recroom.com> (дата обращения: 18.05.2021).
26. Официальный сайт Doghead Simulations. URL: <https://www.dogheadsimulations.com/rumii> (дата обращения: 18.05.2021).
27. Официальный сайт Avantis Systems Ltd. URL: <https://www.avantiseducation.com> (дата обращения: 18.05.2021).

Julia S. KHUKALENKO,

Ph. D. (in Philology), Research Fellow at the Centre of National Technology Initiative, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

E-mail: khukalenko.ius@dvfu.ru

Foreign Language Acquisition (ESL) in Virtual Reality: Software Review

UDC 81.33

DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-2/118-128>

Analysis of innovative software in virtual reality for learning languages (ESL as an example) has been undertaken. Existing software, used in higher education and secondary schools, can be divided into two main groups: specialized applications and practicing platforms. Each software has been described according to its function, application, pedagogical potential and implementation. It has been demonstrated that virtual reality has a potential as an educational tool, however, more methodological work along with scientific research is needed at this stage.

*virtual reality,
IT,
educational technologies,
ESL*

For citation: Khukalenko J. S. Foreign Language Acquisition (ESL) in Virtual Reality: Software Review // Oriental Institute Journal. 2021. № 2. P. 118–128. DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-2/118-128>

References

1. Dobrova V. V., Labzina P. G. 'Virtual'naya real'nost' v prepodavanii inostrannykh yazykov // Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. 2016. № 4. S. 13–20
2. Skakunova V. A. Didakticheskie printsipy sozdaniya informatsionno-kommunikatsionnoj sredy v obuchenii anglijskomu yazyku (na vysshej stupeni obrazovaniya) // Lingvistika, lingvodidaktika, lingvokul'turologiya: aktual'nye voprosy i perspektivy razvitiya. 2019. № 102. S. 263–266.
3. Blyth C. Immersive technologies and language learning // Foreign Language Annals. 2018. № 51 (1). P. 225–232.
4. Bonner E., Reinders H. Augmented and Virtual Reality in The Language Classroom: Practical Ideas // Teaching English with Technology. 2018. № 18 (3). P. 33–53.
5. Mabrook R., Singer J. Virtual Reality, 360° Video, and Journalism Studies: Conceptual Approaches to Immersive Technologies // Journalism Studies. 2019. P. 1–17.
6. Nicosia G. Developing an online writing intensive course: will it work for public speaking? // International Journal of Instructional Media. 2005. № 32 (2). P. 163.
7. Peeters D., Dijkstra T. Sustained inhibition of the native language in bilingual language production: A virtual reality approach // Bilingualism: Language and Cognition. 2018. № 21 (5). P. 1035–1061.
8. Rubio F. Assessment of oral proficiency in online language courses: Beyond reinventing the wheel // The Modern Language Journal. 2015. № 99 (2). P. 405–408.
9. Russell D. The Design of Immersive Virtual Learning Environments Utilizing Problem-Based Learning Templates // Computer-Assisted Language Learning: Concepts, Methodologies, Tools, and Applications – IGI Global, 2019. P. 430–449.
10. Scrivner O., Madewell J., Buckley C., Perez N. Best Practices in the Use of Augmented and Virtual Reality Technologies for SLA: Design, Implementation, and Feedback // Teaching Language and Teaching Literature in Virtual Environments – Springer, Singapore. 2019. P. 55–72.
11. Slater M. Immersion and the illusion of presence in virtual reality // British journal of

psychology. 2018. № 109 (3). P. 431.

12. Zou D., Xie H., Wang F. L. Future trends and research issues of technology-enhanced language learning: A technological perspective // Knowledge Management & E-Learning: An International Journal. 2018. № 10 (4). P. 426 – 440.

13. TSentr NTI DVFU: Ofitsial'nyj sajt. – Vladivostok, 2017-2020. – URL: <https://edu.vrnti.ru/varvara> (data obrashheniya: 18.05.2021).

14. Ofitsial'nyj sajt MondlyVR. URL: <https://www.mondly.com> (data obrashheniya: 18.05.2021).

15. Ofitsial'nyj sajt VirtualSpeech Ltd. URL: <https://virtualspeech.com> (data obrashheniya: 18.05.2021).

16. Ofitsial'nyj sajt Varwin. URL: <https://varwin.com> (data obrashheniya: 18.05.2021).

17. Ofitsial'nyj sajt ITgenerator. All rights reserved. URL: <https://www.itgenerator.com> (data obrashheniya: 18.05.2021).

18. Ofitsial'nyj sajt ImmerseVR. URL: <https://immerseme.com> (data obrashheniya: 18.05.2021).

19. Ofitsial'nyj sajt Virtro Entertainment

Inc. URL: <https://www.argolingo.com> (data obrashheniya: 18.05.2021).

20. Ofitsial'nyj sajt Krasnoyarsk Tekhno Servis. URL: <http://ktservice.ru> (data obrashheniya: 18.05.2021).

21. Ofitsial'nyj sajt VRChat Inc. URL: <https://hello.vrchat.com> (data obrashheniya: 18.05.2021).

22. Ofitsial'nyj sajt AltspaceVR. URL: <https://altvr.com> (data obrashheniya: 18.05.2021).

23. Ofitsial'nyj sajt vTime Holdings Limited. URL: <https://vtime.net> (data obrashheniya: 18.05.2021).

24. Ofitsial'nyj sajt Facebook Spaces. URL: <https://www.facebook.com/spaces> (data obrashheniya: 18.05.2021).

25. Ofitsial'nyj sajt Rec Room (Junior Mode). URL: <https://recroom.com> (data obrashheniya: 18.05.2021).

26. Ofitsial'nyj sajt Doghead Simulations. URL: <https://www.dogheadsimulations.com/rumii> (data obrashheniya: 18.05.2021).

27. Ofitsial'nyj sajt Avantis Systems Ltd. URL: <https://www.avantiseducation.com> (data obrashheniya: 18.05.2021).

Примечание:

Знак «"» в тексте источника заменён на знак «ъ»; исправления, внесённые в текст сразу после его написания, включены в публикацию. Исправлены однозначные опечатки и изъяты избыточные знаки препинания. Сохранён авторский грамматический стиль и способ написания слов. Все редакторские пометки и исправления помещены в квадратные скобки []. Документы имеют перекрёстные ссылки, поэтому в части материалов проставлена оригинальная пагинация страниц в угловых скобках < > в месте начала каждой страницы за исключением первой.

Публикацию подготовил: Барбенко Ярослав Александрович, канд. ист. наук, доцент кафедры политологии Восточного института – Школы региональных и международных исследований, ДВФУ (г. Владивосток).
Электронная почта: prohist@ya.ru

№ 3

ВЫВОДЫ

ПО ИТОГАМ ОБСЛЕДОВАНИЯ КАФЕДРЫ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА ВОСТОЧНОГО ФАКУЛЬТЕТА ДВГУ.

Продолжение. Начало см.: Известия Восточного института. 2021. № 1. С. 89–113.

На основе «Материалов по итогам обследования работы кафедры китайского языка Восточного факультета ДВГУ» мы помещаем здесь выводы, сделанные в порядке соответствующих разделов обследования (см. «Материалы» [документ № 1]: 1–18 разделы), и даем окончательное заключение.

Для удобства изложения материал разделен на две части: положительные и отрицательные выводы.

1. ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ ВЫВОДЫ.

Раздел 1-й. Программы доведены до сведения студентов.

Раздел 2-й. 1. Преподавание теории разговорного языка (доц. Червонецкий) на 1, 2 и 3 курсах проходит в теоретической своей части вполне нормально.

2. Трудовая дисциплина групп на всех курсах удовлетворительна.

3. Преподаватель разговорной практики и письма т. Чжан обладает ценными положительными качествами для своей работы.

4. Состояние навыков в письменности у студентов удовлетворительно.

5. Студентами ведутся аккуратные записи преподаваемого материала.

Для цитирования:
Материалы обследования кафедры китайского языка ДВГУ, декабрь 1935 – январь 1936 годов. Часть 2 // Известия Восточного института. 2021. № 2. С. 129–146. DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-2/129-146>

- Раздел 3-й. 1. Преподавателем кафедры доц. Червонецким даны представителю обследования исчерпывающие данные о правильной теоретической разработке вопроса постепенного перехода от пассивного восприятия к самостоятельной работе студентов.
2. На уроках теории разговорного языка уделяется достаточное внимание письменным упражнениям.
- Раздел 4-й. Кафедра регулярно на всех очередных заседаниях фиксирует свое внимание на отстающих студентах и добивается воздействия на них через треугольник Университета. [Вычеркнуто: «Существуют буксиры»] Проводятся консультации, как в установленном порядке, так и свыше указанной нормы (доц. Червонецкий).
- Раздел 8-й. На заседаниях кафедры со студенческими представителями ведутся собеседования на темы о кружковой работе и о применении методов стахановского движения в работе студентов.
- Раздел 14-й. Научными работниками кафедры ведется крупная, активная научно-исследовательская работа по составлению учебных пособий для студентов Востфака, а также для вневузовского употребления (пособие для нужд Армии).
- Раздел 16-й. Подготовка к зачетной сессии идет планомерным порядком.

<Стр. 2> Суммируя сказанное о положительных моментах в работе кафедры, следует особо отметить большую эрудицию членов кафедры и их крупную [вычеркнуто: «научно-исследовательскую»] работу.

2. ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ВЫВОДЫ

- Раздел 1-й. 1. Во всех учебных программах отсутствует указание о дозировке иероглифики по данному курсу.
2. В программе по истории китайской литературы не видно увязки развития литературных течений с историческими градациями социально-экономического уклада жизни страны по отдельным этапам устройства государственно-политического строя. В новейшем периоде не отведено достаточно места пролетарской (революционной) литературе.
3. (К Учебной части). В деканате Востфака отсутствует учебно-производственный план и какой-либо программно-методический материал, а также рабочие планы.
4. Совершенно отсутствуют программы и какие-либо методические установки по разговорной практике и письму.
5. Составление учебного плана для 5-го курса проходило без тесной связи с председателем кафедры.

Раздел 2-й.

1. На всех курсах отсутствует увязка подачи теоретического материала и разговорной практики, на которой должен фактически прорабатываться теоретический багаж знаний. Отсюда – бессистемная разговорная практика, вялость и пассивность на всех курсах.

2. Отсутствует контроль со стороны кафедры за работой молодого преподавателя т. Чжана.

[Вычеркнуто: «3. На 1–2 курсах в активной проработке материала участвуют преимущественно успевающие студенты (как на занятиях теории, так и на разговорной практике). Отстающие студенты по преимуществу обречены на пассивное восприятие.

4. На 2-м курсе имеет место чрезмерно большая дозировка иероглифики (80–110 знаков на шестидневку)». Отмечается поверхностная проработка текстов по газетному стилю.

5. В занятиях по теории разговорного языка на 3-м курсе и газетно-классическому стилям на 4-м курсе в силу самого метода преподавания отсутствует прививание студентам навыков самостоятельной работы. Перевод текста, записанный со слов профессора, преимущественно заучивается механическим путем. Отсутствует дифференцированный подход к возможностям роста студентов в учебе. Все это не дает базы для проявления студентами собственно инициативы в самостоятельной работе.

6. На 5-м курсе «Курс истории китайской литературы» излагается вне связи с социальным базисом и социальными сдвигами, имеющими место в Китае. Не делается критическая оценка взглядов буржуазных синологов на литературную революцию в Китае.

7. Прохождение на 5-м курсе методики преподавания китайского языка не соответствует по своему **<стр. 3>** содержанию целеустановке – подготовке кадров преподавателей китайского языка в средних школах Края.

8. Метод воздействия на студентов, проявляемый доцентом Червонецким при преподавании на 1, 2 и 3 курсах не способствует проявлению аудиторией соответствующей активности, а наоборот служит фактором к пассивности аудитории, как явлению общего характера.

9. На лекциях теории разговорного языка и разговорной практики отсутствует особое внимание преподавателя к отстающим студентам. Время, уделяемое на опрос каждого студента, дозируется неравномерно. Ответы студентов не получают аттестации в процессе самой работы. В результате на занятиях участвует лишь активная часть успевающих студентов. Особенная пассивность всей аудитории наблюдается на уроках разговорной практики на 1–2 курсах.

9. На лекциях теории разговорного языка и разговорной практики отсутствует особое внимание преподавателя к отстающим студентам. Время, уделяемое на опрос каждого студента, дозируется неравномерно. Ответы студентов не получают аттестации в процессе самой работы. В результате на занятиях участвует лишь активная часть успевающих студентов. Особенная пассивность всей аудитории наблюдается на уроках разговорной практики на 1–2 курсах.

10. Методика разговорной практики на 1–2 курсах страдает однобокостью. Отсутствуют иные приёмы, кроме вопросов-ответов с инициативой со стороны преподавателя.

11. На занятиях 4-го курса по газетно-журнальному стилю отсутствует метод подачи литературно-обработанного перевода. Дословный же перевод не готовится студентами самостоятельно, а записывается под диктовку со слов профессора.

12. Не заостряется научно-исследовательский интерес студентов старших курсов над латинизацией китайской письменности, как актуальной проблемы грядущей культурной революции в Китае. Преподавание латинизации в текущем ак. году не ведется.

Раздел 3-й.

1. На втором курсе выражают недовольство по поводу отсутствия материала для самостоятельной проработки по газетному стилю.

2. Практически не осуществляется разработанная председателем кафедры установка по привитию студентам самостоятельных навыков в работе над китайскими текстами.

Раздел 4-й.

По мнению студенческих представителей на 1–2 курсах т. т. Червонецким и Чжаном уделяется мало внимания отстающим студентам. Помощь им осуществляется по инициативе самих студентов.

Раздел 5-й.

Группы не вполне обеспечены учебниками. Несостоятелен метод переписки текстов через копировальную бумагу. На 2-м курсе немало времени отнимает у студентов переписка текстов. Студенты не знакомятся со специальной литературой на иностранных языках. Брошюра (речь т. Молотова), штудлируемая на 3-м курсе – мало подходящий материал в силу диалектических [диалектных] расхождений в тексте. Ощущается не недостаток в словарях. Неудачно выбрано пособие по изучению лит. стиля на 2-м курсе («Ударники полей». Мартынов) – трудность текста и большие дозировки иероглифики.

- Раздел 6-й. 1. Ненормальные явления резкой градации на 1–2 курсах всей группы не вполне успевающих и хронически отстающих, а также массового отставания на 3-м курсе. Все три курса, по заявлению доц. Червонецкого, подходят к зачетной сессии чрезвычайно неуверенно.
2. Вплоть до предзачетного периода наблюдалось массовое отставание и халатность студентов 3-го курса по отношению к работе у проф. Рудакова.
3. Преобладание метода пассивного восприятия – фактор, способствующий невысокой успеваемости студентов.
- <стр. 4> 4. Членом кафедры (доц. Червонецкий) констатируется отсутствие у студентов интереса и стремления к активности в своей учебе и наличие унылого настроения.
- Раздел 7-й. За исключением нескольких попыток методологического характера со стороны доц. Червонецкого, кафедра не изучала систему и метод работы студентов. Передача опыта работы передовиков отстающим проводится преимущественно по инициативе самих студентов. Указаний как вести записки и конспекты не делается.
- Раздел 9-й. Руководство дипломантами ограничивается на сегодня раздачей статей и тем. Отсутствие систематической работы с дипломантами наблюдалось на ряде прошлых выпусков.
- Разд. 10-й. При достаточной работе кафедры по раздаче студентам заданий производственной практики и просмотру этих заданий с соответствующими отзывами не достает работы кафедры в области оперативного руководства в процессе самой практики.
- Разд. 11-й. В кабинете Востоковедения ощущается недостаток словарей и учебных пособий. Несмотря на ежегодные заявки со стороны кафедры на специальную иностранную литературу, таковая в течение ряда лет почти не получается. Научные работники кафедры лишены возможности читать современную китайскую литературу.
- Разд. 12-й. Кафедрой не организован лингвистический кружок. Студенты крайне пассивно относятся к этому предприятию. Кафедра не привлекает наиболее успевающих студентов к научно-исследовательской работе под ее руководством. Отсутствует связь кафедры с соответствующими организациями по разработке проблем развития производительных сил Китая.
- Разд. 14-й. Отсутствует связь с востоковедными институтами Москвы и Ленинграда.

Разд. 17-й. Соцсоревнование с кафедрой японского языка (по примеру прошлого ак. года) не оформлено. В отношении имеющего место в практической научно-исследовательской работе соцсоревнования членов кафедры не заключены письменные обязательства. Исключение представляет доц. Червонецкий, соревнующийся с научным работником кафедры японского яз. т. Юркевичем.

В дополнение к вышесказанному помещаем ряд выводов, представленных студенческим представителем т. Потаповым по итогам обследования кафедры:

1. Методы преподнесения учебно-производственного материала не приучает студентов к самостоятельной работе над материалом и заглушает собственную его инициативу.

2. Методические вопросы не стоят в центре работы кафедры.

3. Тематика прорабатываемого материала не всегда увязывается с современностью.

4. Нет борьбы со стороны кафедры за обеспечение студентов возможностями производственной практики.

<стр. 5> 5. Кафедра не принимает участия в работе по концентрации китаеведческих сил вокруг кабинета Востоковедения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Принимая во внимание солидную эрудицию членов кафедры и их многолетний педагогический опыт, мы вынуждены констатировать наличие в учебно-производственной работе кафедры моменты, идущие вразрез с основами советской методики преподавания иноязыков, нашедшими себе, между прочим, частичное отражение в следующих словах резолюции КПИЯ (Москва, 1932 г.):

«Неразрывность теории с практикой – обязательное условие правильной постановки преподавания иноязыков. Решающий фактор успеха здесь – активный характер изучения иноязыков с практическим применением получаемых знаний на каждом шагу с упором на навыки».

Недооценка этого и других стержневых положений советской методики преподавания иноязыков и имеющиеся налицо последствия этого явления приводят нас к заключению, что ряд моментов в учебно-производственном процессе работы кафедры организован СЛАБО и нуждается в перестройке.

Научный работник
ДВГУ

(Феклин)

8 января 1936 г.
г. Владивосток

РГИА ДВ Ф. Р-289. Оп. 1. Д. 291. Л. 10–12.

№ 4

ПРЕДЛОЖЕНИЯ

обследовательской бригады по итогам обследования работы кафедры Китайск. языка ВФ ДВГУ в 1935/36 акад. году.

1. Необходимо указание во всех языковых программах соответствующей дозировки иероглифики.

2. В программе по истории китайской литературы необходима (насколько это представляется возможным) увязка важнейших литературных течений с историческими градациями социально-экономической жизни страны. Полагаем необходимым отведение особого достаточного места пролетарской литературе.

3. Кафедре необходимо проработать программы разговорной практики и письма, снабдив их соответствующей методической установкой.

4. В занятиях по теории на 3-м курсе и газетно-классическому стилю на 4-м курсе, необходимо большее внимание кафедры в области прививания студентам навыков самостоятельной работы.

5. Желательно приближение преподавания методики китайск. языка на 5-м курсе по содержанию к своей непосредственной цели – подготовке кадров преподавателей китайского языка в средних школах края.

6. Кафедре необходимо добиться возможности размножения учебных материалов более рациональным путем, чем переписка через копировальную бумагу или же непосредственное их переписывание в студенческие тетради.

7. Необходимо большее внимание со стороны кафедры выпускаемым в текущем году дипломантам.

8. Кафедре необходима организация лингвистического кружка.

9. В целях обмена научно-исследовательским и педагогическим опытом, желательна постоянная связь кафедры с востоковедными институтами Москвы и Ленинграда.

10. Необходимо связь кафедры с заинтересованными в ее работе организациями Края.

11. Своевременная перемена курса педагогической работы кафедры в смысле основного упора на передовых студентов группы.

12. Для отстающих студентов необходима организация дополнительных консультаций с обязательной явкой.

13. Путем проверки личных записей студентов и др. методами кафедра должна изучать систему и метод работы студентов.

14. Оформить соц. соревнование с кафедрой японского языка.

15. Методические вопросы должны быть в центре повседневной работы кафедры.

Научный работник

(Феклин)

Студ. представители

(Денищенко)
(Потапов)

РГИА ДВ Ф. Р-289. Оп. 1. Д. 291. Л. 27–27 об.

ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ.

Заслушав сообщение профорга т. ВИЗИТЕЙ о ходе соцсоревнования в разрезе итогов учебы за ноябрь м-ц, Производственное Собрание 4-го курса кит. отд. Востфака отмечает:

1. Групповой договор полностью не выполнен. Индивидуальные договоры в большинстве еще остались формальными и далеко не всеми выполнены и выполняются.

Больше того, многие студенты сорвали и срывают выполнение договоров плохой учебой. (Плохую оценку по 4 шт. имеют – Беловицкий – 2, Козлов, Слюсарев, Глухов, Василенко, Ефремов – 1).

2. Многие студенты еще не начали писать (переводить) преддипломные работы.

3. Как результат неправильного метода преподавания у некоторой части студентов имеются иждивенческие тенденции, выражающиеся в дословном переписывании переводов, которые даются преподавателями и профессором, взваливая всю ответственность только на преподавателей за незнание грамматики изучаемых языков.

4. Наличие чрезмерной опеки над студентами со стороны профессоров и преподавателей (дословная диктовка переводов с кит. текста), отсутствие у ряда преподавателей, особенно по живой речи, кит. языка планов занятий. Методы преподавания кит. языка (деловой, газетный ст.) и английского языка не на высоте требований высшей школы.

5. Отсутствие стахановского метода как во всем учебном процессе, так и в самостоятельной работе каждого студента.

Собрание ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Основной причиной плохих текущих оценок у известной части студентов 4 курса кит. отд. является отсутствие должного внимания и систематической самостоятельной работы над учебным материалом.

Поэтому, принимая во внимание их обещания об исправлении плохих оценок на более высокие оценки, Собрание предлагает треугольникам групп неослабно контролировать и в случае невыполнения взятых ими обязательств и решений группы – принять меры профсоюзного, партийно-комсомольского воздействия, вплоть до административных мер воздействия.

2. В связи с наличием явных недостатков в учебном процессе и в преподавании отдельных дисциплин, которые являются известным тормозом на пути поднятия качества учебы, Производственное Собрание выдвигает перед Деканатом, Учебной частью и кафедрами следующие практические мероприятия (предложения):

1. а) Учебной части за счет 10% отведенных учебным планом для консультаций консультационные часы включить в расписание помимо дней самостоятельной проработки до зачетной сессии.

б) В целях специализации каждого студента по определенному одному предмету специальности или по целому комплексу предметов и в целях привития навыков самостоятельной работы студентам (4-х курсов, которые этих навыков, к сожалению, не получили

еще в стенах Университета) Учебной части совместно с деканатом и кафедрами пересмотреть учебный план в целях разгрузки уч. плана от несущественных предметов или уменьшения количества часов с соответственным увеличением предмету, который в оставшееся до окончания время принесет пользу в овладении языками, во-первых, и, во-вторых, в целях большего отведения консультац. часов за счет семинарских часов, которые зачастую и по ряду дисциплин носят исключительно характер отчетный (семинар для и ради исключительно отметок, напр. англ. и др.) и дать студентам больше возможности и времени для самостоят. работы под руководством кафедр и преподавателей.

2. Учебной части и деканату: а) Дать твердое указание преподавателям живой речи, чтобы они согласовывали объект живой речи с проходимым материалом по газетному и деловому стилям и военной терминологии.

б) Не загружать студентов переписыванием учеб. материалов и обеспечить необходимым количеством учеб. материалов.

в) Ввести на 4 курсе систематический курс китайской грамматики.

3. Перед кафедрами, в особенности перед кафедрой кит. языка, Совещание выдвигает следующие практические предложения, которые совещание и группы просят пересмотреть на внеочередных кафедрах (по согласованию с руководителями кафедр) с участием Зав. уч. ч., Декана Востфака и представителей группы.

1. По газетному стилю:

а) Общие статьи по газ. стилю не прорабатывать. Каждый студент самостоятельно работает над отдельной статьей по словарю под наблюдением проф. Рудакова.

б) Переводы подавать в письменной форме. Проверку проводить сразу же, результат и сам перевод возвращать.

в) Давать материал дифференцированно, по силам.

г) Оценивать знания студентов по самостоятельным переводам и грамматическим обоснованиям, которые студент дает к своим переводам.

2. По классическому языку.

а) Давать к каждому предложению его грамматическое обоснование.

б) Спрашивать не только перевод, но и грамматику.

3. По живой речи:

а) Кафедра должна дать темы, материал, над которым студенты должны будут работать. Дать установку т. Чжану – выправление произношения студентов, китайское построение предложения.

б) Иметь вопросно-ответную систему разговора (преподават. спрашивает – студент отвечает; студент спрашивает, преподаватель отвечает и т. д.), доклады не считать основным методом работы.

в) На каждом занятии каждый студент разговаривает.

4. По кафедре английского яз., сохраняя ныне существующие разделения по элементам, обратить внимание на то, чтобы не расплываться по мелочам и сосредоточить основное внимание на систематич. грамат. разборе тех или иных статей.

Газетные статьи подбирает преподаватель, причем учитывает его знание (по силе того или иного студента), определяет объем перевода

¹ См.: Известия Восточного института. 2021. № 1. С. 90, рис. 1.

за № [некоторый?] срок и проверить его работу, желательно переводы представлять письменно, а устно обосновать грамматикой.

Пересмотреть метод, систему проверки знания студентов в сторону более глубокого изучения того или иного студента и оказания методической помощи студенту в его самостоятельной переводческой работе. Упраздняя систему спрашивания для отметки и простого арифметического сложения массы отметок и выведения «некоей средней» отметки.

5. Кафедры должны руководить преддипломными работами студентов. Помочь студентам в выборе специальности на основе изучения его знаний, способностей и др.

Организовать научно-исследовательский кружок при кафедре кит. языка.

Треугольник
4-го курса кит. отд.:
Верно:

С. Ким, Визитей, Рось.

РГИА ДВ Ф. Р-289. Оп. 1. Д. 291. Л. 13–13 об.

№ 6

В УЧЕБНЫЙ ОТДЕЛ ДВГУ.

В связи со смотром кафедры китайского языка нельзя не высказать некоторых пожеланий о некоторых возможных перераспределениях лингвистических дисциплин. Мы имеем в виду начинать изучение литературного языка со второго курса китайского отделения Восфака, вследствие трудности его изучения. В настоящее время он изучается, начиная с третьего курса, чем не достигается требуемый успех его прохождения. Вопрос о введении его со второго курса будет рассмотрен на одном из заседаний кафедры. Другим пожеланием является своевременная разработка первоначального пособия по литературному языку в сообществе с преп. Чжаном, который берется составлять примеры на классическом языке по различным темам современности. Методика такого пособия выясняется мною с учетом издаваемых в Китае учебных пособий этого рода.

В видах наиболее рациональной постановки дела на V курсе необходимо уже с весны приступить к изданию китайских текстов и учебных пособий всякого рода. Так нужно чтонибудь издать на восковке по частной методике. Полезно было бы напечатать мою статью: о новом учебнике китайского языка, – если это не встретит возражений. Вместе с тем необходимо было бы чтонибудь издать и по методике преподавания в средней и нисшей школе. Гола два тому назад, я в контакте с Червонецким составил докладную записку по этому вопросу, причем она было передана директору ДВГУ. Где находится эта докладная записка? Полезно было бы ее разыскать и приобщить к тому материалу, который собирается мною по этой дисциплине.

Проф. А. Рудаков
3/1 36.

РГИА ДВ Ф. Р-289. Оп. 1. Д. 291. Л. 14.

№ 7

ДЕКАНУ ВОСФАКА

Представляя при сем мои разъяснения по поводу статьи т. Потапова, я на основании фактического материала могу резюмировать их след. образом:

1. Организация учебного процесса кафедрой китайского языка вообще отвечает задачам подготовки высококвалифицированных советских специалистов.

2. Преподавание китайского языка ведется по методам высшей ориентальной школы, отнюдь не имея ничего общего с методами средней школы.

3. Картина преподавания, набросанная т. Потаповым, не соответствует действительности, представляя искажение фактов.

4. Высказывания относительно изучения официального языка – неверны, вследствие непонимания предмета.

5. Вся статья т. Потапова представляет упражнение, слабо выдержанное в диалектическом отношении.

Зав. кафедрой кит. яз. Проф. А. Рудаков
3/1 36

ПРОФ. А. В. РУДАКОВ

В № 7 газеты: Трибуна Университета (25 декабря 1935 года) появилась статья: «Мы не школьники», подписанная фамилией: Потапов¹. Оставляя в стороне некорректный тон статьи по отношению к преподавателю («поводырь», «нянька», «замахал руками») считаю полезным осветить некоторые темные места этого выступления в печати.

Вопрос касается IV курса китайского отделения Восфака, отличающейся наибольшей многочисленностью слушателей среди других курсов китайского отделения (14–15 человек к 1 янв. текущего года). Успеваемость в прошлом году была средняя – все больше тройку (уд.). В настоящем году к 1 янв. в процентном отношении она выражается следующими цифрами: по газетно-журнальному стилю: неуд. 14 2/7%, уд. 57 1/7%, хорошо – 28 4/7%, по классическому языку: неуд. 14 2/7%, уд. 50%, хорошо – 33 1/3%. В смысле общеобразовательной подготовки курс оставляет желать много лучшего. Например. Отчет (в представленной первой редакции) студента Беловицкого пестрит грамматическими ошибками. Незнание русской грамматики и низкий уровень лингвистической подготовки вообще обнаруживается у многих, что сильно тормозит осмысленное штудирование китайских текстов. Кроме этого, невнимательность – почти поголовное явление. Напр. 14 декабря при чтении текста Лунь юй`я (III, 17) я дал довольно обстоятельное объяснение о китайском лунном календаре, рассылка которого находилась с некоторыми церемониями по случаю первого дня месяца. Когда 26 декабря при повторении дельно разобранного на прошлой лекции текста я задал вопрос о китайском календаре, то никто не мог сказать ни одного слова. И этот факт – не единичный. Особенно это заметно по тому, что объяснения по китайской грамматике проходят большею частью как-то бесследно для сознания уча-

щихся этого курса. При грамматических объяснениях текстов я делаю ссылки на соот. §§ практического словаря служебных слов, рекомендуя слушателям в обязательном порядке усвоить их путем самостоятельной проработки. В указанном пособии грамматическое правило ясно изложено на общепонятном русском языке; оно разъясняется многочисленными примерами, к которым дается транскрипция иероглифического текста и русский дословный перевод. Такой метод дает полную возможность усвоения грамматики китайского литературного языка. Насколько фактически добросовестно ведется самостоятельная проработка грамматики по пособию, видно напр. из того, что 29 декабря при чтении газетной статьи я обратился с вопросом к аудитории о значении служ. слова «цзэ», разъясняемого разговорным «цюеши». Разбор этого служ. слова происходил за две лекции тому назад, причем для самостоятельного ознакомления с ним был рекомендован §22 пособия. Задавая вопрос об этом служ. слове я добавил, что в данный момент представляется возможность блестяще доказать, что самостоятельная проработка – не пустые слова, и что она продуктивно осуществляется. Однако никто не мог ответить на этот легкий вопрос, несмотря на то, что данное служебное слово имеет такие значения как: – а, но, же, наоборот, встречавшиеся уже неоднократно и ранее. Правда, нашлось 3 студента, которые заявили, что они читали, но забыли. Но как читали? Если бы при каждом правиле они внимательно разобрали два-три примера, то этого конечно не случилось бы.

Большой процент малоуспевающих студентов сильно тормозит темпы работы. Со стороны студенческих представителей неоднократно выставлялись настойчивые предложения исключительно работать с малоуспевающими (Василенко, Беловицкий, Глухов, Ефремов, Козлов, Рось, Слюсарев), причем моя работа с успевающими встречала протесты. Идя на встречу этим пожеланиям, приходилось значительную часть времени уделять слабым слушателям, что сильно задерживало нормальный ход курса.

Теперь своевременно объяснить основную цель преподавания китайского языка на IV курсе. Предмет, о котором будем говорить, – это стиль больших передовых статей, издающихся в Китае газет, выдержанных в строго классическом стиле китайского литературного языка, – <стр. 2> по различным вопросам современности. С особенностями этого, весьма сложного, языка слушатели впервые знакомятся на IV курсе, т. е. на втором году изучения литературного языка (вэньли), для удовлетворительного овладения которым китайцу нужно во всяком случае около десяти лет обучения – для того, чтобы научиться свободно читать и писать на нем. В нашем процессе изучения языка мы сокращаем это время до 4–5 лет, заменяя китайские учебные методы нашими на основе наших научно-лингвистических достижений, что ускоряет темпы его изучения. Притом наша задача значительно скромнее. Если слушатель научится со словарем читать текст, ясно представляя себе особенности грамматического строя, стиля, морфологии и семасиологии, то повидимому цель эта будет отчасти достигнута. Для более скорого и успешного овладения текстом у нас практикуется аналитический метод его освоения, работа над самим текстом посредством анализа входящих в него ингредиентов. Основное требование – это выработка дословного точного перевода на правильном

русском языке. Но такой перевод дается преподавателем не сразу, но ему предшествует ряд объяснений 1) значений слов, как общих, так и в применении к данному тексту, причем обращается внимание на специальные фразы из клас. литературы, так наз.: дьяньгу, 2) грамматического строя китайского предложения в зависимости от нахождения в тексте служ. слов в степенном порядке первоначальной ориентации на них, с переходом к объяснениям этих служ. слов и с ссылкой на соот. §§ пособия; прежде чем приступить к окончательному русскому переводу делается экскурс в область русской грамматики с указанием особенностей идеоматики и др. выражения в этих двух языках, так различаясь между собою в этом отношении. Только после такой всесторонней интерпретации текста, с учетом всех моментов языковедческого характера, мы переходим к переводу его на русский язык. Какие при этом преследуются цели, мы повторим снова: дословность, точность и правильный русский язык. Но тут требуется неослабное внимание, возникает неспособность для некоторых воспринять все это в полноте, а потому, по нашему мнению, и являются выступления против таких методов ведения преподавателем проработок текстов.

Конечно интерпретация восточных текстов именно по специальным отделам китайской литературы, – от современных газетных и журнальных статей и до классического языка и произведений художественной литературы – должна занимать и фактически занимает существенное положение в общей схеме преподавания восточных языков как в наших специальных учебных заведениях так и за границей. Такая интерпретация текста ведется высококвалифицированными научными силами, уже прошедшими многие и многие годы над всесторонним изучением восточных языков их литератур, – теми научными работниками, которые путем продолжительного педагогического опыта вырабатывали специальные методы преподавания той или иной лингвистической дисциплины в связи с требованиями государства и общественной действительности и задачами данной школы. Насколько самый отбор научных работников для высшей школы строг и тщателен, – об этом нечего и распространяться.

Всякий, кто хоть сколько нибудь смыслит в методах преподавания китайского языка в высшей или средней, а тем более нисшей школы, никогда не сделает той грубой ошибки, которую позволяют себе т. Потапов и другие студенты, отождествляя наше преподавание с таковым же средней школы. В свое время кафедра китайского языка затратила не мало труда над разработкой методов преподавания китайского языка в нисших и средних школах нашего края, и мы должны разочаровать наших оппонентов, что между методикой высшей, нисшей и средней школ залегает очень большая пропасть.

В дополнение ко всему сказанному, мы не можем не прийти к определенному выводу, что на первых порах (осенний семестр), когда еще только завязывается первоначальное осознание предмета (в данному случае речь идет об усвоении литературного <стр. 3> стили зяньли), самостоятельная проработка такого сложного в грамматическом и семасиологическом отношении текста должна давать очень мало при значительной, притом, затрате времени. Отыскивание по словарям, не только русским, но и иностранным, значительного количества незнакомых иероглифов, часто с выписыванием неподходящих к тексту значений; невозможность разобраться в синтаксических осо-

бенностях языка, не встречавшихся ранее при изучении разговорного языка, и его идеоматике, должно приводить к весьма ничтожным результатам такую работу, и лучшим методом к пониманию таких текстов на первой поре изучения языка в наших Вузах считается аналитический метод и интерпретация текста, ведомые квалифицированным преподавателем.

Не можем не обратить серьезного внимания на одну специальную сторону дела, – именно на учение о строе языка. Синтаксис кит. лит. яз., разработка которого ознаменовалась значительными успехами за последние годы, – этот синтаксис стал предметом моей научно-исследовательской работы, и объем его достигает до 500 стр. в рукописи, вследствие его необычайной сложности, богатству и разнообразию синтаксических особенностей, приближающих его к таким языкам, как напр. латинскому и древнегреческому. Интерпретируя тексты, я имею возможность отмечать не только различные общие схемы построения предложений, но и входить в детальные особенности конструкций, – без чего текст не может быть понят правильно. Из того, что у меня интерпретация текста проводится ясно, перевод кажется простым, – еще не значит, чтобы на самом деле все было так ясно и просто, и что мы, дескать, студенты можем и сами так прорабатывать. Дело в том, что многие грамматические правила, формулируемые мною, нередко представляют окончательный вывод – краткое резюме – грам. положений, суть которых изложена на многих десятках страниц. Спрашивается, откуда студенты без преподавателя возьмут эти правила? Разве только в процессе самостоятельной проработки у них явится представление о стройной системе китайского синтаксиса (это при плохом то знании русской грамматики) и разве будут правильны выводы в практическом его приложении к тому или другому тексту? Разве они уже имеют широкое представление о той исторической, бытовой и проч. обстановке, среди которой возникло определенное идиоматическое выражение (дяньгу)? Наконец, если преподавателю, вместо планового преподавания языка придется разменяться на мелкие консультационные справки, или что же – вместо одной лекции он должен прочесть 14 отдельных лекций по числу консультирующихся?

Предварительно принятия окончательных решений, надо зрело продумать и выяснить, не путем построения воздушных замков, а на имеющихся прецедентах [так], какие элементы курса требуют самостоятельной проработки, а какие – лекционной. Возьмем нынешний V курс. Проводилась самостоятельная проработка двух дисциплин: а) шицзина и б) китайских переводов речи т. Сталина на XVII съезде. В результате самостоятельной проработки шицзина успех был самый ничтожный: выбраны иероглифы, часто совсем не с теми значениями, которые должны подходить к тексту, причем никто не дал самостоятельного русского перевода. Потерянное таким образом время могло быть использовано с большей пользой на лишние лекции по истории китайской литературы, часы на которую отведены в незначительном количестве. Совсем другое представляла из себя вторая тема. Имея под руками русский текст речи, студенты имели возможность провести критическую работу над двумя китайскими переводами, выяснив, какой из вариантов этих текстов представляет наиболее правильный

перевод, и вместе с этим провести самостоятельную работу по усвоению политэкономической и др. терминологии.

После столь обширного, но необходимого отступления, вернемся к затронутому выше обозрению того, как проходит лекция. Текст, проинтерпретированный указанным способом при наличии элементов вышеуказанного научного свойства, предлагается кому либо из студентов перевести самостоятельно с соблюдением основных требований: дословности, точности и на хорошем русском языке. Эта цель в большинстве случаев не достигается сразу; причиной этого являются: <стр. 4> 1) не вполне заостренное внимание, 2) плохое понимание грамматики вообще, 3) перескакивание с одного места текста на другой, через несколько иероглифов, без побудительной тому причины, 4) плохое овладение сложными конструкциями текста чуждого, весьма своеобразного языка, благодаря чему смысл подлинника остается, вследствие плохого усвоения объяснений, скрытым за целым лесом иероглифов. Приходится неоднократно поправлять перевод, во второй или третий раз опять повторять то, что уже говорилось, если слушатель не в состоянии воспроизвести текст правильно на русском языке. Бывают и лучшие ответы, но это – значительно реже. Когда объясняется новый текст, слова преподавателя постоянно прерываются вопросами, задаваемыми различными студентами, причем определенные лица упорно делают ставку на те иероглифы, которые уже встречались неоднократно. Все это затягивает время и уменьшает объем материала, долженствующего быть пройденным за данное время.

Теперь сравним учебную работу нынешнего IV курса с работой прошлогоднего IV курса. Выдающиеся студенты этого курса: Денищенко и Назаров. О темпах прохождения курса свидетельствуют достигнутые результаты под моим руководством. В начале года по официальному языку и скорописи (две различные дисциплины) прочитывалось по ½ страницы, через 2–3 месяца – по одной и более, доходя до двух страниц, при обязательном повторении пройденного материала. По газетному стилю читались трудные статьи («Реформа высшей школы», «Маньчжурские партизаны» и проч.), причем за лекцию усваивался целый абзац 10–15 длинных строк печатного текста, вместо «трех» на разбираемом нами курсе.

На втором курсе в начале этого года мною прочитывалось 30–40 строк совершенно новой для студентов газеты: Рабочий путь. Опять – совершенно не та картина, которая вырисовывается на IV курсе.

Бывали случаи проработки заданий с чисто стахановскими темпами на 200–300%. Не могу при этом не упомянуть о работе студентки Денищенко, которая в течение 36 часов летнего семестра путем рационального сочетания самостоятельной работы с лекционной, прошла за этот короткий промежуток времени материал в таком объеме, с которым не справился бы наш IV курс за целый год. Об этом мы слушали доклад самой Денищенко на недавней конференции по поводу производственной практики.

Далее должно еще сказать об окончивших только что курс т. т. Медовой, Арсеев и Сидихменове. Кто посмеет сказать, что организация учебного процесса кафедрой китайского языка при подготовке их не отвечала задачам подготовки высококвалифицированных советских специалистов? Эти лица вышли с достаточным знанием

языка и вполне подготовленные для ожидающей их деятельности в качестве лингвистов-восточников.

Должно отметить еще, что Медовая, в бытность студенткой, в качестве аспирантки, вместе с Загоруйко и Денищенко, по моей программе и под моим наблюдением и руководством, с Загоруйко прошла специальный курс языка, причем проработка шла очень быстрыми темпами (в несколько месяцев был пройден китайский учебник Отте в 100 с лишком страниц), приближающимися по выполнению заданий к стахановским методам работы. Денищенко, проходя у меня тексты по Рэтэю, вела самостоятельную проработку их, а у меня на лекциях всегда безоговорочно и быстро делала перевод с русского на китайский объемом в ½ страницы формата обыкновенной тетради, почти без ошибок. Она прошла таким образом почти всю синюю книжку издания т. Червонецкого. Разве это тоже не стахановский метод проработки задания? Так же работал и т. Загоруйко.

Я мог бы привести еще больше фамилий блестяще квалифицированных работников, окончивших курс Восфака по кит. отд., учившихся у меня, которые ныне работают в центре, и именами которых Восфак может поистине гордиться.

В заключение, не могу не упомянуть о моих бывших учениках: Хионине и Полевом, авторах известных словарей. От них я имею их печатные работы с надписями благодарности как своему бывшему учителю.

Полагаем, что приводимых примеров достаточно, чтобы понять весь инсинуирующий тон статьи т. Потапова. В этой статье все характерные <стр. 5> черты обстановки преподавания (характерные особенности курса) и самое преподавание на основе новейших достижений лингвистической науки тщательно затушеваны. Взамен этого получилась бездарно исполненная карриатура с такими аксессуарами, как «трясущиеся коленки», и с прочей негодной, грубо намалеванной, бутафорией.

«Еще одно последнее сказанье, и летопись окончена моя». Остается дать еще разъяснение относительно изучения у нас китайского официального языка, в который вошли элементы литературного стиля вэньли. Важность изучения официального стиля видна уже из того, что на нем изложено современно китайское законодательство, и он охватывает, таким образом, все стороны экономической и политической жизни страны. Документы внутренней и внешней торговли, таможенные тарифы, правила о морском и речном судоходстве, портовые и лоцманские правила, уставы банков и все банковское делопроизводство, правила относительно торговых компаний и акционерных обществ, железнодорожные распоряжения, регулирующие эксплуатацию железных дорог, и в частности коммерческую и техническую эксплуатацию нашей бывшей КВЖД, законы о печати, вся консульская переписка – все это излагается на официальном языке в стиле вэньли. Официальные отделы в китайских газетах и журналах, литература по экономике, справочные издания также пишутся этим стилем.

Официальный стиль всех этих произведений представляет все-сторонне разработанный язык, которым пользуются современные нам китайцы в течение многих десятков лет. Говорить о том, что язык документов сегодняшнего дня и язык документов 15-ти лет тому на-

зад есть – один новый, а другой старый, – так же нелепо, как утверждать нечто подобное по отношению к русскому языку. Язык Ленина, – своеобразный, гибкий и живой, – является для нас высоким образцом того, как должен писать и говорить советский деятель в наши дни. Этот язык долгое время будет служить неисчерпаемым источником, из которого русский стиль будет черпать свою энергию и силу.

Подобным же образом, мы имеем образцы китайского официального языка, относящегося к первым годам республики. Свод законов китайской республики и публикуемые ежегодно дополнения к нему составляют неисчерпаемый источник кит. официального языка с богатейшей терминологией по всем сторонам государственной жизни Китая. Такое же значение имеют и изданные в первые годы республики торговое, гражданское и уголовное право, игнорировать китайский текст которых мы не можем, если является практическая потребность работать в Китае по дипломатической и консульской службе. Изучая официальный стиль у нас, на Восфаке, (имея ограниченное число часов на эту дисциплину) мы должны охватить при минимуме материала наибольшее количество элементов терминологии, разнообразнейших форм документального характера в разностороннем воспроизведении жизни Китая, – судя по приведенному выше перечню материалов официального языка.

Можно ли достигнуть этой цели, если мы будем штудировать случайно подвертывающийся под руки материал, только потому, что он новый? В особенности – бумаги. Оппонент вращается только в орбите этих бумаг, не представляя себе, какой богатый материал для изучения лежит перед нами, ожидая нашего внимания, и как мало, в сущности, дает чтение одних только бумаг. Наоборот – нам нужен компактно составленный учебник этого языка с текстами по наиболее возможно разнообразному материалу. Тут должен быть всесторонне представлен и язык современного китайского законодательства, и язык отчетов о торговле, и язык указов и распоряжений центральной власти и переписки различных присутственных мест. Таможни, пути сообщений, законы о периодической прессе, почта и телеграф, сношения с иностранцами – все должно найти свое отражение в таком учебнике, все должно быть представлено соответствующими документами. Такой учебник возможно составить путем тщательнейшего отбора наиболее подходящих текстов среди сотен официальных документов, многие из которых представляют неодинаковый по ценности или негодности материал. (Учиться по случайно выхваченным из канцелярии бумагам и думать, что это и есть нечто самое настоящее – какая наивная мечта!) Но самое главное, – <стр. 6> автором такого учебника может быть только проживающее в Китае должностное лицо с солидным знанием китайского языка, канцелярия которого представляет большое собрание разнообразнейших материалов на китайском языке. Такое счастливое сочетание большого числа официальных документов с подбором языка, бесконечно варьирующегося по своим оборотам и идеоматике и представляет небольшой, но компактный, учебник Отте, недаром пользующийся большой известностью и распространенностью. Мы конечно не возражаем против чтения той или иной новой бумаги, но основной лейтмотив изучения официального языка должен всетаки играть учебник Отте, и изъятие его из нашей учебной практики принесло бы непоправимый вред делу, раз это про-

изошло бы по неосмысленному требованию некомпетентного лица, хотя бы и учащегося.

В заключение, говоря о статье т. Потапова, нельзя не признать, что он, не обладая ни соответственным педагогическим опытом, ни остаточными знаниями, старается, тем не менее, доказать, что в смысле опыта и знаний он выше квалифицированных работников, подменяя многолетний опыт своими умствованиями. Получившийся такого рода силлогизм представляет в логике своего рода *reductio ad absurdum* – приведение к абсурду, к нелепости. Таким образом, данная статья представляет собой слабое в диалектическом отношении упражнение. Но пусть т. Потапов поучится еще китайскому языку, поучится обуздывать свою самовлюбленность и почаще обращаться к самокритике, научиться зрело рассуждать диалектически, ну и тогда мы охотнее с ним будем полемизировать. Настоящее же упражнение – статья Потапова – прибавляет еще несколько уродливых штрихов и черт – не скажу, чтобы особенно красивой – физиономии четвертого курса, относя на его актив литературное выступление такого рода.

Проф. А. Рудаков
3 января, 4 часа утра
1936 г.

РГИА ДВ Ф. Р-289. Оп. 1. Д. 291. Л. 15–18.

Materials of the Inspection of the Chinese Language Department of Far East State University, December 1935 – January 1936. Part 2

DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-2/129-146>

Publication is prepared by Yaroslav A. BARBENKO, Ph. D. (in History), Associate Professor, Department of Political Sciences, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).
E-mail: prohist@ya.ru

For citation: Materials of the Inspection of the Chinese Language Department of Far East State University, December 1935 – January 1936. Part 2 // Oriental Institute Journal. 2021. № 2. P. 129–146. DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-2/129-146>

АВТОРАМ И ЧИТАТЕЛЯМ

Научный журнал «Известия Восточного института» посвящён проблемам международных отношений, регионоведения и страноведения АТР. Приоритетными темами для журнала являются особенности развития азиатских и тихоокеанских стран (прежде всего, Восточной, Южной и Центральной Азии), история и настоящее Восточной Сибири и Дальнего Востока России. Журнал является преемником одноимённого периодического издания, первый выпуск которого вышел в свет в 1900 г. Издание возобновлено в 1994 г.

К публикации в журнале принимаются статьи и научные материалы преподавателей и сотрудников ДВФУ, других образовательных и научно-исследовательских организаций России и зарубежных стран, а также всех заинтересованных и компетентных исследователей. Периодичность издания – четыре раза в год.

Выпуски журнала включают следующие основные рубрики:

«История»,	«Политика»,	«Архив»,
«Литературоведение»,	«Симпозиум»,	«Рецензии»,
«Лингвистика»,	«Научные сообщения»,	«Научная жизнь».

Тематика статей, принимаемых к публикации в журнале «Известия Восточного института», соответствует следующим группам научных специальностей:

03.00.00 История. Исторические науки;	10.02.00 Языкознание;
10.01.00 Литературоведение;	11.00.00 Политика. Политические науки.

Журнал «Известия Восточного института» входит в список рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

07.00.02	Отечественная история (исторические науки),
07.00.03	Всеобщая история (соответствующего периода) (исторические науки),
07.00.15	История международных отношений и внешней политики (исторические науки),
10.02.20	Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание (филологические науки),
10.02.22	Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии (с указанием конкретного языка или языковой семьи) (филологические науки),
23.00.02	Политические институты, процессы и технологии (политические науки),
23.00.04	Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития (политические науки).

Редакция обращает внимание авторов на то, что в вышеприведенный перечень не входят статьи по научной специальности 10.01.00 Литературоведение.

Публикации «Известий Восточного института» фиксируются в международной базе данных CrossRef, поддерживаемой Агентством регистрации Цифровых Идентификаторов Объекта (Digital Object Identifier – DOI). Префикс DOI: 10.24866/2542-1611.

Статьи и материалы, опубликованные в журнале, индексируются в базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) на сайте Научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU, а также доступны через сайт научной электронной библиотеки «КиберЛенинка».

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации — серия ПИ № ФС77—36364 от 29 мая 2009 г.

Информация для авторов

К публикации в журнале принимаются, как правило, работы, ранее не выходившие в русскоязычных изданиях.

Предоставление автором/авторами рукописи в редакцию журнала рассматривается как заключение договора в устной форме о передаче издателю права на использование своего произведения (п. 2; ст. 1286; ГК РФ) в печатном и электронном виде. Принятие рукописи к публикации предполагает бесплатную бессрочную передачу автором/авторами текста неисключительных авторских прав редакции.

Предоставляя рукописи в редакцию журнала, авторы тем самым подтверждают согласие с принципами публикационной этики издания и процедурами обработки рукописей (см. детали на сайте издания).

В работе с рукописями редакция исходит из существования нескольких жанров научных текстов: 1) научная статья, 2) отчёт о работе круглого стола/научного семинара, 3) научное сообщение, 4) научная рецензия, 5) публикация исторического источника и научный комментарий к нему, 6) сообщение о научном событии. Разделение на жанры преследует цель совершенствования научной экспертизы рукописей и дифференцированного подхода к текстам разного назначения. Обобщённо редакция выделяет жанр статьи и жанр материалов (с поджанрами; см. ниже).

Стремясь к совершенствованию исследовательской практики научного сообщества, редакция понимает под научной статьёй отчёт о логически завершённом исследовании познавательной проблемы, осуществлённом посредством применения научного метода. Соответственно, характерной чертой научной статьи является её методолого-методическая насыщенность, признаками которой являются а) чёткое описание объекта, предмета, цели и задач исследования, б) обсуждение и оценка фактологической и методолого-методической основы исследования, в) обобщение и выводы. Именно эти четыре признака лежат в основе различения «статей» и «материалов» в практике редакционной работы.

Материалы включают следующие поджанры:

- ♦ материалы круглого стола/семинара – стенограмма или авторские материалы научного обсуждения акту-

альной познавательной проблемы;

- ◆ научное сообщение – обзор эмпирического материала в проблемном или описательном ключе, имеющий познавательное значение и научную актуальность;
- ◆ научная рецензия – критический отзыв на публикацию, раскрывающий её содержание и дающий оценку её познавательного значения;
- ◆ научный комментарий к историческому источнику – текст, сопровождающий публикацию документа, задающий его исторический контекст, разъясняющий необходимые детали (упоминаемые в нём события и персоналии и т. п.), дающий оценку документа как источника по указываемым в комментарии познавательным проблемам;
- ◆ сообщение о научном событии – краткий обзор одного или нескольких научных событий (конференций, семинаров и т. п.), включающий содержательное мнение автора о значении этих событий для развития области знаний.

Рукописи статей и научных сообщений подлежат научному рецензированию. Рукописи иных материалов проходят редакционную экспертизу на предмет соответствия тематическому профилю журнала и научно-познавательной актуальности.

Рукописи проходят редакционный отбор. Рукописи, не соответствующие содержательно-тематическому профилю журнала, редакционным требованиям к оформлению и комплектности, не рассматриваются.

Рукописи статей публикуются в порядке их поступления в редакцию. Редакция журнала оставляет за собой право сокращать и редактировать рукописи статей, а также переносить их публикацию в один из ближайших номеров. Право на первоочередную публикацию имеют статьи членов редколлегии журнала, а затем статьи аспирантов и докторантов.

Один автор (индивидуально и в соавторстве) не может опубликовать в журнале в течение календарного года более двух статей.

Доля заимствований из предыдущих публикаций автора в рукописи, направляемой им в журнал, не может превышать 25%.

Материалы в очередные номера журнала принимаются до 1 февраля, 1 мая, 1 августа, 1 ноября.

Плата за публикацию статей не взимается, гонорар не выплачивается. Авторские экземпляры иногородним авторам не высылаются.

Требования к направляемым в редакцию материалам

- 1 Формат файла должен быть совместим с Microsoft Office Word.
- 2 Файл не должен содержать нестандартных авторских стилей и специального форматирования.
- 3 Формат страницы А4. Поля страницы: верхнее и нижнее – 2 см, правое – 1,5 см, левое – 2,5 см.
- 4 В заголовках не применять ЗАГЛАВНЫЕ символы без необходимости, пропоставка буквы «ё» в тексте рукописи обязательна. Римские цифры должны быть набраны в английской раскладке.
- 5 Шрифт Times New Roman, размер знака 14 пт, межстрочный интервал 1,5.
- 6 Объём присылаемых рукописей: статей – от 0,5 до 1,0 авторского листа (20–40 тыс. знаков с пробелами), комментариев к историческому источнику (в рубрику «Архив») – не более 0,3 авт. листа (12 тыс. знаков), текст исторического источника не должен превышать 1,0 авт. листа (40 тыс. знаков), материалы в рубрику «Научные сообщения» и «Научная жизнь» – не более 0,3 авт. листа (12 тыс. знаков), материалов в рубрику «Рецензии» – не более 0,5 авт. листа (20 тыс. знаков).
- 7 Порядок оформления статьи: УДК, Ф. И. О. автора (авторов) на русском языке и их транслитерация латиницей, название статьи (на русском и английском языках), аннотация (на русском и английском языках), ключевые слова (на русском и на английском языках), текст статьи, список использованной литературы, список сокращений (если есть), подписи к рисункам и диаграммам (если есть), информация об авторе (авторах) на русском и английском языках.
- 8 Аннотация должна включать информацию о предмете, методологии и результатах исследования. Объём аннотации на русском языке – 500 (±100) знаков, на английском языке – 1000 (±100) знаков.
- 9 Количество ключевых слов и фраз 5–7, количество слов внутри ключевой фразы не более 3 – так, чтобы общее количество слов не превышало 15. Ключевые слова должны быть упорядочены – от общих, соответствующих проблеме, к частным, отражающим детали исследования, методике.
- 10 Текст рукописи может включать не более двух уровней заголовков.
- 11 Библиографические ссылки в тексте статьи являются внутритекстовыми и оформляются квадратными скобками. В скобках сначала указывается порядковый номер цитируемой работы в списке литературы, затем, через запятую, номер страницы приведённой цитаты или упомянутого факта. В случае одновременной ссылки на несколько работ, сами ссылки помещаются внутрь одной пары скобок и отделяются друг от друга точкой с запятой.
- 12 Ссылка на неопубликованный архивный или иной документ внутритекстовая, она не помещается в список литературы. Такая ссылка оформляется круглыми скобками.
- 13 В случае, если рукопись включает таблицы, иллюстрации, диаграммы, в тексте должны быть ссылки на эти объекты.

- 14 Таблицы, иллюстрации, диаграммы должны снабжаться поясняющей подписью, в которой даются название/заголовок и указывается авторство или источник происхождения: ссылка на элемент списка литературы, неопубликованный источник, иная ссылка.
- 15 В силу того, что изображение в текстовый файл не вставляются, поясняющие подписи к иллюстрациям помещаются после списка литературы особым списком (даже если иллюстрация одна).
- 16 Рисунки, карты и т. п. принимаются в наиболее распространённых графических форматах (eps, ai, jpeg, bmp, tif) отдельными файлами с разрешением 300–450 dpi; вставлять графический файл в текстовый не следует!
- 17 Имя графического файла с иллюстрацией – порядковый номер иллюстрации в рукописи.
- 18 Диаграммы должны быть представлены в исходном виде, а не как рисунок, т. е. сопровождаться таблицей данных. Для этого диаграммы необходимо выполнять и предоставлять в формате электронных таблиц Microsoft Excel. Каждая диаграмма должна быть расположена на отдельном листе файла электронной таблицы.
- 19 Ввиду чёрно-белой печати журнала цветовая гамма иллюстраций, графиков, карт и т. д. по возможности не должна содержать более трёх цветов (чёрный, белый, серый 50%).
- 20 Расшифровка сокращений и аббревиатур (кроме общепринятых, ГОСТ Р 7.0.12-2011) обязательна и даётся в конце текста рукописи после списка литературы.
- 21 Нумерованный список литературы составляется в алфавитном порядке, по фамилиям первых авторов и названиям работ без учёта соавторов и хронологии.
- 22 В списке сначала указывается литература на кириллице, затем на латинице, затем в других системах письма.
- 23 В одном пункте списка литературы не может быть больше одной ссылки на один том издания.
- 24 Библиографическое описание элементов списка литературы выполняется по ГОСТу Р 7.0.100–2018 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления».
- 25 Ссылка на работу, опубликованную на восточном языке, должна включать описание на языке оригинала и полный перевод описания данной публикации на русский язык.
- 26 При наличии у цитируемой публикации идентификатора цифрового объекта (DOI), его желательно указывать.
- 27 Сведения об авторе (авторах) рукописи должны быть представлены на русском и английском языках и должны включать: фамилию, имя, отчество, учёную степень, учёное звание, место работы, должность, адрес электронной почты.
- 28 Присылаемому файлу (файлам) следует присваивать только фамилию автора (первого автора). В случае, если рукопись имеет нескольких авторов, редакция ведёт переписку с первым автором.
- 29 Материалы предоставляются в редакцию в электронном виде без архивации в виде набора файлов. Адрес электронной почты: izvestyavi@yandex.ru

Детализацию требований см. на сайте издания.

Сведения о членах редакционной коллегии

- 1 Азизян Рубен Михайлович, канд. ист. наук, профессор, директор Центра исследований обороны и безопасности Университета Мэсси, Новая Зеландия.
- 2 Араи Хирофуми, старший научный сотрудник Института экономических исследований Северо-Восточной Азии (ERINA), г. Ниигата, Япония.
- 3 Барбенко Ярослав Александрович, канд. ист. наук, доцент кафедры политологии ВИ–ШРМИ ДВФУ (ответственный редактор).
- 4 Волынчук Андрей Борисович, ведущий научный сотрудник отдела международных отношений и региональной безопасности Института истории археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, доктор полит. наук, доцент.
- 5 Дударёнок Светлана Михайловна, доктор ист. наук, ведущий научный сотрудник отдела социально-политических исследований Института истории археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.
- 6 Киреев Антон Александрович, канд. полит. наук, доцент кафедры политологии ВИ–ШРМИ ДВФУ.

- 7 Кожевников Владимир Васильевич, канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник отдела изучения Японии и Кореи Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН.
- 8 Кузнецов Анатолий Михайлович, доктор ист. наук, профессор кафедры международных отношений ВИ–ШРМИ ДВФУ.
- 9 Курилов Владимир Иванович, доктор юрид. наук, профессор.
- 10 Ларин Виктор Лаврентьевич, доктор ист. наук, главный научный сотрудник, заведующий центром азиатско-тихоокеанских исследований Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН, академик РАН.
- 11 Ловцевич Галина Николаевна, доктор филол. наук, зав. кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации ВИ–ШРМИ ДВФУ.
- 12 Лукин Артём Леонидович, канд. полит. наук, заместитель директора по науке и инновациям ВИ–ШРМИ ДВФУ, доцент кафедры международных отношений ВИ–ШРМИ ДВФУ (зам. главного редактора).
- 13 Моргун Зоя Фёдоровна, канд. ист. наук, доцент кафедры японоведения ВИ–ШРМИ ДВФУ.
- 14 Николаева Ольга Васильевна, доктор филол. наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации ВИ–ШРМИ ДВФУ.
- 15 Николаенко Валерий Дмитриевич, доктор полит. наук.
- 16 Первушина Елена Александровна, доктор филол. наук, профессор кафедры русского языка как иностранного ВИ–ШРМИ ДВФУ.
- 17 Песцов Сергей Константинович, доктор полит. наук, профессор кафедры международных отношений ВИ–ШРМИ ДВФУ, доцент.
- 18 Поправко Елена Александровна, доктор ист. наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военной академии материально-технического обеспечения им. А. В. Хрулёва Минобороны РФ, доцент.
- 19 Прошина Зоя Григорьевна, доктор филол. наук, профессор факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М. В. Ломоносова, профессор.
- 20 Пустовойт Евгений Валерьевич, канд. ист. наук, доцент кафедры японоведения ВИ–ШРМИ ДВФУ, директор ВИ–ШРМИ ДВФУ.
- 21 Севастьянов Сергей Витальевич, доктор полит. наук, профессор кафедры международных отношений ВИ–ШРМИ ДВФУ, доцент.
- 22 Сторожук Александр Георгиевич, доктор филол. наук, заведующий кафедрой китайской филологии СПбГУ.
- 23 Сунь Юйхуа, доктор пед. наук, профессор, советник ректора Даляньского университета иностранных языков, г. Далянь, КНР.
- 24 Толстокулаков Игорь Анатольевич, доктор ист. наук, профессор кафедры корееведения ВИ–ШРМИ ДВФУ, доцент.
- 25 Фудзимото Вакио, доктор ист. наук, ректор Осацкого университета экономики и права, почётный профессор Осацкого государственного университета, Япония; почётный доктор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.
- 26 Хаматова Анна Александровна, канд. филол. наук, профессор кафедры китаеведения ВИ–ШРМИ ДВФУ (главный редактор).
- 27 Шереметьева Елена Сергеевна, доктор филол. наук, профессор каф. русского языка и литературы ВИ–ШРМИ ДВФУ.

ИЗВЕСТИЯ ВОСТОЧНОГО ИНСТИТУТА

№ 2 (50) • 2021

Редактор Я. А. Барбенко
Редактор английского текста В. Л. Завьялова
Корректор О. А. Золотухина
Компьютерная верстка В. Н. Караман
Дизайн обложки Е. А. Андреева

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия РФ.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-36364 от 20 мая 2009 г.

Учредитель и издатель:
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего профессионального образования «Дальневосточный федераль-
ный университет», 690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский,
п. Аякс, 10.

Цена свободная

Дата выхода в свет 18.08.2021.
Формат 70x100/16. Усл. печ. л. 7,31. Уч.-изд. л. 11,15.
Тираж 100 экз.
Заказ 183

Отпечатано в типографии Дирекции публикационной деятельности
Дальневосточного федерального университета,
690950, Владивосток, ул. Пушкинская, 10.